

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

<https://doi.org/10.24866/2949-2580>
ISSN 2949-2580

Научный журнал

*Основан в 2023 году
Выходит 4 раза в год*

Учредитель и издатель:

690922,
г. Владивосток,
о. Русский,
п. Аякс, 10

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор),
свидетельство Эл № ФС77-85316 от 15 мая 2023 г.*

Главный редактор

МОДИНА Галина Ивановна, доктор филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Заместитель главного редактора

НИКОЛАЕВА Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Ответственный секретарь

ПИВОВАРОВА Екатерина Владимировна, канд. филол. наук,
доцент кафедры романо-германской филологии
Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ

Размещено на сайте 26.12.2023

FAR EASTERN PHILOLOGICAL JOURNAL

<https://doi.org/10.24866/2949-2580>
ISSN 2949-2580

Science Journal

Founder and Publisher:

Founded in 2023
Published 4 times a year

10 Ajax Bay,
Russky Island,
Vladivostok,
690922, Russia

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor),
certificate Эл № ФС77-85316 dated 15.05.2023*

Chief Editor

Galina I. MODINA, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Deputy Chief Editor

Olga V. NIKOLAEVA, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Romano-Germanic Philology, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Executive Secretary

Ekaterina V. PIVOVAROVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Editorial address:

FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia

Published on 26.12.2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЕВА Екатерина Викторовна	канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
БРЕСЛАВЕЦ Татьяна Иосифовна	канд. филол. наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ГАЙНУТДИНОВА Дарья Александровна	магистр, ст. преподаватель кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ГРИГОРЬЕВА Юлия Сергеевна	канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ЗАВЬЯЛОВА Виктория Львовна	доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КЕЙДУН Ирина Борисовна	доктор филол. наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КИСЕЛЕВА Мария Сергеевна	канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КОРНИЛОВА Людмила Евгеньевна	канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
КОХАН Ирина Николаевна	канд. филол. наук, доцент Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МИХЕЕВА Ирина Владимировна	канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
МОРЕВА Надежда Семеновна	канд. филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ПЕРВУШИНА Елена Александровна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
СБОЕВ Александр Николаевич	канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
СТАРОДУМОВА Елена Алексеевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ХУЗИЯТОВА Надежда Константиновна	канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
ШЕРЕМЕТЬЕВА Елена Сергеевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АЙ Хуэйжун	канд. филол. наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
АВТУХОВИЧ Татьяна Евгеньевна	доктор филол. наук, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)
АЛЕКСАНДРОВА-ОСОКИНА Ольга Николаевна	доктор филол. наук, профессор кафедры литературы и журналистики педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия)
АНДРОСОВА Светлана Викторовна	доктор филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия)
ВОЙТИШЕК Елена Эдмундовна	доктор ист. наук, профессор кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
ИНЬКОВА Ольга Юрьевна	доктор филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Женевского университета (Женева, Швейцария).
КИРЕЕВА Наталья Владимировна	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск, Россия)
КРАЮШКИНА Татьяна Владимировна	доктор филол. наук, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)
ЛЮ Чжицян	канд. филол. наук, доцент Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
ПИНКОВСКИЙ Виталий Иванович	доктор филол. наук, доцент кафедры литературы Северо-восточного государственного университета (Магадан, Россия)
САЙ На	канд. филол. наук, доцент, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай)
СТОРОЖУК Александр Георгиевич	доктор филол. наук, профессор кафедры китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
УРМАНОВ Александр Васильевич	доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск, Россия)
ХАЧАТРЯН Наталья Михайловна	доктор филол. наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры Ереванского государственного университета им. В. Брюсова (Ереван, Армения)
ШАПОВАЛОВА Татьяна Егоровна	доктор филол. наук профессор, заведующая кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета (Москва, Россия)

EDITORIAL TEAM

Ekaterina V. BONDAREVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Tatyana I. BRESLAVETS	Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Daria A. GAINUTDINOVA	Master, Senior Lecturer at the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Yuliya S. GRIGORYEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina B. KEIDUN	Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Nadezhda K. KHUZIYATOVA	Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Maria S. KISELEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina N. KOKHAN	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Department of English Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Lyudmila E. KORNILOVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Nadezhda S. MOREVA	Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Irina V. MIKHEEVA	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena A. PERVUSHINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Alexander N. SBOEV	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Sinology, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena S. SHEREMETYEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Elena A. STARODUMOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
Victoria L. ZAVYALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Huirong AI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Olga N. ALEXandroVA-OSOKINA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature and Journalism, Pedagogical Institute, Pacific State University (Khabarovsk, Russia)
Svetlana V. ANDROSOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University (Blagoveshchensk, Russia)
Tatyana E. AUTUKHOVICH	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)
Olga Y. INKOVA	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, University of Geneva (Geneva, Switzerland)
Natalia M. KHACHATRYAN	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of World Literature and Culture, Yerevan State University named after V. Bryusova (Yerevan, Armenia)
Natalia V. KIREEVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia)
Tatyana V. KRAYUSHKINA	Doctor of Philological Sciences, Head of the Center for History of Culture and Intercultural Communication of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Zhiqiang LIU	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Vitaliy I. PINKOVSKY	Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Literature, North-Eastern State University (Magadan, Russia)
Na SAI	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China)
Tatyana E. SHAPOVALOVA	Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
Alexander G. STOROZHUK	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Alexander V. URMANOV	Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia)
Elena E. VOITISHEK	Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Шереметьева Е.С., Сюй Л.</i> ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА <i>ОДНО ДЕЛО – ДРУГОЕ ДЕЛО</i> : ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИИ И В ТЕКСТЕ	9
<i>Дыбовский А.С.</i> ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК КАК АРЕНА СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	17
<i>Ян Л., Ладисова О.В.</i> ПАРЕМИИ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ОСЕНЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО	31
<i>Ма Ц., Николаева О. В.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПУБЛИЧНЫХ РЕЧАХ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ПОЛИТИКОВ	36
<i>Го И., Николаева О.В.</i> КРИТИКА КАК ПРИЕМ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ В КИТАЙСКОМ И РОССИЙСКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЙ)	43
<i>Матвеева Е.М., Морева Н.С.</i> ФРАНЦУЗСКИЙ СОЮЗ <i>SAR</i> И РУССКОЕ <i>ИБО</i> В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ	54
<i>Жиравковская А. А.</i> НОМИНАЦИИ ЛИЦА В ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКЕ: ЗАИМСТВОВАНИЕ И ДЕРИВАЦИЯ	64

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Замуреева Ю.М., Панченко Т.Ф.</i> ДИАЛОГ ИСКУССТВ В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ СЛАПОВСКОГО «СЕРАЯ ВЕТКА»	74
<i>Чай Л., Осипова О.И.</i> ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ В КИТАЕ	81

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Мельниченко С.С., Киселева М.С.</i> МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЧЕРВЯ В ПЕСНЕ «ЭЛИСОН ГРОСС» ФОЛК-РОК-ГРУППЫ «МЕЛЬНИЦА»	89
--	----

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ОПЫТЫ

<i>Трущенко В.Е., Модина Г.И.</i> МОТИВЫ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ В КНИГЕ МАРГЕРИТ ЮРСЕНАР «ВОСТОЧНЫЕ НОВЕЛЛЫ»	95
<i>Самбур Ю.С., Модина Г.И.</i> ТАНАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА В РОМАНЕ ДОННЫ ТАРТТ «ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ»	103
<i>Заплутаева К.З., Симоненко У.М., Вершинина А.Р.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	111

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Sheremet'eva E.S., Xu L.</i> TEXTUAL CONNECTOR <i>ODNO DELO – DRUGOE DELO</i> : PECULIARITIES OF FUNCTIONING IN A SENTENCE AND IN A TEXT	9
<i>Dybovsky A.S.</i> THE JAPANESE LANGUAGE AS AN ARENA OF CIVILIZATIONAL CLASH ..	17
<i>Liu Y., Ladisova O.V.</i> PAREMIAS WITH SEMANTIC COMPONENT “AUTUMN” IN RUSSIAN AGAINST THE BACKGROUND OF CHINESE	31
<i>Ma J., Nikolaeva O.V.</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF EVALUATIVE ADJECTIVES IN PUBLIC SPEECHES OF RUSSIAN AND CHINESE POLITICIANS	36
<i>Guo Y.</i> CRITICISM AS A METHOD FOR IMPLEMENTATION OF THE WILL EXPRESSION STRATEGY IN CHINESE AND RUSSIAN DIPLOMATIC DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF PRESS CONFERENCES)	43
<i>Matveeva E., Moreva N.</i> FRENCH CONJUNCTION <i>CAR</i> AND RUSSIAN <i>ИБО</i> IN A COMPARATIVE ASPECT	54
<i>Zhirakovskaya A.A.</i> PERSONS' NOMINATIONS IN THE INTERNET LANGUAGE: BORROWINGS AND DERIVATIONS	64

LITERARY STUDIES

<i>Zamureeva Y.M., Panchenko T.F.</i> THE DIALOGUE OF ARTS IN ALEXEY SLAPOVSKY NOVEL “THE GRAY BRANCH”	74
<i>Chai L., Osipova O.I.</i> PREREQUISITES FOR THE STUDY OF RUSSIAN WOMEN’S PROSE IN CHINA	81

FOLKLORE STUDIES

<i>Melnichenko S.S., Kiseleva M.S.</i> THE MYTHOPOETIC IMAGE OF A WORM IN THE SONG "ALISON GROSS" BY THE FOLK-ROCK GROUP "MELNITSA"	89
---	----

FIRST SCIENTIFIC EXPERIENCES

<i>Trushchenko V.E., Modina G.I.</i> MOTIFS OF DEATH AND IMMORTALITY IN M. YOURCENAR’S BOOK “ORIENTAL TALES”	95
<i>Sambur Y.S., Modina G.I.</i> THANATOLOGICAL THEME IN DONNA TARTT’S NOVEL “THE SECRET HISTORY”	103
<i>Zaplutaeva K.Z., Simonenko U.M., Verшинina A.R.</i> LINGUISTIC PECULIARITIES OF HUMOROUS DISCOURSE IN ENGLISH	111

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/9-16>

**ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА *ОДНО ДЕЛО – ДРУГОЕ ДЕЛО*:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИИ И В ТЕКСТЕ**

Елена Сергеевна Шереметьева¹,

Лина Сюй²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹ Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, sheremeteva.es@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1154-1091>

² Аспирант, syuy.lina@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования текстовой скрепы *одно дело – другое дело*, служащей средством связи одновременно и в предложении, и в тексте. Установлено, что скрепа обладает значительным количеством контекстных модификаций структуры, однако все разновидности имеют одну семантику и общие функции. Текстовая скрепа *одно дело – другое дело* обладает структурой, аналогичной двухместным союзам, и формирует в составе предложения или текста сопоставительные отношения. Кроме того, в качестве текстового средства связи она вводит фрагмент текста, обосновывающий причину или раскрывающий содержание предшествующей части текста.

Ключевые слова: служебные слова, текстовая скрепа, текст, сопоставительные отношения, контекстные модификации

Для цитирования: Шереметьева Е.С., Сюй Л. Текстовая скрепа *одно дело – другое дело*: особенности функционирования в предложении и в тексте // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т 1. № 4. С. 9–16.

Original article

**TEXTUAL CONNECTOR *ODNO DELO – DRUGOE DELO*:
PECULIARITIES OF FUNCTIONING IN A SENTENCE AND IN A TEXT**

Elena S. Sheremet'eva¹,

Lina Xu²

^{1,2} Far Eastern federal University, Vladivostok, Russia

¹ Doctor of Philology, Associate Professor, sheremeteva.es@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1154-1091>

² Post-Graduate Student, syuy.lina@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the study of the textual connector *odno delo – drugoe delo* serving as a means of communication both in a sentence and in a text. It is stated that the

connector has a significant number of contextual modifications of the structure, but all varieties have the same semantics and common functions. The textual connector *одно дело – другое дело* possesses a structure similar to two-place conjunctions and forms comparative relations within a sentence or text. In addition, as a textual means of connection, it introduces a text fragment justifying the reason or revealing the content of the preceding part of the text.

Key words: function words, textual connector, text, comparative relationships, contextual modifications

For citation: Sheremet'eva E.S., Xu L. Textual Connector *Одно Дело – Другое Дело*: Peculiarities of Functioning in a Sentence and in a Text // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1, № 4. P. 9–16. (In Russ.).

Введение

Изучение служебных единиц разных классов имеет долгую временную историю. Тем не менее интерес к таким единицам не только не утихает, но в последние годы значительно усилился. Во многом это связано с тем, что классы служебных слов постоянно пополняются, причем пополняются за счет слов знаменательных. Кроме того, появляются такие средства связи, которые не вписываются в традиционную группировку связующих служебных слов, противопоставленных по отношению к морфолого-синтаксическому или собственно синтаксическому уровню (предлоги – союзы). Нет места в традиционной классификации служебным словам, получившим название «текстовая скрепа».

Термин «текстовая скрепа», несмотря на свою, казалось бы, прозрачность внутренней формы, требует объяснения: по отношению к каким явлениям языка можно его использовать.

В рамках Дальневосточной синтаксической школы этим термином предложено называть разнородные с точки зрения формальной структуры единицы, основной, а иногда и единственной функцией которых является функция оформления связи между высказываниями в тексте.

Представители этой школы в качестве базового используют следующее определение: текстовая скрепа – это «слово или фразеологизм, находящийся, как правило, в начале высказывания, создающий связь высказываний и обозначающий определенный тип отношения» [7, с. 135]. Автором идеи о выделении таких средств связи в отдельный класс единиц является А.Ф. Прияткина [6].

В русистике термин «скрепа» используется и по отношению ко всем средствам связи в сложном предложении и тексте [13]. При таком широком охвате связующих средств ему соответствует еще один термин – «коннектор» [1, 2, 9].

Одновременно предлагается скорректированный подход: развести средства связи, оформляющие логико-семантические отношения в предложении и в тексте, и средства связи, функцией которых является маркировка «тематической структуры текста», при этом именно для последних использовать понятие «текстовая скрепа» [2].

Для того чтобы решить вопрос, возможно ли такое разделение связующих средств на уровне текста, необходимо прежде всего изучить свойства и функции тех единиц, которые претендуют на роль текстовых скреп.

Одной из таких единиц является двухместная скрепа *одно дело – другое дело*, являющаяся объектом описания в настоящей статье.

Структура *одно дело – другое дело* была рассмотрена в работе Г.Д. Фигуровской [12]. Исследователь квалифицирует данную структуру как фразеологизированную конструкцию и рассматривает роль компонентов этой конструкции в составе предложения с точки зрения соотношения их с функциями членов предложения. При этом не акцентируется специально внимание на позиции компонентов конструкции в составе предложения: рассматриваются как предложения типа *Одно дело – задумать, а другое – исполнить задуманное* (Г.П. Данилевский), так и предложения типа *Хорошо было бы стукнуть её хоть разок, но Вася боится. Внутреннее притяжение – это одно, а сдачи получить от Кати – это уже другое* (Л.Г. Матвеева) [12, с. 101]. Кроме того, Г.Д. Фигуровская, отмечая текстообразующую функцию конструкции, обращает внимание на содержание «послетекста» данных конструкций.

Цель настоящей статьи – представить результаты изучения синтаксических, семантических и функциональных свойств структуры *одно дело – другое дело* в аспекте текстовой скрепы. Материал исследования был получен методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка.

Результаты исследования

Компонентный состав скрепы

Базовым в формальной структуре скрепы является компонент *дело*, который входит в состав хорошо изученной скрепы *дело в том, что*, а также в состав скреп, построенных по модели *Дело в №* [11], предикативной скрепы *Дело вот в чем* [10] и других. Компонент *дело* в структуре скрепы *одно дело – другое дело* не несёт семантической нагрузки, он представляет собой результат десемантизации. Семантическую нагрузку несут определительные слова местоименного типа *один* и *другой*.

Лексема *один* в Русской грамматике 1980 г. определяется как счётно-местоименное слово [8, с. 542]. В «Объяснительном словаре русского языка» под редакцией В.В. Морковкина лексема *один* характеризуется как адъективное определительное местоимение, при этом такое значение отмечается именно в сочетании с лексемой *другой*: в качестве иллюстрации приведен пример *Одно дело жить в Москве, другое – в деревне* [4, с. 238], то есть в словаре дан пример как раз со скрепой.

Н.Ю. Шведова считает, что слово *другой* тяготеет к классу местоимений, однако не включается в данный класс, поскольку оно не представляет собой слово, собственно означающее, оно сочетает в себе «полуместоименность» с функцией именованного предмета или признака» [14, с. 10]. В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и Большом толковом словаре С.А. Кузнецова первое значение слова *другой* зафиксировано следующим образом: «не этот, не данный» [3, с. 285; 5, с. 176], из чего следует, что семантика слова *другой* включает отрицание.

Контекстные модификации скрепы

В ходе исследования были выявлены формальные разновидности скрепы, которые определены нами как ее контекстные модификации: они не имеют существенных семантических и функциональных различий, выбор той или иной разновидности скрепы во многом зависит от желания говорящего и может определяться контекстом. Установлены следующие формальные разновидности скрепы:

1. Исходная структура скрепы, включающая четыре компонента: *одно дело – другое дело*. Пример: (1). *В отношении же кавалергардов у матери у самой возникли некоторые сомнения. **Одно дело** быть холостым кавалергардом. Для этого не нужно было иметь особых средств, ибо кавалергарды вели себя скромно (без показного шика). **Другое дело** быть женатому, семейному кавалергарду* (В.С. Трубецкой. Записки кирасира).

2. Структура с эллипсисом второго повторяющегося компонента *дело: одно дело – другое*. Пример: (2). *Почему за бюджетные финансы всегда идет жесткая борьба? – Они самые дешевые. **Одно дело** взять кредит в банке под высокие проценты, **другое** – добиться, чтобы ваш завод (больницу, НИИ, центр культуры) включили в адресную инвестиционную программу. Это значит, что государство признает его объектом особой важности и готово вложить некую круглую сумму совершенно безвозмездно* (Комсомольская правда, 31.01.2001).

3. Включение в состав исходной и эллиптической структуры скрепы союзов И, А, НО: *одно дело – и/а/но другое дело*. Примеры: (3). *Это было лишь начало. **Одно дело** – изготовить в лаборатории несколько килограммов вещества для предварительных испытаний, **и другое** – снабдить им все лечебные учреждения, больницы, санатории, всех нуждающихся в нем* (Работниц, 1957). (4). *А что будет дальше: спад или подъем спроса? Предположим, спад. А временный или окончательный? **Одно дело** – законсервировать производство, **а другое** – стереть его с лица земли* (Химия и жизнь, 1968).

4. Включение в состав скрепы частиц *совсем* и *совершенно*: *одно дело – совсем / совершенно другое дело*. Пример: (5). *<...> это очень непростая задача – организовать хорошую кухню, используя качественные отечественные продукты. **Одно дело** элитный ресторан в столице, **совсем другое дело** сеть по регионам* (Парламентская газета, 09.04.2015).

5. Замена местоименного слова *другой* местоименным словом *иной*: *одно дело – иное дело*: (6). *Чисто теоретически шеринговые технологии могут привести к возникновению площадок, где напрямую сводятся кредитор и заемщик. Однако рискованность таких нововведений очевидна. **Одно дело** – банк, который выдает тысячи кредитов с небольшим процентом невозврата. **И совсем иное** – физическое лицо, выдавшее один кредит* (lenta.ru, 06.09.2016).

6. Замена второй части скрепы *другое дело* союзами А, НО: *одно дело – а/но*. Пример: (7). *В последние годы на рынках Волгограда стали появляться турецкие помидоры. **Одно дело** – бананы, киви, которые тут не растут. **Но помидоры!** Снаружи они красные, упругие, без единого изъяна, как на подбор. А внутри белые* (Труд-7, 23.04.2002).

7. Замена второй части скрепы *другое дело* иными сочетаниями, например, *одно дело – теперь же, одно дело – другой вопрос* и подобн. Пример: (8). *«**Одно дело** хакерство — это серьезная история, поскольку представляет собой нарушение национального суверенитета электронными средствами из другой страны, **другой вопрос** — пропагандистская война», – говорит Местре* (РИА Новости, 23.11.2017).

8. Полное отсутствие второй части скрепы: (9). *Из системы подкупов, т. е. источника незаконных доходов для бюрократии, она мутировала в бандитизм. Есть коррупция и коррупция. **Одно дело** – оформить за взятку контракт с Daimler или съездить за границу за счет владельцев нелегального казино. Примеров тысячи, но в каждом из них будет иметь место сделка, договоренность между бизнесом и чиновником, выступающим в роли экономического агента* (Ведомости, 03.06.2011).

Наиболее частотной модификацией скрепы является структура *одно дело – другое*, без повтора во втором компоненте (24% от всех случаев употребления), она является даже более частотной, чем исходная структура (13% от всех рассмотренных контекстов), что объясняется законом экономии речевых усилий.

Важным признаком единства всех модификаций скрепы является тот факт, что соединяемые ими части текста обладают синтаксическим параллелизмом: *одно дело – быть холостым, другое дело – быть женатому* (пример 1); *одно дело – изготовить, другое – снабдить* (пример 3); *одно дело – банк и совсем иное – физическое лицо* (пример 6) и т. д.

Несмотря на формальное разнообразие, все модификации скрепы участвуют в формировании одних и тех же отношений между связываемыми частями текста.

Прежде всего необходимо отметить тот факт, что в качестве связующего средства скрепа *одно дело – другое дело* работает сразу в двух направлениях. С одной стороны, скрепа связывает части предложения или части текста, при этом компоненты скрепы располагаются в связываемых частях аналогично двухместным союзам: первый (*одно дело*) и второй (*другое дело*) компоненты скрепы занимают место в начале каждой из связываемых частей предложения или текста. С другой стороны, скрепа целиком связывает предшествующий фрагмент текста с последующим.

Если учитывать ее функцию средства связи внутри сложного предложения (см. примеры 2, 3, 4, 5, 8), то возникает вопрос, можно ли говорить об этом связующем средстве как текстовой скрепе. Особенность синтаксических структур, части которых связывает описываемая единица, легко преобразуется из предложения в текст, если считать признаком текста точку между двумя высказываниями. В любом случае *одно дело – другое дело* и модификации этой структуры выполняют связующую функцию и при этом не являются союзами, на этом основании такую единицу можно без сомнения назвать скрепой.

Отношения между частями предложения / текста, формируемые компонентами скрепы

С помощью скрепы *одно дело – другое дело* между частями, которые связывают компоненты скрепы, возникают сопоставительные отношения. Этот тип отношений предопределяется составом скрепы: в ее составе местоименные компоненты *один – другой* выступают в качестве антонимов. При этом содержание левого и правого контекстов, связанных данной скрепой, оценивается по шкале «хорошо–плохо». В таком случае компоненты скрепы *одно дело* и *другое дело* представляют собой оценочный предикат.

Например, в тексте (3) представлены две ситуации, при этом обе – положительные. Оценка второй ситуации как более значимой, более важной дается только в сопоставлении. В данном тексте сопоставительные отношения сопровождаются отношениями градации, которые создаются прежде всего содержанием сопоставляемых предложений. Скрепа *одно дело – и другое* актуализирует эти отношения.

В тексте (4) представление второй ситуации как отрицательной происходит за счет устойчивого выражения – *стереть с лица земли*, то есть полностью уничтожить. Однако первая ситуация тоже не является положительной: консервация производства – это плохо. Скрепа оформляет сопоставительные отношения и одновременно подчеркивает отношения градации: вторая ситуация значительно хуже, чем первая.

Еще пример: (10). *Петровская была старуха, и хитрая старуха, ей не хотелось самой*

выносить окончательный вердикт. **Одно дело, когда** больной умирает в реанимации, **и совсем другое, когда у тебя под ножом.** (Влада Валеева. Скорая помощь (2002)). Ни одна из представленных в примере (10) ситуаций не может считаться хорошей, но с позиции говорящего для него самого эти ситуации существенно различаются с точки зрения возможных неприятных последствий: ситуация, отмеченная первой частью скрепы, принесет меньше неприятностей, чем ситуация, отмеченная второй частью скрепы.

Отношения между предшествующим фрагментом текста и фрагментом, который вводится скрепой как единым целым

Скрепа *одно дело – другое дело* может выполнять текстовую функцию не только потому, что второй компонент структуры может быть отделен от первого точкой, но, главное, потому, что у фрагмента текста, вводимого этой скрепой, обязательно должен быть предшествующий контекст. Текст не может начинаться с *Одно дело* – в НКРЯ такие факты не зафиксированы.

Следовательно, между предшествующим (левым) фрагментом текста и фрагментом, который вводится всей скрепой целиком, без учета ее двухчастного компонентного состава, также устанавливаются определенные отношения. Анализ фактического материала позволил выявить следующие типы отношений:

1. Отношения **причины** или **обоснования** той ситуации, которая представлена в левом контексте. Например: (11). – **Старуха забыла их где-нибудь. С ее-то памятью...** – сказала Ольга Геннадьевна, вздохнув. **Митя посмотрел на ученого секретаря с любопытством. Одно дело, когда Маркуша позволяет себе называть Зою Павловну «Зосей» и «Великой старухой» – в этой показной грубости присутствовало пусть странно выраженное, но неподдельное уважение. Другое дело – услышать «старуха» из уст любимицы Киреевой, которая всегда ее поддерживала и постоянно заискивающе заглядывала в глаза.** (Андрей Житков. Кафедра). (12). **Всего 6 процентов людей оценивают качество работы жилищно-коммунальных служб, за которыми закреплен их дом, на «хорошо». Одно дело** отдать почти тысячу рублей в месяц и иметь все блага цивилизации, **а другое** – за те же деньги мерзнуть зимой, а летом мыться в тазиках («Богатей» (Саратов), 26.06.2003).

В тексте (11) скрепа *одно дело – другое дело* вводит фрагмент текста, который объясняет причину возникшего у одного из героев повести особого интереса (любопытства) к сказанным словам. В тексте (12) скрепа вводит предложение, обосновывающее низкий процент людей, положительно оценивающих качество работы служб ЖКХ.

2. Отношения, способствующие раскрытию содержания того, о чем говорится в предшествующем контексте. Например: (13). **Говорят, что определенное случайное переживание явилось условием психогенной реакции. Но здесь нужно подчеркнуть, о какой случайности речь идет. Одно дело** «случайность» события, т.е. что определенное явление произошло независимо от изучаемого нами явления, **а другое дело** результат этого события, которого никак нельзя считать «случайным», а строго «необходимым», детерминированным. (Б.Д. Фридман. Основные принципы метода Фрейда и значение его в психопатологических исследованиях). В данном тексте фрагмент, введенный скрепой, раскрывает содержание понятия *случайность*, данного в левом контексте. Скрепа вводит объяснение того, какие могут быть случайности. Отношения между двумя фрагментами текста близки к пояснительным. Аналогично в приведенном выше тексте (6) фрагмент, введенный скрепой, представляет собой развитие содержания *рискованность*.

Выводы

1. Скрепа *одно дело – другое дело* функционирует как в сложных предложениях, так и в тексте. По способности связывать части сложного предложения она аналогична двухместным союзам. По способности связывать фрагменты текста она может быть квалифицирована как текстовая скрепа.

2. Скрепа *одно дело – другое дело* представлена значительным количеством модификаций, однако эти модификации не затрагивают семантическую сторону скрепы.

3. Между частями предложения или текста, которые связываются компонентами скрепы, формируются сопоставительные отношения, базой для которых является лексический состав скрепы. Отношения сопоставления осложняются оценочной семантикой, в результате скрепа превращается в оценочный предикат.

4. В качестве текстовой скрепы *одно дело – другое дело* вводит фрагмент текста, раскрывающий причину (обоснование) или содержание того, о чем говорится в левом контексте.

Список литературы

1. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 111–137.

2. Инькова О.Ю. О понятии «текстовая скрепа» // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. С. 13–20.

3. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

4. *Объяснительный словарь русского языка*. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Около 1200 единиц / под ред. В.В. Морковкина. Изд. 2-е, испр. М.: Астрель; АСТ, 2003. 421 с.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ГЕИ, 2006. 2944 с.

6. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): избр. труды. Владивосток: Дальневосточный университет, 2007. С. 334–344.

7. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.

8. *Русская грамматика*. В. 2-х т. Т. 2. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.

9. *Семантика коннекторов: контрастивное исследование* / под науч. ред. О.Ю. Иньковой. М.: Торус пресс, 2018. 368 с.

10. Сюй Лина. Текстовые функции предикативной конструкции «дело вот в чем» в современном русском языке // Вестник филологических наук. 2022. Т. 3, № 2. С. 72–78.

11. Сюй Лина. Функции конструкции «дело в + N₆» в тексте // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 483–485.

12. Фигуровская Г.Д. Фразеологизация сочетаний *одно (дело) – другое / иное (дело)* при выражении сопоставительных отношений в предложении и тексте // Лекантовские чтения-2021: материалы Международной научной конференции. М.: МГОУ, 2021. С. 100–105.

13. Черемисина М.И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
14. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник. 1998. 176 с.

Статья поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 11.12.2023.

The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 11.12.2023.

Научная статья

УДК 81.411.2:008.7(520) 81.411.2:008.7(520)

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/17-30>

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК КАК АРЕНА СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Александр Сергеевич Дыбовский

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения, dybovskii.as@dvfu.ru

Аннотация. В последние десятилетия в японском языке существенно пополнился слой западных заимствований, английский язык стал оказывать большое влияние на фонетику, графику, лексику, грамматику, фразеологию и стилистику японского языка. В 1980 г. американский культурный антрополог Г. Пассин (*Herbert Passin*) в своей книге предсказал полную вестернизацию лексики японского языка. В статье выясняется, почему это предсказание до сих пор не осуществилось. Рассматриваются вопросы, связанные с конкуренцией «западных» и протокитайских языковых форм в современном японском языке, выясняется место китаизмов в письменных стилях и жанрах японского языка.

Ключевые слова: вестернизация японской культуры и языка, распространение западных заимствований, влияние английского языка на японский, господство китаизмов в письменном языке, функциональная специализация «западной» и исконно японской лексики

Для цитирования: Дыбовский А.С. Японский язык как арена столкновения цивилизации // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 17–30.

Original article

THE JAPANESE LANGUAGE AS AN ARENA OF CIVILIZATIONAL CLASH

Alexander S. Dybovsky

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Japanese Studies Department, dybovskii.as@dvfu.ru

Abstract. Over the past few decades, the Japanese language has experienced a noteworthy surge in Western loanwords, wherein English has conspicuously impacted the phonetics, graphics, vocabulary, and grammar of contemporary Japanese. In 1980, American cultural anthropologist Herbert Passin foresaw the complete Westernization of the Japanese language in his publication. This article investigates the reasons behind the non-realization of this prediction, exploring issues pertaining to the rivalry between "Western" and proto-Chinese linguistic forms in modern Japanese. Additionally, it scrutinizes the role of borrowed Chinese elements in written styles and genres of the language.

Key words: Westernization of Japanese culture and language, spread of Western borrowings, impact of the English language on Japanese, dominance of Chinese borrowings in written language, functional specialization of Western and proto-Chinese Japanese vocabulary

For citation: Dybovsky A.S. The Japanese Language as an Arena of Civilizational Clash // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. P. 17–30. (In Russ.).

Введение

На протяжении многих столетий японская культура развивалась, впитывая в себя различные элементы китайской цивилизации. Под китайским влиянием формировались японская государственность и право, образование и духовные практики, формы деловой коммуникации и японская литература. Китайский язык (*камбун*) стал первым письменным языком и основой японского эпистолярного стиля (*со:ро:бун*), оказал большое влияние и на классический литературный язык *бунго*. *Со:ро:бун*, в свою очередь, имел решающее значение в формировании современного языка делового общения. Из китайской иероглифической письменности выросли японские слоговые азбуки, китайские иероглифы стали важной частью современного японского письменного языка. После реставрации Мэйдзи (1868) и особенно после поражения Японии во Второй мировой войне (1945) в Японии произошёл цивилизационный поворот – институты государства, а также ценности японского общества стали ориентироваться на атлантическую (европейско-американскую) цивилизацию. Процессы вестернизации развернулись и в японском языке: существенно пополнился слой западных заимствований, английский язык стал оказывать заметное влияние на фонетику, графику, лексику, грамматику японского языка, прочно закрепился в профессиональных жаргонах и сленге японской молодежи. Стали меняться даже манеры речевого поведения японцев. Роль китайских элементов в японском языке изменилась. Знание китайской литературы и философии, владение этическими и эстетическими формами китайской речевой культуры перестали служить индикатором образованности и интеллектуальной рафинированности человека. Однако китайская основа японской речевой культуры, впитывавшаяся японской цивилизацией на протяжении многих столетий, почти полностью сохранила свои позиции в письменной форме японского языка. В этой статье речь пойдет о конкуренции и функциональной специализации протокитайских форм японского языка и западных заимствований, стремительно осваиваемых японцами в процессе глобализации мира и интернационализации Японии. Мы также обратимся к новым трендам развития японского языка и речевой культуры японцев, вызванных конкуренцией языковых форм, заимствованных японцами из индоевропейских языков, с протокитайскими языковыми формами.

В последние полтора столетия в японской культуре и языке наблюдаются конкуренция «западных» и протокитайских форм, которая заметно интенсифицировалась в последние пять десятилетий в связи с активизацией модуса интернационализации в японском обществе на фоне мировых процессов глобализации, одним из императивов которой стало превращение английского в мировой язык.

В рамках этого мирового тренда в японском социуме актуальными стали, с одной стороны, активные процессы вестернизации японского общества – в одежде, питании, образе жизни, ценностях, увлечениях, производственной деятельности и, конечно, в языке. Западными заимствованиями (прежде всего англицизмами) пестрят дискурсы информационных технологий, моды, индустрии развлечений, рекламы [1, 2, 3]. Активные процессы вестернизации происходят в устной деловой коммуникации, а также в виртуальных жанрах неофициального речевого общения. С другой стороны, прочность китайской основы японской

цивилизации мы видим в строгости жизненных ритуалов, иерархичности японского общества, строгости и законченности выполнения японскими актёрами своих социальных ролей. Протокитайские элементы (китаизмы) по-прежнему занимают важное место в основных жанрах и стилях письменной речи, а именно – в языке информации, науки, юриспруденции, в эпистолярной, законодательной (тексты государственных законов) и прочих формах книжной речи. «Западные» формы языковой культуры вступают в клинч с протокитайскими формами, и, вероятно, можно говорить о столкновении цивилизаций [5], которое происходит в головах людей и отражается в причудливых метаморфозах японского языка.

1. Бурные ветра вестернизации в японском языке

В 1980 г. американский культур-антрополог и исследователь Японии Г. Пассин (Herbert Passin 1916-2003) в предисловии к своей книге *Japanese and the Japanese. Language and Culture Change* [10] писал: «Если начинать с основного вывода (этой книги), то я предсказываю, что в недалеком будущем лексика японского языка полностью вестернизируется. При посредстве английского японский язык всесторонне обогатится заимствованиями из европейских и американских языков... Пришедшие из китайского языка слова и впредь останутся важной частью японского языка, однако многие из них заменят английские слова и выражения. При этом важно то, что из китаизмов не будет возникать новых слов. Большая часть новой лексики будет заимствоваться из европейских и американских языков» [10, с. 3].

За прошедшие более чем четыре десятилетия после публикации книги Г. Пассина многие предсказания учёного действительно подтверждаются. В наши дни в словаре обиходного общения японцев употребляются множество заимствований из индоевропейских языков, которые в большинстве случаев можно заменить исконно японской и протокитайской лексикой, например: ПУРАЙБАСИ – «частная жизнь, приватность», СИНГУРУ МАДЗА – «одинокая мать», РАННА – «бегун», ПРОФЕССА – «профессор», ДЗИРЭММА «дилемма», ТАЙМИНГУ «тайминг», ФО:КАСУ «фокус», АЙТЭМУ «предмет, пункт», СУТАЙРИСТО «стилист», КО:ДИНЭ:ТА «координатор», ДЭРИКАСИ «деликатность» и т. д. [3].

В устной деловой коммуникации японцев также наблюдается экспансия англоязычных слов, например budget вместо 予算 (ёсан) «бюджет», agenda вместо 概要 (гайё:) «краткое содержание, повестка дня», meeting вместо 会議 (кайги) «собрание, заседание» (в письменной речи – MTG), supplier вместо 仕入先 (сиирэсаки) «источник закупки» и т. д. В академической коммуникации японцев в обиход вводятся все более редкие иностранные слова и выражения, выходящие за пределы частотного словаря английского языка и призванные имплицитно образованность, компетентность и погруженность говорящего в новые глобальные дискурсы, например: コンテンツ (content), クラウドファンディング (crowdfunding), リスクマネジメント (risk management), デジタルヒューマニティ (digital humanities), ダイバーシティ (diversity), エンパワーメント (empowerment), ウェルビーイング (well-being), ステークホルダー (stakeholders), ソーシャルディスタンス (social distance), SDGs (Sustainable Development Goals) и многие другие [3, с. 126–128]. В знаках японской слоговой азбуки *канакана* представлено множество новых научных терминов, например: …先日「アンコンシャス・バイアス」研修という、教職員が受講必須のウェブ研修がありました。…研修内で「ジェンダーギャップ」(男女格差)や「インポスター症候群」…等も出て来ました (Из письма лаборанта

одной из кафедр Осацкого университета, 2022 г.). «На днях у нас было виртуальное мероприятие по повышению квалификации для сотрудников университета на тему «Бессознательное предубеждение». В рамках обучения обсуждались такие вопросы, как «гендерный гэп» (различия между мужчинами и женщинами), «синдром мошенника» (Impostor Syndrome) и другие».

Через такие заимствования японцы интегрируются в глобальные дискурсы мировой науки. В результате распространения новой терминологии в обиход японского социума входят не просто западные заимствования, но и новые научные, социальные, культурные идеи. Та же тенденция наблюдается и в политическом дискурсе японского языка [3, с. 130–131].

Эстетика вестернизации в обыденной жизни проявляется в том, что, например, для рекламы и сферы обслуживания более подходящими и эффектными выражениями являются не 弁当 (бэнто:) «коробка с комплексным обедом», а ランチ・ボックス (lunch box), не 女性 (дзёсэй) «женщины», а レディース (ladies), не 出来事 (дэкигото) «событие», а イベント (event), не 生活 (сейкацу) «жизнь», а ライフ (life), не 食べ物 (табэмоно) «еда», а フード (food), не 指輪 (юбива) «кольцо», а リング (ring), не 家族 (кадзоку) «семья», а ファーミリ (family), не 計画 (кэйкаку, а プラン (plan) и т.д. [3, с. 125].

Эстетика вестернизации порождает моду на яркие «заморские одежды» в названиях компаний и товаров. В экспортных отраслях японской промышленности это был абсолютно естественный и необходимый акт интернационализации японских промышленных брендов, например: ソニー株式会社 → SONY (1958); 東洋田 → Toyota; 日産 → Nissan; 松田 → Mazda и т.д. Непонятные для многих японцев слова на французском (gourmet «гурман»), испанском (plaza «площадь»), итальянском (dolce vita «сладкая жизнь») языках нередко можно встретить в рекламе и на упаковках различных товаров. Экспансия латинской графики никак не ограничивается в языковой политике японского государства и захватывает не только сферу рекламы и торговых вывесок, но и частную жизнь японской публики (ср. рис. 1 и рис. 2).

sora ← 空, hana ← 花

Рис. 1. Булочная в городе Тоганэ

NAGANO ← 長野

Рис. 2. Фамилия на калитке дома в латинице

Влияние западной цивилизации на японский язык не исчерпывается лексическими заимствованиями и латинизацией графики: меняются формы публичной риторики, грамматика японского языка, да и само речевое поведение японцев: увеличивается жестовое сопровождение речи, незаметно входят в обиход европейские ценности, связанные с использованием языка, например, во многих роликах ютуба ясность, точность, лаконичность языкового выражения приходят на место традиционной культуры намеков и недосказанности, стремления выражаться обиняками и контекстуальными аллюзиями.

В 1998 г. в Японии была опубликована книга «Междисциплинарное исследование процессов англификации Японии», в которой глава об англизации японского языка написана Карлом Беккером (カール ベッカー, 1951-), получившим PhD в 1981 г. в Гавайском университете и являвшимся в то время профессором Киотского университета.

Карл Беккер, проследив влияние английского языка на японский за последние 150 лет, отметил воздействие английского языка на трансформации японской графики, собрал большое количество разнообразных примеров, свидетельствующих об изменении форм подлежащего и сказуемого (ср. изменение модели управления в функционировании полупредикативных прилагательных: 彼女を好きです ← 彼女が好きです «Люблю её» под влиянием английского I love her), показал изменение самих подходов к созданию речевых произведений. Среди явлений, меняющих строй японского языка, были отмечены калькирование расхожих англоязычных выражений и буквализмы электронных переводчиков, с которыми люди сталкиваются в интернете [7, с. 96–105]. Рассмотрим несколько примеров К. Беккера.

1) Take → とる

休息を取る ← take a rest

出席を取る ← take attendance

責任を取る ← take responsibility on

写真を撮る ← take a picture

食事を撮る ← take food

2) Pay → 払う

尊敬を払う ← pay respect (敬意を表す «выражать уважение»)

注意を払う ← pay attention (注目をする «обращать внимание»)

罰を払う ← pay the punishment (懲罰される «подвергаться наказанию»)

3) Предлог with → 「をもって」、「と共に」、「を込めて」

親切にも → 親切さをもって (←with kindness «с добротой»)

忍び笑い → 忍び笑いと共に (←with a sneaking laughter «со сдвинутым смехом»)

敬具 → 愛を込めて (←with love «с любовью») [7, с. 99].

В первых двух блоках примеров мы видим коллокации японского языка, возникающие и закрепляющиеся под влиянием соответствующих коллокаций английского языка. В результате калькирования англоязычных выражений сокращается частотность и происходит маргинализация употребления соответствующих японских выражений, представленных в скобках во втором блоке примеров. А третий блок примеров с предлогом *with* иллюстрирует влияние английской грамматики на структуру японских словосочетаний.

Карл Беккер пришел к выводу о том, что массовые лексические заимствования и буквализмы в переводах с английского языка на японский будут оказывать все большее влияние на строй японского языка. В заключительной части своей статьи он предсказал, что в японском языке под влиянием английского постепенно будут преодолеваются так называемое *аймаи*, то есть склонность японцев к неопределенности, некатегоричности и двусмысленности языкового выражения, а также различия между мужской и женской речью [7, с. 105–106].

Интересно, что ни Г. Пассин, ни К. Беккер не касаются социальной психологии японцев, лежащей в основе массовых заимствований из английского и других западноевропейских языков. Вопрос, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения, однако уже сейчас можно сказать, что стремление к использованию западных заимствований основывается на этических максимах японского социума. Вестернизмы в языке и культуре имплицитно просвещенность, образованность, компетентность, причастность говорящих к глобальным дискурсам мировой

науки, политики, экономики, экологии. В использовании западных заимствований, вероятно, проявляются осознанные или неосознанные проявления самопиара, а также попытки выгодного позиционирования индивидуума в японском социуме. Эстетические соображения, которые когда-то лежали в основе использования японцами китаизмов (КАНГО), являются драйвером языкового творчества японцев, порождающего оригинальные выражения – Japanglish (和製英語); отсутствующие в английском языке. Например: アフターサービス (after service) вместо customer service, aftersales service; シルバーシート (silver seat) вместо priority seat (при наличии китаизма 優先席 с тем же значением); ゴールデンウィーク (Golden week «Золотая неделя» – для обозначения первой недели мая, изобилующей праздниками); モーニングコール (morning call) вместо wake-up-call; ラブホテル (Love hotel, что можно без всякого пафоса назвать по-японски 連れ込み旅館 цурэкоми-рёкан).

В стиле рекламы и торговых вывесок активно используются предлоги и даже артикли английского и других западноевропейских языков. Например, определенный артикль английского языка the даёт японское ザ. Ср. употребление этого артикля для обозначения сети общественного питания ザめしや (Дза мэся), что можно условно представить на русском языке как «The Столовая» (рис. 3). На рис. 4 видим Japanglish в названии парикмахерской.

Рис. 3. Сетевой ресторан в Японии

Рис. 4. Парикмахерская Cut Park в префектуре Тиба

Итак, влияние западной цивилизации на японский язык не исчерпывается лексическими заимствованиями, меняются формы публичной риторики, грамматика японского языка, а также речевое поведение японцев, увеличивается жестовое сопровождение речи, в обиход входят европейские ценности, связанные с использованием языка. Казалось бы, полностью подтверждается тенденция вестернизации (англизации) японского языка, о которой писал Г. Пассин [10]. Однако же это не вполне справедливо.

2. Прочность протокитайской основы японского языка

Реальность функционирования лексики в японском языке оказалась сложнее, чем это представлялось Г. Пассину в 1980 г. Вьетнамский исследователь Hoang Thi Cham, проанализировав словарь, зафиксировавший лексику японского языка в первые десятилетия XXI в. 『三省堂現代新国語辞典 第六版』 «Сансэйдо: гэндай син кокуго дзитэн» [4], показал, что и в XXI в. протокитайская лексика (КАНГО) японского языка не только не выходит из употребления, но и порождает новые лексические единицы. В списке, представленном в диссертации, содержится 19 лексических единиц, относящихся к протокитайскому слою лексики современного японского языка. Это такие слова (в том числе и весьма актуальные для современной Японии), как, например, 加憲 (какэн) «изменение (дописывание) конституции», 暗号資産 (анго:-сисан)

«криптовалютные активы», 博論 (хакурон) «докторская диссертация» (появившееся как лексикализованная аббревиатура выражения 博士論文 (хакасэ-ромбун) «докторская диссертация»), 健眼 (кэнган) «здоровые глаза», «нормальное зрение», 罰走 (бассо) «наказание заданием по бегу», 無罰 (мубацу) «отсутствие наказания», 国石 (кокусэки) «национальные ресурсы драгоценных камней», например, таких как 翡翠 (хисуй) «зелёная яшма, нефрит» в Японии; 多発 (тахацу) «многочисленные проявления» (multiple occurrences) и др. Интересно, что в популярном сетевом японско-русском словаре Jardic [6] русского эквивалента этих выражений все еще нет. (Заметим в скобках, что в вышеназванной диссертации приводятся сведения о наличии в словаре, ставшем предметом анализа, 34 исконно японских слов (和語), 25 смешанных слов (混種語), а также 122 катаканских слов, представляющих собой новейшие западные заимствования [4]). Таким образом, протокитайских неологизмов меньше всего, однако их производство продолжается и через 40 лет после предсказания Г. Пас-сина. В ноябре 2023 г. в массовой коммуникации появилось выражение 指導死 (сидо:си) «смерть по причине неадекватного внушения (руководства)» (речь шла о самоубийстве японских школьников из-за неадекватных высказываний японских учителей и воспитателей). Вероятно, новый термин возник по аналогии с широко распространенным выражением 過勞死 (каро:си) «кароси, смерть от переутомления (от перегрузки работой)».

Протокитайские неологизмы последних лет зафиксированы в серии статей о **четырёх-компонентных протокитайских композитах** (四字熟語 ёдзидзюкуго; далее – 4ПК) в «Японской экономической газете» (日本経済新聞) в 2019–2023 гг. В указанной газете с 30 сентября 2019 г. и по настоящее время (последняя 51-я публикация имела место 27 ноября 2023 г.) регулярно выходит колонка японского журналиста и лексиколога Кобаяси Хадзиме (小林肇) [8]. Х. Кобаяси дал подробное описание 51-го протокитайского неологизма из числа тех, что появились в последние годы и часто используются в газетных публикациях.

В начале списка 4ПК Х. Кобаяси привел довольно много новых выражений, связанных с эпохой пандемии коронавируса, например: 不要不急 (фуё:-фукю:) «нечто не являющееся срочным и безотлагательным»; 対面授業 (таймэн-дзюгё:) «очные занятия», 在宅勤務 (дзю:таку-кимму) «работа дома», 時短営業 (дзитан-эйгё:) «функционирование (предприятий и учреждений) с сокращенным графиком работы», 忘新年会 (бо:син-нэнкай) «совмещение мероприятий проводов «старого» года и встречи Нового года». Немало выражений, отражающих актуальные реалии японской экономики, политики, культуры, а также особенности развития японского социума, например: 消費増税 (сё:хи-дзо:дзэй) «увеличение потребительского налога», 司法取引 (сихо:-торихики) «сделка с правосудием» (в этом случае в последних двух иероглифах 4ПК используется исконно японское – «кунное» чтение); 無人店舗 (мудзин-тэмпо) «предприятия розничной торговли, работающие без продавцов благодаря использованию искусственного интеллекта»; 未利用魚 (мири-ё:гё) «рыба, не подлежащая использованию из-за отклонения от стандартов рынка», 育児休暇 (икудзи-кю:ка) «отпуск по уходу за ребенком» (в контексте предоставления такого отпуска не только матерям, но и отцам детей); 倍速視聴 (байсоку-ситё:) «ускоренный просмотр видеоматериалов с целью экономии времени»; 観光公害 (канко:-ко:гай) «общественный вред, причиняемый туризмом» (имеется в виду туризм

причиняющий неудобства жителям или же наносящий ущерб окружающей среде соответствующей территории); 老老介護 (ро:ро:-кайго) «уход стариков за стариками» (например, постаревших детей за своими родителями). Описываются и примеры метафоризации существующих 4ПК, ведущей к фразеологизации соответствующих 4ПК, например: 危険水域 (кикэн суйики) «опасная акватория» может использоваться «для метафорического обозначения кризиса чего-либо, когда ситуация становится нестабильной» (物事が不安定になり、危機に陥るおそれのある状況のたとえ[9]); 二人三脚 (нинин-санкяку) «бег парами (когда нога одного бегуна связана с ногой другого)» может употребляться в значении «тесное сотрудничество людей или организаций». Как видим, из протокитайских элементов японского языка создаются все новые и новые 4ПК, точно и лаконично описывающие новую реальность Японии XXI века.

Таким образом, актуальность китаизмов для современного японского языка обуславливается следующими факторами: 1) наглядность, информационная компактность и выразительность КАНГО (漢語); 2) высокая синтаксичность (грамматическая соединяемость) протокитайских композитов; 3) лаконичность, точность, терминологичность; 4) эффективность использования протокитайских лексических единиц (КАНГО) в письменном языке (газеты, журналы, новая терминология, массовая коммуникация). Если просвещенность и образованность в японском социуме уже не ассоциируются с китайской классической литературой, философией, поэзией, то возможность при помощи китаизмов формулировать мысли ясно, точно, кратко и красиво по-прежнему актуальна. Соответственно, протокитайская лексика (КАНГО) является неотъемлемым элементом текстов государственных документов, административных распоряжений и указов, дискурса правовых документов (гражданский, уголовный кодексы, прочее), дискурса письменной информации, а также языка науки (при экспансии заимствованной терминологии). На использовании КАНГО основывается и письменная форма деловой коммуникации (при обилии лексических заимствований и прозападных форм особенно в устных формах деловой коммуникации).

И даже в торговых вывесках и рекламе, подвергшихся в послевоенные десятилетия сильному воздействию вестернизации и глобальных коммерческих паттернов, КАНГО по-прежнему занимают важное место. Ср. Рис. 5, 6.

Рис. 5. Парад велосипедистов в Нагара

Рис. 6. Павильон старой сычуаньской лапши

На рис. 5 только заглавная фраза объявления написана по-английски. Подробности мероприятия разъясняются преимущественно при помощи китаизмов: 東京 (то:кё:) Токио, 時間 (дзикан) «время», 国内 (кокунай) «внутри страны», 最大級 «сайдайкю:» «самого большого класса», 湖畔 (кохан) кн. «берега озера», 開放 (кайхо:) «открывать» и т. д. (東京から約1時

間、国内最大級・長柄ダム湖畔をサイクリストに開放 «Всего один час езды от Токио! Самая большая в стране дамба плотины возле озера открыта для проезда велосипедистов!»).

Заглавная фраза торговой вывески на рис. 6 выполнена на китайском языке – 老四川麵馆 (Lǎo sìchūān miàn guǎn) «Павильон традиционной (старой) сычуаньской лапши». В верхней части торговой вывески названия блюд указаны также на китайском языке: 米綫 (mǐxiàn) «рисовая лапша», 麻辣燙 (málàtàng) «суп "малатан", острый суп», 東北烤串 (dōngběi kǎochuàn) «маньчжурский шашлык», 鴨脖 (yā bó) «утиная шейка», 涼皮 (liángpí) лянпи (вид лапши, традиционное блюдо провинции Шэньси), а стимуляционные фразы в нижней части торговой вывески на японском языке призывают прохожих отведать «Наваристый *тантанмэн* (по-сычуански), которому в Японии нет равных и в каждую чашку которого (повара) вкладывают душу» (濃厚担々麵・日本無双・一杯入魂 но:ко:-тантанмэн, нохон-бусо:, иппай-ню:кон).

Наряду с огромным массивом протокитайской лексики, обладающей большими возможностями словообразования, используются и многочисленные элементы китайской грамматики – предлоги (於 wū, yú, yū, 在 zài), союзы (故 юэ, 所以 юэн), правила интеграции лексем в «слитных словосочетаниях», протокитайские маркеры организации текста (拝啓 хайкэй – 敬具 кэйгу, 謹啓 кимпэй – 謹白 кимпаку, 次第 сидай, 同上 до:дзэ:, 以上 идзэ:), канцелярские обороты типа 貴社 кися – 弊社 хэйся, 可否 кахи, 在中 дзайто: и т. д. – представляют собой важный и все еще неотторжимый ресурс письменных стилей и жанров современного японского языка. Рассмотрим несколько примеров.

I. Объявление о выставке декоративно-прикладного искусства, проходившей в Киото летом и осенью 2023 г.

「と、本田 II」 於 京都みたて
 2023 年 6 月 3 日 (土) – 10 月末 12:00 – 17:00
 日・月定休 (展示初日、火～木は要予約)
 本田在店: 6 月 3 日 (土)
 会場: 京都みたて 京都府京都市北区紫竹下竹殿町 41
 «Вот так! Honda II» в Митатэ, Киото
 С 3 июня (суббота) до конца октября 2023 года
 Время: 12:00 – 17:00
 Выходные: воскресенье и понедельник
 (в первый день выставки и с вторника по четверг – по предварительной записи)
 Присутствие Хонды: 3 июня (суббота)
 Место проведения: Kyoto Mitate, 41
 Shichiken-cho, Shimodachiuri, Kitaku, Kyoto, Kyoto Prefecture».

Перед нами краткое сетевое объявление о предстоящей выставке декоративно-прикладного искусства, составленное без единого западного заимствования. Исконно японская лексика присутствует в названии, адресе и имени автора. Кроме того, в тексте фигурируют две граммы – тематическое ВА и изъяснительный союз ТО, оригинально использованный в начале названия выставки и имплицитный высказывание (представленное содержанием выставки). Основа текста, делающая его строгим, компактным, понятным и ярким – лексемы слоя КАНГО с тремя грамматическими элементами, пришедшими в современный японский язык из КАМ-

БУНа – 於, 要, 在 в следующих фразах: 1) 於 京都みたて «В Митатэ, Киото» (при представлении этого фрагмента в устной речи, как при чтении КАНБУНа, требуется перестановка китайского предлога 於 в конец фразы, которую следует читать 京都みたてにおいて); 2) 展示初日、火～木は要予約 «В первый день работы выставки и со вторника по четверг необходима предварительная запись»; 3) 本田在店 : 6月3日(土) «Присутствие Хонды на выставке – 3 июня (суббота)» (В соответствии с нормами китайской грамматики дополнение 予約 во втором фрагменте стоит после глагола 要, а 店 в третьем – после 在).

II. Рекомендация на должность контрактного преподавателя (лектора) иностранных языков в японском университете.

(受取組織、日付)

推薦書

謹啓

時下ますますご清栄のこととお慶び申し上げます。

さて、このたび、〇〇氏を貴学の外国語契約講師…に推薦させていただきたく存じます。私は2020年度から2022年度の終わりまで、ちょうど3年間、〇〇大学のロシア語専攻で同氏の同僚でありました。

〇〇氏は大変優れたロシア語教師であります。人柄も大変誠実で、学生たちからも信頼され、とても愛されていました。

以上の理由から、私は〇〇氏を強く推薦いたします。貴学においても活躍できることと確信しております。

どうぞご高配賜りますようお願い申し上げます。

謹白

(氏名, サイン, 連絡先)

«(Организация-получатель, дата)

Рекомендательное письмо

Милостивые господа!

Испытываю большую радость по поводу вашего нынешнего здоровья и процветания.

На этот раз я хочу рекомендовать г-жу [имя, фамилия] на должность преподавателя иностранного языка в вашем учебном заведении. С 2020-го по конец 2022 года я был коллегой г-жи [фамилия] на отделении русского языка университета N в течение трех лет.

Г-жа [фамилия] является выдающимся преподавателем русского языка. Ее личность чрезвычайно открыта, и она пользуется доверием студентов, являясь объектом их любви и уважения.

Исходя из вышеизложенного, я настоятельно рекомендую г-жу [фамилия] на вышеуказанную должность. Уверен, что она сможет внести свой весомый вклад в работу вашего учебного заведения.

Прошу рассмотреть данное предложение с благосклонностью.

С самым искренним уважением,

[фамилия и имя отправителя, подпись и контактная информация]»

В этом тексте также практически отсутствуют западные заимствования, кроме единственного *катаканного* слова РОСИИА «Россия, русский», дважды используемом в сложном слове РОСИИАГО «русский язык». В соответствии со стандартами японского эпистолярного стиля текст рекомендательного письма заключён в структурную рамку протокитайских мар-

керов начала и окончания эпистолярного текста 謹啓 «Милостивые государи» – 謹白 «С почтением сообщаю» (уже вышедших из употребления в китайском языке). Основа текста – изысканно почтительные и скромные (самоуничижительные) формы, представленные строго в соответствии с нормами японской грамматики. Самые важные фрагменты рекомендации прописаны китаизмами в иероглифической графике. Китайскими иероглифами написаны и исконно японские слова, несущие большую смысловую нагрузку. Такая структура письма делает текст содержательным, компактным и удобным для зрительного восприятия. Можно быстро уловить смысл всего текста, бегло взглянув на ключевые слова, записанные китайскими иероглифами. Текст, вероятно, утратил бы свою компактность и информативность, если бы мы попытались заменить китаизмы на трудные для визуального восприятия *катаканные* слова.

III. Деловое письмо, представляющее собой доклад о работе факультетского редакционного комитета одного из японских университетов (2013 г.).

紀要編集委員会報告

日時：平成 25 年 12 月 5 日（メールによる持ち回り審議）

報告者：[氏名]

議題：投稿論文の掲載可否について

『言語文化研究』40 号への投稿論文 8 本（学術論文 6、研究ノート 2）について、査読結果に鑑み、すべて掲載を認めることに決定した。

以上（報告がたいへん遅くなり申し訳ありません）

«Протокол собрания редакционного комитета Учёных записок

Дата: 5 декабря 25-го года эры Хэйсэй (проведено путем кругового обсуждения по электронной почте)

Докладчик: [фамилия, имя]

Повестка дня: «О возможности публикации научных статей»

С учетом результатов рецензий по восьми рукописям (шесть академических статей и две исследовательские тетради) для 40-го тома «Исследований по языку и культуре» было принято решение о публикации всех полученных рукописей.

Это всё, о чем я хотел сообщить (Извините за задержку в предоставлении отчета)».

В этом тексте, являющим собой пример электронной деловой корреспонденции, использованы два *катаканных* слова – МЭ:ПУ «(электронная) почта» и НО:ТО «тетрадь». Как и в предыдущих текстах, основу сообщения составляют китаизмы, представленные в тексте в иероглифической графике. Текст заканчивается китаизмом 以上 (yǐshàng «всё сказанное выше»), который в японском языке указывает на конец официального сообщения. Указанное слово в том же значении может использоваться и в устной речи, например: 以上です «Это всё, что я хотел сказать».

IV. Фрагмент из японского уголовного кодекса, взятого в последней редакции из документов специализированного юридического сайта e-Gov 法令検索 [11].

第二章 刑

(刑の種類)

第九条 死刑、懲役、禁錮、罰金、拘留及び科料を主刑とし、没収を付加刑とする [11, с. 7].

«Глава 2. Наказание

(Виды наказаний)

Статья 9. Основные виды наказаний включают смертную казнь, тюремное заключение, заключение в исправительные учреждения, штраф, арест и оплату сборов, а в качестве дополнительного вида наказания – конфискацию».

Приведенный короткий фрагмент включает в себя десяток юридических терминов, представленных в форме строгой безличной юридической формулировки. Некоторые из этих слов непонятны без иероглифической графики (禁錮 кинко «тюремное заключение», 拘留 ко:рю: «арест, задержание», 科料 карё: «штраф»). Второй иероглиф в сложном слове 禁錮 (кинко) не входит в иероглифический лимит 2010 года 常用漢字. Как видим, в уголовном кодексе Японии плотность использования китаизмов в иероглифической графике еще выше, чем во всех рассмотренных ранее документах. Это совершенно естественно, так как первые законодательные акты Японии писались по-китайски, и китайская правовая культура оказала на японскую определяющее влияние. Во всём тексте японского уголовного кодекса при беглом просмотре нам удалось обнаружить лишь несколько *катаканных* слов, а именно: КА:ДО, «карточка», АРУКО:РУ «алкоголь», ГАСУ «газ», БОЙРА: «бойлер».

Таким образом, в книжных стилях и жанрах современного японского языка в обилии используются не только лексические, но и структурно-грамматические средства, заимствованные из китайского языка в разные исторические эпохи через посредство КАНБУНа и СО:РО:БУНа. В современном японском языке прочно укоренились многие элементы китайской грамматики, имманентно присущие заимствованной из китайского языка лексике.

Важность протокитайской лексики (КАНГО) для современного японского языка отразилась и в языковой политике японского государства. Если первый иероглифический лимит 1946 г. (当用漢字表 1850 иероглифов) имел обязательный характер для издателей и системы японского образования, то лимиты иероглифической письменности 1981 г. (常用漢字表 1945 иероглифов) и 2010 г. (常用漢字表 2136 иероглифов), во-первых, постепенно увеличивали количество санкционируемых к употреблению иероглифов, во-вторых, иероглифические лимиты стали иметь рекомендательный характер, что повысило уровень свободы издателей в использовании китайской иероглифики в печатной продукции и видеоматериалах.

Заключение

При всей интенсивности процессов вестернизации японской культуры и языка, которые имеют место в Японии в последние десятилетия, предположение Г. Пассина о грядущей полной англлизации (вестернизации) японского языка в наши дни не соответствует действительности. Китаизмы (КАНГО, тесно связанные с иероглифической графикой) – важнейшая и неотъемлемая часть письменного варианта японского языка, обладающая многими важными для коммуникации свойствами – компактностью, точностью, высокой синтаксичностью, способностью при помощи китайских иероглифов визуально представлять и передавать смыслы. Лексика японского языка остается трехслойной, англицизмы, как и китаизмы, в лексике и грамматике – важный стилистический ресурс японского языка. В письменных стилях и жанрах японского языка и в XXI в. продолжают создаваться новые КАНГО, китаизмы в иероглифической графике по-прежнему актуальны для письменной речи.

В КАНГО, особенно в протокитайских фразеологических композитах, сохраняются не только китайская лексика и грамматика, но и китайская эстетика, китайские идеи, фундаментальные элементы китайской культуры, являвшиеся культурной ценностью для японцев на

протяжении столетий и ставшие неотъемлемой частью японской цивилизации (например, 四民 *simín* → 士農工商 сино:ко:сё:). С точки зрения функционирования письменного варианта языка японская культура до сих пор является периферийной формой великой китайской цивилизации. В японском языке и культуре сохраняются и некоторые архаические с точки зрения культуры-донора формы, как это вообще свойственно культурно-цивилизационной периферии (ср. приводившиеся выше 謹啓・謹白, архаичные для современного китайского языка). По нашему мнению, конкуренция «западных» и протокитайских языковых форм в японском языке продолжится и в будущем, вероятно, в виде выявившегося тренда на дальнейшую функционально-стилистическую специализацию.

Список литературы

1. Дыбовский А.С. Заимствования в японском языке и процессы европеизации японского общества // Россия и АТР (Russia and the Asia-Pacific Region). 1996. № 3. С. 97–102.
2. Дыбовский А.С. Заметки о языке рекламы в Японии // Известия Восточного института. 1996. Вып. № 3. С. 192–207.
3. Дыбовский А.С. О дискурсивных особенностях использования западных заимствований в современном японском языке (новая редакция) // Педагогика: история, перспективы. 2022. Т. 5, № 4. С. 119–135. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2022-5-4-119-135>
4. Hoang Thi Cham 21 世紀の日本語新語における漢語的要素 [Элементы КАНГО в неологизмах японского языка в 21 веке]. 2020 修士論文 (Магистерская диссертация). URL: http://repository.vnu.edu.vn/handle/VNU_123/89428 (дата обращения: 02.12.2023).
5. Huntington Samuel P. The clash of civilizations and the remaking of world order. New York: Simon & Schuster, 1996. 367 p.
6. Jardic. Japanese Dictionaries. URL: http://www.jardic.ru/index_e.htm (дата обращения: 05.12.2023).
7. カール・ベッカー (Карл Беккер) / 第 10 章 20 世紀日本語の英語化 [Вестернизация английского языка. Глава 10]. URL: file:///C:/Users/aledy/Downloads/nbks14-1_10-2.pdf (дата обращения: 05.12.2023).
8. 小林 肇 (Кобаяси Хадзимэ) / 執筆のコラム一覧 [Список вышедших колонок]. URL: https://dictionary.sanseido-publ.co.jp/col_author/kobayashi (дата обращения: 02.12.2023).
9. 小林 肇 (Кобаяси Хадзимэ) / ニュースを読む 新四字熟語辞典 [Словарь четырёхкомпонентных протокитайских композитов для чтения новостей] / 第 51 回 【危険水域】 きけんすいき. URL: <https://dictionary.sanseido-publ.co.jp/column/new4i51> (дата обращения: 03.12.2023).
10. ハーバート・パッシン (Herbert Passin) / 英語化する日本社会 [Японское общество в плену английского языка] // 徳岡孝夫訳 (Перевод ТокуокаТакао) / サイマル出版会東京. Токио: Саймару сьуппан-кай, 1982. 288 p.
11. 明治四十年法律第四十五号刑法 [Уголовный кодекс Японии; Закон 1907 г.] 令和五年法律第六十六号による改正 (令和 5 年 7 月 13 日) С изменениями от 13 июля 2023 г. URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=140AC0000000045> (дата обращения: 05.12.2023).

Статья поступила в редакцию 06.12.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 07.12.2023.

The article was submitted 06.12.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted 07.12.2023.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/31-35>

**ПАРЕМИИ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ОСЕНЬ»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО**

Ян Лю¹,

Ольга Владимировна Ладисова²

^{1,2} Благовещенский государственный педагогический университет,

г. Благовещенск, Россия

¹ Аспирант, 497719778@qq.com

² Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
olga-ladisoval@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются русские паремии (пословицы и поговорки) об осени, их национальная специфика. Исследуются особенности восприятия осени как времени года в русском языке на фоне китайского, нашедшие отражение в паремиях этих языков.

Ключевые слова: паремиологическое пространство; паремиологические единицы; паремии; пословицы, поговорки

Для цитирования: Лю Я., Ладисова О.В. Паремии с семантическим компонентом «осень» в русском языке на фоне китайского // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 31–35.

Original article

**PAREMIAS WITH SEMANTIC COMPONENT "AUTUMN"
IN RUSSIAN AGAINST THE BACKGROUND OF CHINESE**

Yang Liu¹,

Olga V. Ladisoval²

^{1,2} Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia

¹ Post-Graduate Student, 497719778@qq.com

² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Literature, olga-ladisoval@yandex.ru

Abstract. The article discusses Russian paremiology (proverbs and sayings) about autumn, their ethnic characteristics. The perception peculiarities of the autumn as the season in the Russian language against the background of Chinese, reflected in the paremiology of these languages, are investigated.

Key words: paremiology space; paremiology units; paremiology; proverbs, sayings

For citation: Liu Y., Ladisova O.V. Proverbs with Semantic Component “Autumn” in Russian Against the Background of Chinese // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. P. 31–35. (In Russ.).

Паремиология тесно связана с культурой и менталитетом народа. Образуюсь в недрах национальной культуры, пословицы и поговорки часто вызывают трудности при переводе. Их изучение с лингвокультурологической позиции позволяет погрузиться в ментальность народа, понять его обычаи, ценности, традиции, служит устранению непонимания при межкультурной коммуникации.

Цель нашей статьи – провести сопоставительный анализ русских паремий с семантическим компонентом «осень» с китайскими для выявления универсальных и национально-специфических ценностей двух культур.

Материалом для исследования послужили русские и китайские толковые и паремиологические словари [1–10].

Методы исследования обусловлены целью и задачами работы. Основными инструментами исследования являются: общенаучный метод, включающий наблюдение, описание, анализ, синтез, индукцию, дедукцию, аналогию, систематизацию, интерпретацию исследуемого материала; описательно-сопоставительный метод в анализе паремиологических единиц России и Китая, позволяющий описать язык через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности, выявить отраженное в паремиях универсальное и национально-специфическое в вербализации ценностей.

В результате проведенного исследования выявлено как значительное сходство, так и различия в паремиологическом пространстве русской и китайской культур. Сходство обусловлено тем, что осенний сезон как время года присутствует в обеих странах издревле и понятен обоим народам; различия – территориальными особенностями и всем укладом жизни: от расположения месяцев в осеннем сезоне до сельскохозяйственных особенностей. Полученные результаты сравнения паремий об осени в русском и китайском языках позволяют лучше проникнуть в систему ценностей чужой культуры, познать национальный характер её представителей, что может использоваться для улучшения образовательного процесса в университетах и на языковых курсах.

Обратимся к примерам. Сравним осень в русских и китайских паремиях с точки зрения природных явлений, атрибутов, сопоставим паремии, напоминающие о соблюдении времени и сезонности. Установки культуры в русских и китайских паремиях похожи, так как в их основе лежит одинаковая природная сфера.

1. Осень в русской языковой картине мира связывается, с одной стороны, с яркими золотистыми красками, теплом, с другой – с унынием, холодом, дождями и предвестием зимы. Противопоставляется весне как время увядания природы в противовес оживлению. Атрибутами осени являются образы желтых листьев, дождя, грозы, солнца, птиц, животных, фруктов, одежды и др. Обращаясь к китайской языковой картине мира, мы обнаруживаем сходные явления. Атрибутами осени в Китае являются образы ветра, дождя, грозы, мороза, жары, птиц, животных, насекомых и др. Сравним русские и китайские пословицы:

- русск. *Пожелтел листок – осенняя весточка* / кит. *После трех дождей осень золотая повсюду. 秋后三场雨，遍地出黄金。；秋后三*

- русск. *Осенью – и у воробья пир* / кит. *Осенняя жатва ленива, а воробьи слепы. 秋收懒一懒, 麻雀撑瞎眼。* ;

- русск. *Гром в сентябре – к долгой осени* / кит. *В сентябре грозы принесут хороший урожай в наступающем году. 九月发雷公, 来年好收成。* ;

- русск. *В сентябре шуба за кафтаном тянется* / кит. *Осенний ветер прохладный, добавьте одежду. 秋风凉, 添衣裳。*

2. Как у русских, так и китайцев основным компонентом значения слова «осень» является совмещение в их сознании временного и сезонного («время года», «между зимой и летом»), которые обозначают «раннее увядание природы»): временные отрезки; температурные изменения; состояние природы. Например, как и в России, в Китае осенью собирают урожай и фрукты, что нашло отражение в паремиях сельскохозяйственного характера. Сельскохозяйственный календарь китайцы и русские применяют для определения начала и окончания различных полевых и домашних работ, прогнозируют погоду и урожай на предстоящие сезоны и годы. Приведем примеры:

- русск. *Осенняя пахота помогает весеннему севу.* / кит. *Глубокая вспашка осенью вредителей не имеет. 秋地深耕无虫害。* ;

- русск. *Глубже пахать – больше хлеба жевать* / кит. *Поля глубоко вспахивают осенью, и в наступающем году урожай будет обильным. 秋日深耕田, 丰收在来年。*

3. Помимо схожести пословиц и поговорок об осени в русском и китайском языках имеются и различия. Например, сравните, какие животные представлены в русских и китайских пословицах:

- русск. *Осенняя пора – птица со двора* / кит. *Прежде чем подует осенний ветер, первыми чувствуют цикады. 秋风未动蝉先觉。* ;

- русск. *Гуси летят – осень на хвосте тащат.* / кит. *Дует осенний ветер, и у краба чешутся лапки. 秋风响, 蟹脚痒。* ;

- русск. *Ласточка отлетает еще тепло (об осени весть подает).* / кит. *Шершни после осени живут недолго. 秋后马蜂命不长。*

В русских пословицах и поговорках об осени отражаются особенности месяцев, входящих в состав данного времени года (сентябрь, октябрь, ноябрь), сельскохозяйственный характер, представление об осени во всех трех вариантах – официальном, народном и православном. По осенней погоде определяют, какими будут предстоящий год и другие сезоны. Например, в русских пословицах: *Сентябрь птиц в дорогу торопит. В октябре с солнцем распрощайся, ближе к печке подбирайся. Октябрь – месяц ненастья – начало семейного счастья. В ноябре мужик с телегой прощается, в сани забирается.*

В китайском языке картина с календарным распределением иная. Хотя официально и принят григорианский календарь – Гун Ли (как и в России), но все жизненные циклы протекают в соответствии с лунным календарем – Нун Ли (как и земледельческий русский). Например: «По лунному календарю в июле подсолнечник растет на солнце» (七月葵花向阳开。). «По лунному календарю в июле накидывай одеяло, в августе носи ватную одежду, а в сентябре носи ватные брюки» (七月的被, 八月的袄, 九月棉裤跑不了。). «По лунному календарю 8 августа перевозят гаолян и просо в гумно. (八月八, 谷子高粱进了场。). «По лунному календарю в сентябре погода как лицо цензоров (постоянно меняется)» (九月的天, 御史的脸。).

В русских паремиях об осени также отражаются особенности религиозных и народных праздников (*Рождество Богородицы, Воздвижение, Покров, Дмитриев день, Кузьминки* и др.). В отличие от богатой осенними праздниками русской культуры, китайская не может похвастаться таким изобилием. Осенью (15 августа по лунному и в конце сентября по григорианскому календарям) в Китае празднуют второй по значимости *Праздник Середины осени (Джун Цюцзе), Праздник двух девяток (Чун Янцзе)* или *Праздник Стариков*. Например, не имеют эквивалента в языке сопоставления:

- русские пословицы: *На Федору (11/24 сентября) лето кончается, осень начинается. Батюшка Покров, натопи нашу хату без дров! Батюшка Покров, покрой сыру землю и меня, молоду!*

- китайские пословицы: *«Хороший праздник Середины осени – хороший поздний рис» (好中秋, 好晚稻.)*. *«Праздник Середины осени – это большой китайский Новый год» (中秋大过年.)*.

Таким образом, полученные в ходе исследования данные позволяют сделать выводы о сходном восприятии русскими и китайцами осеннего периода как времени года. На осеннюю тематику существует большое число паремий, пословиц и поговорок. Разделение по месяцам и сезонность, красота природы, время сбора урожая и подготовка к зимнему периоду, забота о здоровье, поведение животных – все имеет общие черты в восприятии осени у русских и китайцев. Несмотря на универсальность концепта «осень», существуют и различия в представлениях носителей языка каждой из национальных картин мира, которые обусловлены территориальными особенностями России и Китая, а соответственно, и всем укладом жизни: от расположения месяцев в осеннем сезоне до сельскохозяйственных особенностей. При сравнении паремиологического состава языка с семантикой «осень» замечается некоторый философский смысл у китайских пословиц и религиозный подтекст у русских паремий. Результаты сравнения паремий об осени в русском и китайском языках позволят лучше проникнуть в систему ценностей чужой культуры, познать национальный характер ее представителей, что может использоваться для улучшения образовательного процесса в университетах и на языковых курсах.

Список литературы

1. Ван Чжуин. Сборник мудрых слов, переданных нашими предками. Шицзячжуан: Хэбэйское научно-техническое издательство, 2011. 306 с.
2. Вэнь Дуанчжэн. Словарь пословиц в современном китайском языке. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2009. 323 с.
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2000. 544 с. URL: https://fileskachat.com/view/93204_0979d5201407c45092fb816c86a1b84d.html
4. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений: Более 22000 пословиц, молвушек и пр. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 736 с.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с. URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/>
6. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц: около 70000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 784 с.

8. Пословицы русского народа: Сборник. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. Владимира Даля. Т. 1. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003893329

9. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. Владимира Даля. Т. 2. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003893328

10. У Цзяньшэн. Сборник сельскохозяйственных пословиц. Тайюань: Экономическое издательство в провинции Шаньси, 2017. 221 с.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 06.12.2023.

The article was submitted 04.11.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted 06.12.2023.

Научная статья

УДК 81.42

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/36-42>

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПУБЛИЧНЫХ РЕЧАХ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ПОЛИТИКОВ

Цзиньюй Ма¹

Научный руководитель: **Ольга Васильевна Николаева**²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Аспирант, кафедра романо-германской филологии, ma.tczi@dvfu.ru

² Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии, nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу языковых и дискурсивных особенностей функционирования оценочных прилагательных в китайском и русском языках. Исследование выполнено на материале современных публичных речей лидеров Китая и России, Владимира Путина и Си Цзиньпина, на церемонии открытия Третьего международного форума «Один пояс, один путь». Цель исследования – сопоставительный анализ оценочных прилагательных в китайской и русской политических речах.

Ключевые слова: оценочные прилагательные, политические выступления, сопоставительный анализ

Для цитирования: Ма Ц. Сопоставительный анализ оценочных прилагательных в публичных речах российских и китайских политиков / науч. рук. О.В. Николаева // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 36–42.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF EVALUATIVE ADJECTIVES IN PUBLIC SPEECHES OF RUSSIAN AND CHINESE POLITICIANS

Jingyu Ma¹

Scientific Advisor: **Olga V. Nikolaeva**²

^{1,2} Far Eastern federal University, Vladivostok, Russia

¹ Postgraduate Student, ma.tczi@dvfu.ru

² Doctor of Philology, Department of Germanic and Romance Philology, Chair, nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Abstract. The article analyzes the linguistic and discourse features of evaluative adjective functions in Chinese and Russian. The study is based on modern public speeches of the leaders of China and Russia, especially the speeches of Vladimir Putin and Xi Jinping at the opening ceremony of the Third Belt and Road Summit Forum for International Cooperation. The paper seeks to conduct

a comparative analysis of evaluative adjectives in Chinese and Russian political speeches.

Key words: evaluative adjective, political speeches, comparative analysis

For citation: Ma J. Comparative Analysis of Evaluative Adjectives in Public Speeches of Russian and Chinese Politicians / sci. adv. O.V. Nikolaeva // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. P. 36–42. (In Russ.).

Введение

Настоящее исследование посвящено анализу языковых и дискурсивных особенностей функционирования оценочных прилагательных в китайском и русском языках. Исследование выполнено на материале современных публичных речей лидеров Китая и России, Владимира Путина и Си Цзиньпина, на церемонии открытия Третьего международного форума «Один пояс, один путь» (сайт МИД России: <http://www.kremlin.ru/events/pre/trans-cripts/72528>; сайт МИД Китая: <https://www.fmprc.gov.cn>).

Важность исследования публичной речи отмечают ученые многих стран. Известный американский специалист по ораторскому искусству Поль Сопер писал: «Способ убеждения у свободного народа заменяет деспотическое принуждение. Он успешен не только потому, что мешок овса впереди мула лучше, чем кнут сзади. Он сопровождается успехом и потому, что большинство людей, не в пример мулам, способно внять убедительной речи всякий раз, когда она прозвучит» [6, с. 151].

Возросший интерес к сопоставительным и типологическим исследованиям разноструктурных языков приводит к необходимости более детального рассмотрения общих и частных, теоретических и функциональных аспектов этих языков. Настоящее исследование сосредоточено на сопоставительном изучении функционирования лексики китайского и русского языков, в частности имен прилагательных, содержащих оценочную коннотацию. Мы исходим из положения о том, что оценочные прилагательные активно используются в политических выступлениях и имеют важное значение для реализации оценочной функции.

Цель исследования – сопоставительный анализ оценочных прилагательных в китайской и русской политических речах.

В ходе исследования был отобран корпус китайских и русских текстов публичных выступлений для сопоставительного изучения оценочных прилагательных. В текстах обнаружено более 500 прилагательных, из них 326 прилагательных в китайском тексте и 165 – в русском.

Задачи исследования включали: составление классификации оценочных прилагательных; анализ оценочных прилагательных с точки зрения частотности их употребления, контекста и функции в речи; сопоставительный анализ дискурсивного функционирования оценочных прилагательных в русском и китайском языках на материале отобранных публичных речей.

Исследование выполнено в рамках сопоставительной лингвистики и дискурсологии.

Методы исследования включают структурно-семантический метод, дискурс-анализ и количественные методики.

Теоретическая база

В русском языке имена прилагательные являются одним из типов признаков слов,

определяемых как «синтаксически специализированные в признаковой функции полнозначные слова с лексическим значением признака» [4]. Попытки классифицировать имена прилагательные восходят еще к работам XVIII в. таких ученых, как М.В. Ломоносов, А.А. Барсов, Ф.И. Буслая, А.Х. Востоков и А.А. Шахматов [8]. Именно метод классификации прилагательных известного лингвиста А.А. Шахматова получил широкое признание у современных исследователей. Он обращается к классификации предшественника, однако его определения более четки. Ученый впервые выделил три класса прилагательных: качественные, относительные и притяжательные. Качественные прилагательные называют признаки, обозначающие различные качества предмета, которые классифицируются, например, по величине (большой, маленький), по возрасту (молодой, старый), по цвету (красный, зеленый), по весу (легкий, тяжелый), по внешнему виду (красивый, высокий), по внутренним качествам (умный, добрый, злой, ленивый) и т.д.

Относительные прилагательные обозначают материал, из которого сделан предмет, указывают на признак предмета по месту, по времени его существования, по назначению предмета и т. д. [2].

Притяжательные прилагательные обозначают принадлежность чего-либо лицу или животному и отвечают на вопросы «чей? чья? чье? чьи?» [8].

В китайском языке прилагательные – это разряды слов, выражающие характер и состояние предметов. Прилагательные делятся на качественные и стативные [9]. Прилагательные качественные почти всегда могут сопровождаться наречиями степени, такими как «очень». Стативные прилагательные – это видоизмененные прилагательные, выражающие формы, свойства и состояния, относительно четкие и конкретные по объему и степени. Например: 雪白、笔直、墨绿、火热、血红、绿油油、水灵灵、黑不溜秋.

Среди этих прилагательных есть те, которые выражают субъективную оценку и эмоции и входят в категорию оценочных прилагательных. Оценочные прилагательные, в свою очередь, включают общеоценочные и частнооценочные [1].

Таким образом, на основании приведенной выше классификации и примеров, приведенных китайскими и русскими учеными, можно определить оценочный потенциал прилагательных.

Так, семантика относительных прилагательных в русском языке, употребленных в прямом значении, типа *деревянный, зимний, русский*, не содержит оценочного компонента. Притяжательные прилагательные в русском языке, употребленные в прямом значении, типа *мамин, медвежий, заячий*, также не включают оценочный компонент. Прилагательные качественные в китайском и русском языках не содержат оценочных элементов в отношении физических параметров, таких как цвет, форма, вес и т. д. Китайские стативные прилагательные не содержат оценочных элементов по таким физическим параметрам, как цвет и форма.

Однако функционирование данных прилагательных в реальном живом употреблении может сопровождаться оценочной коннотацией в зависимости от контекста употребления [3].

Результаты исследования

В русскоязычном политическом тексте оценочные прилагательные используются для оценки разных сущностей и сочетаются со следующими лексемами (в скобках указана частота употребления): *процесс* (7), *гости* (6), *значение* (5), *инициатива* (5), *мир* (5), *сотрудничество* (5), *развитие* (4), *проблема* (3), *поставка* (3), *государство* (2), *решение* (2), *действие* (2), *дело* (2), *участие* (1). Общее количество оценочных прилагательных в русских политических текстах составляет 56 единиц.

Представим использование оценочных прилагательных в русскоязычном политическом тексте (рис. 1).

Рис. 1. Качественные прилагательные в русскоязычном политическом тексте

В китайских политических выступлениях оценочные прилагательные используются для оценки сущностей, вербализированных следующими лексемами: *развитие* (20), *путь* (16), *гости* (8), *успех* (8), *площадка* (7), *строительство* (6), *результат* (6), *сила* (6), *работа* (5), *импульс* (3), *связь* (3), *государство* (3), *инвестиция* (3), *проект* (2), *сеть* (2). Общее количество оценочных прилагательных в китайскоязычном политическом тексте составляет 98. Соотношение прилагательных в китайском политическом дискурсе представлено на рис. 2.

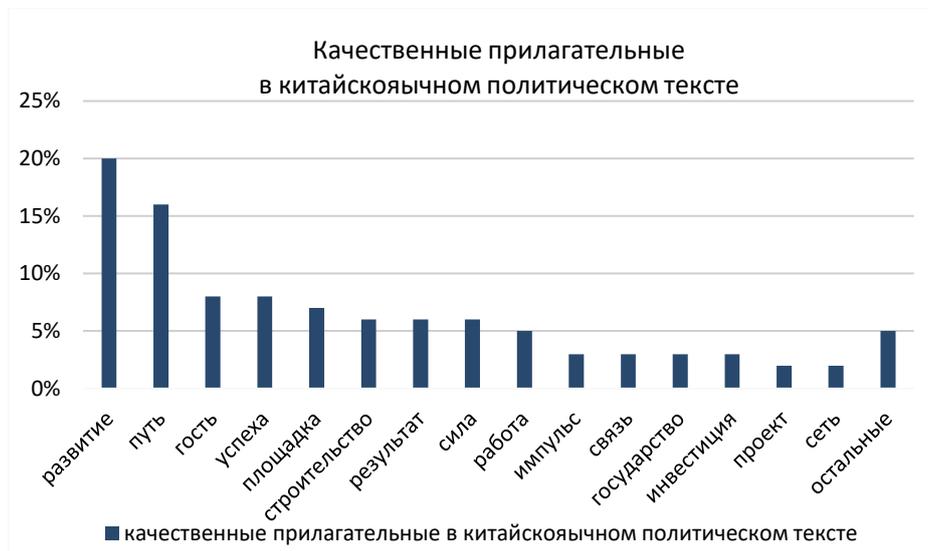

Рис. 2. Качественные прилагательные в китайскоязычном политическом дискурсе

Анализируемые тексты посвящены политическим темам (международное сотрудничество, культурный обмен). Исходя из текстов выступлений, результаты анализа которых представлены на диаграммах, мы можем найти много общего между русскими и китайскими политическими выступлениями в следующих областях:

1. Оценочные прилагательные употребляются в основном с лексемами: *развитие, цель* и другими абстрактными существительными.

2. Использование положительных оценочных прилагательных в китайских и российских политических речах относительно высоко, а отрицательных – относительно низко.

Однако мы выявляли и различия функций оценки в китайских и российских политических текстах:

1. *Функция риторическая.* В китайской речевой традиции часто используются риторические приемы непрямого выражения смысла, в то время как в русских текстах риторических приемов меньше, смысл выражается прямо, используются предложения, которые более лаконичны и легки для понимания [5]. Например :

Оригинал 1: 我们深刻认识到，只有合作共赢才能办成事、办好事、办大事。。

(досл: «Мы глубоко осознаем, что только в результате взаимовыгодного сотрудничества мы можем сделать удачное дело, сделать великие дела и добиться хороших результатов».)

Перевод 1: Мы глубоко осознаем, что справляться с грандиозными задачами и добиться благой цели невозможно без взаимовыгодного сотрудничества.

В приведенном примере в китайской политической речи используется риторический прием – параллелизм «办成事、办好事、办大事», в то время как в русском переводе объект описания конкретизируется, к чему именно относится данное дело. Речь идет об общей задаче и цели двух стран.

Таким образом, в китайских политических речах для выражения оценочных функций больше используется параллелизм, в то время как в русских текстах наблюдается тенденция к большей конкретизации с помощью прилагательных.

2. *Культурная функция.* В китайском языке для выражения оценок чаще используются стихи, в то время как в русском – простые предложения, состоящие из оценочных прилагательных, что обусловлено в основном культурными и традиционными различиями двух языков.

Древние стихи считаются очень изысканной и далеко идущей формой выражения. Они часто содержат множество образов и символических метафор, способных передать глубокие эмоции и идеи. В китайской культуре древние стихи широко используются в литературе, искусстве, научных кругах и считаются элегантной и утонченной формой языка. Поэтому в китайском языке использование древних стихов для выражения оценок позволяет усилить литературный и художественный характер высказывания, а также произвести более глубокое впечатление на читателя.

В русском языке, напротив, для выражения оценки предпочитают использовать простые предложения. Это объясняется тем, что структура языка и грамматические правила русского языка больше подходят для прямого и ясного выражения. В русской культуре акцент делается на рациональности, прямоте и реализме, что отражается в большей склонности к использованию прямых декларативных предложений, а не символических метафор или архаичных стихов [7].

Оригинал 2: 十年栉风沐雨，十年春华秋实。

(досл: «После десятилетних ветров и дождей мы наблюдаем десятилетние цветения весной и десятилетние плодоношения осенью».)

Перевод 2: *За 10 лет мы прошли непростой путь и вышли на плодотворные результаты сотрудничества.*

В данном примере указано, что упорный труд длился десять лет. В китайском выступлении используется стих, в русском переводе – простые предложения, состоящие из оценочных прилагательных.

Заключение

Проведенный выше сопоставительный анализ китайских и русских оценочных прилагательных позволяет сделать вывод о наличии общих черт и различий в их употреблении в китайских и русских политических выступлениях. А именно:

1. Классификация прилагательных в Китае и России различна, но классификация прилагательных с оценочной функцией более или менее одинакова.

2. Формы языкового выражения в Китае и России различны: китайские лидеры привыкли использовать прилагательные в риторическом смысле, российские – в простых предложениях, состоящих из оценочных прилагательных.

2. И в китайских, и в русских оценочных прилагательных присутствуют положительные и отрицательные оценочные смыслы, но использование *положительных* оценочных прилагательных в китайских и русских политических речах относительно велико, а *отрицательных* – относительно мало.

3. Различия в средствах выражения в китайских и российских политических текстах обуславливают различия в речевой традиции двух стран.

В данном исследовании оценочные прилагательные в китайской и русской речи анализируются в целях выявления их общих черт, различий и влияния на речевой эффект. Полученные результаты показывают, что оценочные прилагательные достаточно часто используются в обоих языках и играют важную роль в выражении эмоций, передаче отношения и формировании мнения. Однако существуют некоторые различия в употреблении оценочных прилагательных в китайском и русском языках, обусловленные культурными отличиями и языковыми привычками. Правильное использование оценочных прилагательных может улучшить навыки межкультурной коммуникации двух народов и способствовать политическому, экономическому и культурному обмену Китая и России.

Список литературы

1. Арутюнова Л.Р. Оценочное суждение и установка. М.: РГБ. 1989. 26 с.
2. Мао Я. Оценочность качественно-относительных прилагательных в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Серия 9. Филология. 2018. № 1. С. 143–148.
3. Минемуллина А.Р. Оценочные прилагательные как языковой инструмент информационной борьбы (на примере информационного противостояния украинских и российских СМИ периода 2013–2014 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия 22. Филология. 2014. № 2. С. 160–167.
4. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. М.: Научный центр проблем диалога, 1996. 756 с.
5. Пригарина Н.К., Бай Г. Риторические характеристики рекламного текста // Современное педагогическое образование. 2020. № 11. С. 261–264.

6. *Сопер П.* Основы искусства речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 448 с.
7. *Сунь Я.* Оценочные слова в текстах российских и китайских СМИ: функциональный аспект // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. 2020. № 2 (21). С. 148–151.
8. *Юминова Е.В.* Вопрос о разрядах имен прилагательных // Русский язык, 2007. № 15. С. 261–264.
9. 黄伯荣 廖序东。现代汉语//高等教育出版社。2007年。306页 (*Хуан Бо Жун, Ляо Сюй Дун.* Современный китайский язык. Издательство Высшего образования, 2007. 306 с.).

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 04.12.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 05.12.2023.

Научная статья

УДК 81.41

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/43-53>

**КРИТИКА КАК ПРИЕМ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ
В КИТАЙСКОМ И РОССИЙСКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЙ)**

Индун Го¹

Научный руководитель: **Ольга Васильевна Николаева²**

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Аспирант, кафедра романо-германской филологии, go.in@dvfu.ru

² Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии, nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Аннотация. В данной статье исследуются различия в способах реализации критики как важного дискурсивного приема стратегии волеизъявления в китайском и российском дипломатическом дискурсе. В качестве объекта исследования взят дискурс китайских и российских пресс-конференций, относящийся к периоду с 1 августа по 1 октября 2023 г. Для идентификации дискурсивного приема критики ответы на пресс-конференции рассматривались как фрагменты дискурса, отмеченные положительной, нейтральной и отрицательной оценочностью: похвала, риторика и критика. В работе использованы теоретические подходы сопоставительной лингвистики, политической лингвистики и дискурс-анализа. В результате сопоставления лексических средств выявлено, что российский дискурс пресс-конференции содержит в большей степени личную оценку, китайский дискурс пресс-конференции – официальную; синтаксические средства российского дискурса пресс-конференции содержат больше контрастивных конструкций, китайского – больше синтаксических повторов; стилистические средства российского дискурса содержат иронию, китайского – фразеологию; по цели критического высказывания российская сторона делает акцент на критике существующего положения вещей, а китайская сторона – на его изменении.

Ключевые слова: стратегия волеизъявления, критическое высказывание, дипломатический дискурс, российский и китайский дискурс пресс-конференции, дискурсивный прием

Для цитирования: Го И. Критика как прием реализации стратегии волеизъявления в китайском и российском дипломатическом дискурсе (на материале пресс-конференций) / науч. рук. О.В. Николаева // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 43–53.

Original article

**CRITICISM AS A METHOD FOR IMPLEMENTATION
OF THE WILL EXPRESSION STRATEGY
IN CHINESE AND RUSSIAN DIPLOMATIC DISCOURSE
(BASED ON THE MATERIAL OF PRESS CONFERENCES)**

Yingdong Guo¹

Scientific Advisor **Olga V. Nikolaeva²**

^{1,2} Far Eastern federal University, Vladivostok, Russia

¹ Postgraduate Student, go.in@dvfu.ru

² Doctor of Philology, Department of Germanic and Romance Philology, Chair,
nikolaeva.ov@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2918-2202>

Abstract. The author conducts a comparative analysis of the criticism expression in Chinese and Russian diplomatic discourse, which serves as a crucial discursive tool in conveying intentions. The research focuses on press conferences held between 1 August and 1 October 2023 in China and Russia. To explore the discursive strategies employed for criticism, the "answers" provided during these press conferences are utilized as fragments, categorized into positive, neutral, and negative modes of evaluation encompassing praise, rhetoric, and criticism. The theoretical frameworks of comparative linguistics, political linguistics, and discourse analysis were employed. Throughout the study, a comparison of lexical devices revealed that criticism in Russian press releases exhibits a greater emphasis on personal evaluation, whereas criticism in Chinese press releases places more focus on official evaluation. Syntactic devices used for criticism in Russian press releases center around contrastive structures, while Chinese press releases employ sentence repetition as their primary syntactic device for conveying criticism. Criticism expressed during Russian press conferences often employs the rhetorical device of "irony," whereas Chinese press conferences frequently utilize "idioms" to convey critical messages. In terms of the purpose behind criticism, the Russian side tends to prioritize critiquing the current situation, while the Chinese side pays more attention to highlighting changes within the current situation.

Key words: strategies for intentional expression, critical expression, political discourse, Chinese-Russian press conference discourse, discourse tool

For citation: Guo Y. Criticism as a Method for Implementation of the Will Expression Strategy in Chinese and Russian Diplomatic Discourse (Based on the Material of Press Conferences) / sci. adv. O.V. Nikolaeva // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. P. 43–53. (In Russ.).

Введение

Целью данной работы является установление различий в реализации стратегии волеизъявления в дипломатическом дискурсе Китая и России. Исследование выполнено на материале пресс-конференций на китайском и русском языках. Пресс-конференция дает возможность получить официальный комментарий ведомств и высших должностных лиц государства, что позволяет распространить конкретную информацию в СМИ [7]. В отличие от других видов интервью, пресс-конференция – строго тематическое и формализованное мероприятие.

Пресс-конференции двух стран охватывали широкий спектр вопросов. Пресс-конференция под председательством министра иностранных дел С.В. Лаврова была посвящена в основном российско-украинской войне, санкциям против России со стороны США и других западных стран, международным конфликтам; китайская пресс-конференция под председательством официальных представителей МИД Мао Нин и Ван Вэньбина посвящалась сбросу радиоактивных вод с АЭС Фукусима в Японии, вопросу независимости Тайваня, конфликтам между Китаем и западными странами во главе с США.

Содержание пресс-конференций МИДа реализует стратегию волеизъявления, способы выражения которой могут быть весьма разнообразны. По сравнению с речами, обращениями к нации, и другими видами дипломатического дискурса, в пресс-конференции присутствует большая доля импровизации.

Единицами анализа являются в основном фрагменты дипломатического дискурса, представляющие оценочно-аналитические критические высказывания. Для их отбора использовались ответы дипломатов на вопросы пресс-конференции: всего 78 ответов на русском языке и 315 – на китайском. В ходе анализа выявлено, что пресс-конференция китайских дипломатов содержит 160 фрагментов дискурса, отмеченных положительной или отрицательной оценочностью, из них 74 фрагмента (46,25%) – с отрицательной оценкой. Количество фрагментов дискурса с отрицательной оценкой пресс-конференции российского дипломата составило 73 (17%). Таким образом, дискурсивный прием критики является значимым инструментом в реализации стратегии волеизъявления в дипломатическом дискурсе обеих стран.

Теоретическая база

В работе использованы теоретические подходы сопоставительной лингвистики, политической лингвистики и дискурс-анализа. С точки зрения политической лингвистики в трактовке дипломатического дискурса существуют разные точки зрения. По мнению китайских ученых, дипломатический дискурс относится к политическому дискурсу институционального типа, то есть дискурсивные (речевые) приемы, используемые субъектами дипломатии для выражения международной стратегии и внешней политики в тот или иной исторический период, включают в себя в основном официальные документы дипломатических концепций или политики, речи лидеров, договоры и соглашения между странами, дипломатические переговоры, пресс-конференции и т. д. [16].

В российской лингвистике принято разделять дипломатический дискурс на две формы: публичный дипломатический дискурс и закрытый дипломатический дискурс [13]. Публичная форма дипломатического дискурса: выступления послов в стране их пребывания, пресс-конференции высших государственных чиновников либо послов, заявления МИД, а также выступления дипломатов на заседаниях Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи ООН и т. д., распространяемые с помощью масс-медиа, по своим основным характеристикам во многом совпадает с политической коммуникацией. Непубличная (закрытая) форма дипломатического дискурса – это переговоры различных уровней, имеющие форму обмена мнениями между равными, подготовленными и обладающими нужной информацией партнерами с целью решения определенной проблемы. Данная черта, характерная для дипломатической коммуникации, сближает ее с научным дискурсом [2].

Объектом исследования в данной работе является публичный дипломатический дискурс.

Китайский ученый Ван Наньнань считает, что природой дипломатического дискурса является интерпретация семантического содержания в соответствии с интенцией говорящего [4]. Российские ученые утверждают, что успешный дипломатический дискурс – это когнитивная транзакция между его участниками, в ходе которой достигнута основная цель общения – защита интересов своего государства, реализуемая посредством ряда промежуточных целей, каждой из которых соответствует свой объект референции и своя интенциональная направленность с конкретными наборами типичных интенций [14].

Волеизъявление – важнейшая стратегия дипломатического дискурса. Для исследования стратегии волеизъявления важным представляется выделение, по Ш. Балли, основного содержания (диктум) и его модальной части (модус), в которой выражается интеллектуальное, эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума [1].

Волеизъявление оказывается основой выражения коммуникативной стратегии – это «проявление собственной воли, желания» [3]. Под волеизъявлением понимается, по мнению А.А. Полещиной, желание говорящего каузировать действие. Говорящий выбирает разные формы передачи своего намерения, использует различные способы достижения иллокутивной цели речевого акта [8]. Стратегия волеизъявления заключается в воздействии на партнера по коммуникации, в побуждении его к действиям в соответствии с желаниями и волей адресанта [17]. Другими словами, в коммуникации стратегии волеизъявления – это способы воздействия на поведение других людей с помощью своей воли.

Оценка занимает ключевую позицию в регулировании поведения и поступков других людей [15]. Критика как речевой акт оценки, являясь дискурсивным приемом, представляет собой реализацию стратегии волеизъявления с целью повлиять на поведение других людей.

Китайские ученые выделяют в содержании коммуникативной стратегии волеизъявления два этапа. Первый этап – принятие решения, что также является подготовительным этапом волевого действия, когда необходимо определить цель действия, выбрать эффективные методы и средства достижения цели, сформулировать практический план действий. Второй этап – реализация решения – представляет собой процесс воплощения плана действий в жизнь. На этом этапе предпринимаются усилия по преодолению субъективных и объективных трудностей для того, чтобы в конечном итоге реализовать план [12].

Мы сопоставляем понятие «целенаправленность», используемое китайскими лингвистами, с понятием «волеизъявление», принятым российскими учеными. Целенаправленность дипломатического дискурса заключается в выражении и понимании национальной воли [5]. Иными словами, целенаправленность воплощается в передаче национальных установок, изложении национальных позиций и пропаганде внешней политики в мире посредством дипломатического дискурса; в то же время речевой акт используется для избегания конфликтов и решения проблем для достижения цели диалога между двумя сторонами [19].

Китайские ученые считают, что «целенаправленность» в дипломатическом дискурсе – это выражение собственной позиции, а критика как речевой акт является средством достижения этой «целенаправленности».

Мы в данной работе, вслед за российскими учеными, отдаем предпочтение категории волеизъявления как более широкой и поэтому более целесообразной для сопоставительного анализа дискурса пресс-конференций на двух языках. Дискурсивная стратегия волеизъявления ре-

ализуется посредством дискурсивного акта критики. Мы считаем, что, отвечая на вопросы журналистов, пресс-секретарь использует речевой акт критического высказывания для критики лица или предмета, упомянутого в вопросительном предложении, с целью предупредить или изменить мнение и поведение соответствующего лица или представление о предмете критики.

Подводя итог, можно отметить, что российские и китайские ученые провели исчерпывающие исследования волеизъявления в дипломатическом дискурсе. Однако системной методики сопоставительного анализа категории волеизъявления на материале пресс-конференций на китайском и русском языках не было разработано. Данное исследование имеет прикладную ценность для практики межкультурной коммуникации и практики перевода.

Исследовательская часть

В данной работе мы изучаем различия в способах реализации критики как важного дискурсивного приема стратегии волеизъявления в китайском и российском дипломатическом дискурсе по четырем пунктам, а именно: лексическое выражение, синтаксические средства, стилистические средства и цель критического высказывания. Примеры на русском языке взяты с сайта МИД России <https://www.mid.ru>, а на китайском языке – с сайта МИД Китая <http://spainembassy.fmprc.gov.cn>.

Лексическое выражение во фрагменте критического дискурса

Лу Тингтинг предполагает, что неясность семантических границ между семантически рекурсивными словами и манипулятивный характер политического дискурса в прагматических факторах способствуют семантической неопределенности политической коммуникации [6]. Ван Сянли отмечает, что это связано с тем, что языковые единицы могут приобрести определенный референциальный статус только в случае их использования в конкретных речевых актах, а лексемы, абстрагированные от конкретного использования, референциальным статусом не обладают [18]. Поэтому необходимо проанализировать лексические средства в конкретных контекстах. На основе наблюдений и изучения контекста российского и китайского дискурса пресс-конференций мы пришли к выводу, что в российском дискурсе пресс-конференции чаще использовались слова, связанные с личной оценкой, тогда как китайская сторона предпочитала более официальные оценочные слова.

Пример 1. Вопрос: Какими Вы видите отношения с Токио в ближайшие четыре года?

*Ответ: <...> Япония – одна из немногих стран, которая «выпадает» из общей перспективы наращивания нашего стратегического взаимодействия, поскольку она приняла решение **слепо, тупо** (простите за это слово) следовать в русле политики США. Причем даже не сдерживания России, а агрессивного наступления на нашу страну во всех сферах. (01.09.2023).*

Пример 2. 问题: 据报道, 20 日, 日本首相岸田文雄实地考察福岛第一核电站时称, 为推进核反应堆退役和福岛重建工作, 核“处理水”排放是绝不能拖延的课题。报道还称, 日本政府已基本决定在 22 日召开内阁会议, 敲定启动核污染水排海的具体日期。请问中方对此有何评论?

回答: 日本政府无视国内外反对呼声, 不顾国际社会对排海计划正当性、合法性、安全性的质疑, 漠视排海计划损害全球海洋环境和人类健康的风险, 执意推进核污染水排海计

划, 是极端自私和不负责的。中方对此表示严重关切, 将密切关注事态发展。(21.08.2023).

(Вопрос: Сообщается, что 20-го числа премьер-министр Японии Фумио Кисида во время посещения АЭС «Фукусима-1» заявил, что в целях содействия выводу из эксплуатации ядерных реакторов и восстановлению Фукусимы сброс «очищенных вод» АЭС – это вопрос, который нельзя откладывать. В сообщении также говорится, что правительство Японии приняло принципиальное решение провести 22-го числа заседание кабинета министров, чтобы окончательно определить конкретную дату начала сброса загрязненной ядерным топливом воды в море. Каковы комментарии Китая по этому поводу?)

Ответ: <...> Крайне эгоистично и безответственно со стороны японского правительства игнорировать оппозицию внутри страны и за рубежом, игнорировать сомнения международного сообщества в легитимности, законности и безопасности плана сброса воды в море, игнорировать риск нанесения ущерба глобальной морской среде и здоровью людей и настаивать на реализации плана сброса загрязненной ядерным оружием воды в море. Китай серьезно обеспокоен этим и будет внимательно следить за развитием событий. (21.08.2023)).

Сравнивая примеры 1 и 2, легко заметить, что слова «тупо» и «слепо», используемые российской стороной, содержат в большей степени личную оценку, желание критиковать сильнее. Слова «自私 эгоистично» и «不负责任 безответственно», используемые китайской стороной, напротив, имеют окраску официальной оценки. Хотя это и критика, но она явно не столь резка, как у российской стороны.

Синтаксические средства в фрагменте критического дискурса

В ходе исследования было замечено, что критическое волеизъявление реализуется на основе разных синтаксических конструкций. Так, российская сторона предпочитает использовать контрастные предложения при критическом высказывании. Китайская сторона предпочитает синтаксический повтор.

Пример 3. Вопрос: Госсекретарь США вновь настоятельно призвал Россию восстановить «черноморскую инициативу» по вывозу украинского продовольствия и вновь торжественно повторил, что российские удобрения и сельхозпродукция не подпадают под санкции. Как Вы можете прокомментировать данные заявления?

Ответ: <...> Незначительность украинского вклада, что называется, налицо. Но это не мешает преподнести его как «спасение мира от голода». Не прекращают западники тиражировать тезис о снижении мировых цен на зерновые. Умалчивают при этом, что цены снизились с пиковых значений марта 2022 г. и до запуска «черноморской инициативы», и сейчас остаются на стабильно низком уровне. Примечательно, что фактический запрет на экспорт российских и белорусских минеральных удобрений, который привел к их физическому дефициту, на ценообразование, по мнению западников, видимо, никак не влияет. Как, видимо, нет им дела и до 45 млн человек, которых можно было бы накормить продовольствием, произведенным на основе российских аммиачных удобрений, если бы украинцы сначала не остановили, а потом и вовсе не подорвали аммиакопровод «Тольятти–Одесса». Не комментируют в западных столицах и свой отказ разблокировать российские удобрения для безвозмездной передачи беднейшим странам. Зато пытаются всячески принизить российские гуманитарные поставки пшеницы действительно нуждающимся африканцам. (04.08.2023).

Пример 4. 问题：美国日前宣布将 352 种中国产品的关税豁免期限延长至年底，请问

中方对此有何回应？

回答：作为原则，我们一贯反对打关税战，认为关税战没有赢家。美国对华单边加征关税违反世贸组织规则，不利于中国，不利于美国，也不利于世界。(07.09.2023).

(Вопрос: Недавно США объявили о продлении тарифных льгот для 352 китайских товаров до конца года, какова реакция Китая на это?)

Ответ: Мы принципиально выступаем против тарифных войн и считаем, что в тарифных войнах нет победителей. Одностороннее введение Соединенными Штатами тарифов против Китая нарушает правила ВТО и наносит ущерб Китаю, наносит ущерб США и даже наносит ущерб всему миру (07.09.2023)).

В примере 3 «но», «зато», «если бы...можно было бы...» являются обычной контрастивной конструкцией, семантика выражений «Не прекращают...Умалчивают...», «Примечательно...видимо...» также является контрастивной конструкцией. Российская сторона часто использует подобные синтаксические приемы, чтобы повысить убедительность критики и сделать ее более выразительной.

В примере 4 «не利于.....不利于.....更不利于..... наносит ущерб...наносит ущерб...даже наносит ущерб...» является синтаксическим повтором, который используется китайской стороной для повышения уровня критики и усиления тона.

Стилистические средства в фрагменте критического дискурса

Метафора действительно играет важную роль в китайском и русском политическом дискурсе. Русский ученый А.В. Степаненко составила концептуально-интегральные модели метафоры на основе понятия ментального пространства [9].

Китайский ученый Сунь Фуцин в докторской диссертации показал различия между китайскими и русскими политическими метафорами, но в то же время подтвердил, что между китайскими и русскими политическими метафорами существует значительная согласованность [10]. Таким образом, метафора не является стилистическим средством, характерным только для китайского или только для российского политического дискурса.

Мы также обнаружили, что российская сторона часто использует иронию для критического высказывания на пресс-конференциях, в то время как китайская сторона часто использует фразеологию.

Пример 5. Вопрос: Госсекретарь США Э. Блинкен выступил с сенсационным заявлением, что Украина готова к переговорам с Россией. Если они начнутся, то уж США «подтянутся». Как Вы к этому относитесь?

Ответ: <...> Насчет нашей позиции и того, что Россия не выказывает никакой готовности и желания к переговорам, – это обидно. Понимаю, что Госсекретарь США человек занятой, но у него есть какие-то эксперты, которые регистрируют и анализируют то, что говорит российское руководство. Президент России В.В. Путин многократно говорил, что мы не уходим от переговоров. (12.09.2023).

Пример 6. 问题：据报道，中国台湾地区副领导人赖清德 8 月 12 日至 18 日“过境”窜访美国纽约和旧金山。发言人对此有何评论？

回答：台湾问题是中国核心利益中的核心，是中美关系政治基础中的基础，是中美关

系第一条不可逾越的红线。“台独”与两岸和平稳定水火不容，是死路一条。纵容支持“台独”终将引火上身，玩火自焚。(18.08.2023).

(Вопрос: Появилась информация о том, что вице-губернатор Тайваня Лай Циндэ с 12 по 18 августа посетил Нью-Йорк и Сан-Франциско. Каков комментарий пресс-секретаря по этому поводу?)

Ответ: Тайваньский вопрос является ядром основных интересов Китая, политической основой китайско-американских отношений и первой «красной чертой» в китайско-американских отношениях, которую нельзя переступать. «Независимость Тайваня» несовместима с миром и стабильностью между двумя проливами и является тупиковым путем. Потакание поддержке «независимости Тайваня» в конечном итоге приведет к пожару и самосожжению..... (18.08.2023)).

В примере 5 мы видим, что «человек занятой» используется для насмешки над правительством США. Использование слова «человек занятой» контрастирует с последующей фразой «у него есть какие-то эксперты, которые регистрируют и анализируют то, что говорит российское руководство», сатирически показывающей, что правительство США использует свое время и энергию не по назначению.

В примере 6 Китай использует фразеологические выражения «水火不容 несовместимые с огнем и водой», «死路一条 тупиковый путь», «引火烧身 приведет к пожару» и «玩火自焚 рисовать огонь и обжигаться» для критики стран и отдельных лиц, поддерживающих «независимость Тайваня».

И ирония, и фразеология служат для усиления языковой экспрессии при критическом высказывании. Это делает критику более жесткой.

Цели критического высказывания в дискурсе пресс-конференции

Одним из способов достижения политического манипулирования, как считает М. Степанова, является убеждение, направленное на рациональный уровень сознания адресата в целях изменения «интенциональной сферы его внутреннего мира за счёт модификации отдельных фрагментов структуры его знаний» [11]. Так что помимо описанного выше анализа традиционных языковых структур при сопоставлении китайских и русских языковых материалов мы также обнаружили, что цель критического высказывания в китайском и российском дискурсе пресс-конференции различна.

Российская сторона делает акцент на критике существующего положения вещей, в то время как китайская сторона больше ориентирована на изменение существующего положения вещей.

Пример 7. Вопрос: Как Вы оцениваете объявленный Украиной «мирный саммит» против «российской агрессии»?

Ответ: Вот, что мы слышим в качестве фактов. Делаем выводы о том, что никто не хочет всерьез показать понимание происходящего. В том числе те, кто понимает, но не хотят это делать публично. И в этих условиях – раз «на поле боя», то давайте (23.09.2023).

Пример 8. 问题: 据悉, 今天日本首相岸田文雄以私人身份向靖国神社供奉祭祀费, 内阁成员之一、现任大臣高市早苗也参拜了靖国神社。中方对此有何回应?

回答：78年前的今天，也就是1945年8月15日，日本接受《波茨坦公告》，宣布无条件投降。.....日本政要涉靖国神社消极动向再次反映出日方对待历史问题的错误态度.....中方敦促日方认真汲取历史教训，坚持走和平发展道路，以实际行动同军国主义彻底切割，避免进一步失信于亚洲邻国和国际社会。(15.08.2023).

(Вопрос: Стало известно, что сегодня премьер-министр Японии Фумио Кисида лично совершил подношение храму Ясукуни, а один из членов кабинета министров, действующий министр Хаяо Такаити, также посетил храм Ясукуни. Какова реакция Китая на это?)

Ответ: 78 лет назад, 15 августа 1945 года, Япония приняла Потсдамскую декларацию и объявила о своей безоговорочной капитуляции. .... Негативное движение японских высокопоставленных лиц, связанное с храмом Ясукуни, в очередной раз отражает неправильное отношение японской стороны к историческому вопросу ..... Китай призывает японскую сторону серьезно усвоить уроки истории, придерживаться пути мирного развития и предпринять практические действия по отказу от милитаризма, чтобы избежать дальнейшей потери авторитета у своих азиатских соседей и международного сообщества (15.08.2023)).

Как мы все знаем, и российско-украинская война, и японское искажение истории вторжения в Китай являются чрезвычайно сложными текущими ситуациями в России и Китае. Однако в примерах 7 и 8 мы видим, что Китай, критикуя существующее положение вещей, обращается к Японии и выражает надежду на то, что Япония признает свою историю. Россия же осталась на уровне критики.

Заключение

В результате исследования получены выводы:

- 1) сопоставление лексических средств показало, что российский дискурс пресс-конференции содержит в большей степени личную оценку, китайский дискурс пресс-конференции – официальную;
- 2) синтаксические средства российского дискурса пресс-конференции содержат больше контрастивных конструкций, китайский дискурс пресс-конференции – синтаксических повторов;
- 3) стилистические средства российского дискурса пресс-конференции содержат иронию, китайский дискурс пресс-конференции – фразеологию;
- 4) по цели критического высказывания российская сторона делает акцент на критике существующего положения вещей, а китайская сторона – на изменении существующего положения вещей.

Анализируя полученные результаты, мы видим, что в рамках дипломатического дискурса реализация критики российской стороной характеризуется сильными эмоциями, экспрессивностью и нацеленностью на критику текущей ситуации. Китайской стороне присущи сильный авторитет, жесткий тон и нацеленность на изменение текущей ситуации.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 415 с.

2. Бубнова И.А., Терентий Л.М. Интенциональный профиль закрытых дипломатических переговоров // Вестник Московской международной академии. 2011. № 2. С. 14–21. EDN: RGPXET
3. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 146 с.
4. Ван Наньнань. Оценка значимости российского «медийного дипломатического дискурса» с точки зрения политической лингвистики: дисс. ... д-ра наук / Даляньский университет иностранных языков. Далянь, 2020.
5. Ву Айхуа. Порядок дискурса на основе моделей речевых актов в дипломатическом дискурсе // Журнал иностранных языков. 2013. С. 53–54.
6. Лу Тингтинг. Теория и методы политической лингвистики. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2018. 222 с.
7. Онлайн-словарь маркетолога. URL: <https://www.unisender.com/ru/glossary> (дата обращения: 30.11.2023).
8. Полещикова А.А. Косвенное волеизъявление в современном английском языке // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 4. С. 177–183. EDN: МТИУСТ
9. Степаненко А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе: На материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. наук / Моск. гос. лингвист. ун-т. М., 2001.
10. Степанова М.А. Манипулятивные приёмы как средство создания политических деятелей (на материале ориентационных публичных выступлений Барака Х. Обамы и Дэвида У.Д. Кэмерона) // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2012. № 4. С. 106–112. URL: <https://www.linguamgou.ru/jour/article/view/1097> (дата обращения: 30.11.2023).
11. Сунь Фуцин. Сравнительное исследование метафор в российско-китайском политическом дискурсе: дисс. ... д-ра наук / Хэйлунцзянский университет. 2018.
12. Сяо Хохуэй. Словарь науки о решениях. Пекин: Народное издательство, 1995. 833 с.
13. Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1 (22). С. 47–56. EDN: MVDFBR
14. Терентий Л.М. Перспективность исследования дипломатического дискурса // Вопросы психолингвистики. 2016. № 29. С. 270–275. EDN: WWORMH
15. Трусова А.Ю., Птушко С.В. К вопросу о высказываниях с самооценкой с точки зрения «Я-концепции» в английском языке // Стратегии и тактики в англоязычном речевом общении: материалы науч. конф. НГЛУ. Новосибирск 2015. С. 216–220.
16. Ху Кайбао, Ли Чань. Исследование отечественного и зарубежного дипломатического дискурса: проблемы и перспективы // Преподавание иностранных языков. 2018. № 39 (06). С. 7–8.
17. Шалунова М.Ю. Стратегии волеизъявления, выраженные междометными высказываниями // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (25). С. 295–298. EDN: RTRZVF
18. Чэнь Лицзян. Культурный контекст и политический дискурс: дисс. ... д-ра наук / Шанхайский университет международных исследований. 2008.
19. Чу Тяньгэ. Анализ китайско-российского дипломатического дискурса с точки зрения принципа вежливости. Чанчунь: Цзилиньский университет, 2020. 21 с.

Статья поступила в редакцию 02.12.2023; одобрена после рецензирования 03.12.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 02.12.2023; approved after reviewing 03.12.2023; accepted for publication 05.12.2023

Научная статья

УДК 81.367.634 [811.133.1+811.161.1]

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/54-63>

ФРАНЦУЗСКИЙ СОЮЗ *CAR* И РУССКОЕ *ИБО* В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Елена Михайловна Матвеева ¹,

Надежда Семёновна Морева ²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Аспирант, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии,

matveeva.em@dvfu.ru

² Кандидат филологических наук, доцент,

профессор кафедры романо-германской филологии, moreva.ns@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию французского причинного союза *car* и русского *ибо*, семантико-синтаксическая специфика которых имеет много спорных моментов. Новизна исследования заключается в том, что впервые они рассматриваются в контрастивном аспекте с использованием параллельного корпуса текстов. В связи с этим настоящее исследование ставит своей целью выявить сходства и различия в функционировании союзов *car* и *ибо* в переводных соответствиях параллельных текстов Национального корпуса русского языка. В работе сравниваются базовые определения исследуемых единиц, их семантико-синтаксическая и стилистическая специфика. Описаны контексты, в которых союз *car* успешно переводится русским как *ибо* и наоборот, выявлены функциональные соответствия.

Ключевые слова: причинный союз, причинность, логическое обоснование, сопоставительный анализ, параллельный текст

Для цитирования: Матвеева Е.М., Морева Н.С. Французский союз *car* и русское *ибо* в сопоставительном аспекте // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 54–63.

Original article

FRENCH CONJUNCTION *CAR* AND RUSSIAN *ИБО*
IN A COMPARATIVE ASPECT

Elena M. Matveeva¹,
Nadezhda S. Moreva²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Post-Graduate Student, Senior Lecturer, matveeva.em@dvfu.ru

² Candidate of Philology, Associate Professor, moreva.ns@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative study of the French causal conjunction *car* and the Russian *ибо* because their semantic and syntactic specificity has many controversial points. The novelty of the research lies in the fact that for the first time they are considered in a contrastive aspect using a parallel corpus of texts. In this regard, the present study aims to identify similarities and differences in the functioning of the conjunctions *car* and *ибо* in the translated correspondences of the parallel texts of the National Corpus of the Russian Language. The paper compares the basic definitions of the conjunctions under study, their semantic, syntactic and stylistic specificity. The contexts in which the conjunction *car* is successfully translated into Russian *ибо* and vice versa are described, functional correspondences are revealed.

Key words: causal conjunction, causality, argumentation, contrastive analysis, parallel text

For citation: Matveeva E., Moreva N. French Conjunction *Car* and Russian *Ибо* in a Comparative Aspect // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1, № 4. P. 54–63. (In Russ.).

Объектом исследования являются французский союз *car* и русский союз *ибо*, изучению которых посвящено немало дискуссионных работ в каждом из рассматриваемых языков, и которые, насколько нам известно, не изучались до сих пор в сопоставительном аспекте. Работа выполнена в рамках общего исследования французского причинного союза *car*, направленного на выявление всех возможных языковых средств в русском языке, используемых для передачи этого союза и выражаемых им отношений. Цель данной статьи заключается в сопоставительном анализе союзов *car* и *ибо* на материале переводных соответствий в параллельных текстах Национального корпуса русского языка. В задачи входит: 1) выявление проблематики исследования каждого союза; 2) сравнение семантико-синтаксических особенностей союзов; 3) описание переводных соответствий, отобранных в параллельных корпусах текстов, в которых *car* и *ибо* выступают как эквиваленты; 4) представление их функциональных соответствий и расхождений. Под переводными соответствиями мы понимаем, вслед за лингвистами, занимающимися разработкой надкорпусных баз, «упорядоченные пары текстовых фрагментов (кортежи), включающие употребления исследуемых ЯЕ и их переводов» [5, с. 5].

Интерес отечественных и зарубежных лингвистов к анализируемым союзам обусловлен спорными моментами, касающимися грамматического статуса, семантической неоднозначности союзов и их стилистической характеристики.

Союз *car* является одним из самых неоднозначных причинных союзов во французском языке. Он неоднократно находился и находится в центре многочисленных научных обсуждений, обусловленных, по большей части, кажущимся несоответствием грамматической при-

роды союза его семантике: рассматриваемый традиционно как сочинительный союз, он соотносим по своей семантике с основным причинным союзом *parce que*. Решение этой дилеммы проходит в научных лингвистических кругах двумя путями: с одной стороны, лингвисты пытаются обосновать подчинительную природу союза *car*, с другой – доказать, что между союзами *car* и *parce que* невозможно поставить знак равенства.

Традиционное утверждение о сочинительной природе союза строилось на ограниченном наборе синтаксических критериев, но с неременной оговоркой или уточнением его статуса. Так, В.Г. Гак полагает, что его можно отнести к присоединительным союзам [3, с. 443], Е.А. Реферовская говорит о «добавочном» характере введённых им предложений [11, с. 177]. Расширение круга применяемых синтаксических критериев позволило в дальнейшем рассматривать этот союз как подчинительный [19; 2; 8]. Некоторые исследователи до сих пор предпочитают среднюю позицию, подчеркивая двойственный или гибридный характер этого союза, но отдавая всё-таки предпочтение либо подчинительной природе [1], либо сочинительной [16].

Гораздо большее внимание в исследованиях зарубежных и отечественных лингвистов уделяется выявлению семантических нюансов союза *car*, который традиционно считается союзом логического обоснования. Как правило, они сводятся к выявлению различий в употреблении союза *car* и *parce que* в, казалось бы, взаимозаменяемых контекстах, то есть при выражении объективной причины. Одним из основных критериев, позволяющим определить разницу между причинными союзами, является степень участия субъекта в установлении причинной связи. Различные авторы по-разному характеризуют этот факт, говоря, например, о моменте модальной оценки [1, с. 18], субъективации или вовлечённости говорящего [18]. Авторы показывают, что «различные типы причинности характеризуются различной степенью вовлечённости говорящего в установление этой самой причинной связи, а причинные коннекторы сигнализируют об определённой степени участия говорящего, что отражается в их дискурсивном поведении и их интерпретации» [18, с. 123–124]. Из всех причинных союзов о наибольшей степени вовлечённости говорящего сигнализируют как раз предложения с союзом *car*.

Специфика русского союза *ибо* вполне соотносима со спецификой французского *car*, и основные дискутируемые вопросы касаются, так или иначе, семантико-синтаксической особенности союза *ибо*, которая проявляется, по словам Е.С. Ярыгиной, в том, что союз *ибо* совмещает семантику подчинительного и синтаксические свойства сочинительного союза [15, с. 78].

В интерпретации грамматической природы союз *ибо* прошёл тот же путь, что и *car*. Долгое время, начиная с XIX в., он однозначно считался сочинительным, в настоящее время большинство синтаксистов рассматривают союз *ибо* как подчинительный. Такое изменение представлений исследователей на синтаксический статус произошло, по мнению М.В. Теляковской, в связи с изменением взгляда на подчинение и применением различных критериев. Исходя из понимания, «что подчинение в сложном предложении обычно рассматривалось как связь двух простых предложений, из которых одно является развернутым членом другого, т. е. придаточное предложение подчинено слову или словосочетанию и выполняет по отношению к нему функцию главного или второстепенного члена», конструкции с союзом *ибо* не считались сложноподчинёнными, поскольку в них придаточное предложение относится по смыслу ко всему главному [13, с. 156]. В качестве аргументов, доказывающих отнесенность этого союза к подчинительным, автор называет следующие: 1) он соединяет не независимые части, а определяющую с определяемой; 2) данный союз не может связывать однородные

члены в составе простого предложения; 3) этот союз синонимичен типичным причинным союзам, и его можно заменить союзами *потому что*, *так как*, *поскольку*; 4) придаточное предложение с союзом *ибо* часто можно преобразовать в обстоятельство причины, что является бесспорным показателем подчинительной зависимости; 5) при сочинении невозможно интерпозитивное положение одной части по отношению к другой. С союзом *ибо* это возможно [13, с. 156]. Применение других формальных критериев отнесенности союза к разряду либо сочинительных, либо подчинительных даёт основание О.Е. Пекелис относить *ибо* к сочинительным союзам [10]. Именно эта трактовка представлена в «Русграме» – национальном проекте создания новой современной грамматики русского языка.

Что касается семантического значения союза *ибо*, то он однозначно относится к причинным союзам, хотя семантика причинности не очень коррелирует с сочинением. Сочинительная природа при выражении причинности сказывается в том, что этот союз создает меньшую зависимость придаточного предложения от главного и присоединяет чаще логическое обоснование. Различными авторами *ибо* классифицируется по-разному. Е.С. Ярыгина относит союз *ибо* к причинно-аргументирующим и отмечает, что для причинно-аргументирующих придаточных предложений характерна связь с Я говорящего и/или мыслящего субъекта [15] – факт, созвучный с вышеизложенной информацией о французском *car*. Л.Н. Иорданская, используя *ибо* как эквивалент французского *car*, косвенно относит его к риторическим союзам. Риторические союзы в отличие от дескриптивных, которые выражают объективное причинное отношение между фактами, маркируют речевой акт обоснования [7, с. 421]. Э.-О. Хааг включает *ибо* в группу экспрессивно-прагматизированных причинных союзов, суть которых заключается в том, что они вводят причинные придаточные предложения, играющие роль факультативного распространителя по отношению к главному предложению, имеющие дополнительный, присоединительный характер. Связь между главной и придаточной частями является более опосредованной, менее тесной [14, с. 80–82]. Союзу *ибо* автор приписывает, в качестве специфичных, директивные и декларативные оттенки.

В исследованиях союза *ибо* значительное место уделяется стилистической характеристике, в то время как стилистический аспект союза *car* очень редко попадает в центр внимания. Если и попадает, то только для очередного подтверждения его книжного характера. Авторы одного из таких исследований отмечают, что любой француз, для которого французский язык – родной, интуитивно чувствует, что в устной речи *car* не используется в современном языке [17]. Статистические подсчёты, сделанные на основе базы аудиозаписей, позволили авторам подтвердить это интуитивное чувство: количество употреблений *car* составляет 0,02% в отличие от 3,7% употреблений его конкурента – союза *parce que*.

Русское *ибо* – союз стилистически неоднозначный, маркируемый по-разному исследователями и различными справочными изданиями. Основные характеристики, которые так или иначе затрагивают стилистический статус *ибо*, сводятся к трём: стилевая принадлежность, темпоральная оценка и частотность. Каждая из них претерпевала изменения в ходе истории: по стилевой принадлежности *ибо* маркировался как книжный союз и как принадлежащий высокому стилю; темпоральная оценка заключалась в указании на архаичность; частотность – в указании на малоупотребительность. В современном русском языке союз *ибо*, по мнению многих исследователей, утрачивает оттенок архаичности и довольно широко используется в книжных стилях. Однако в Словаре русского языка он по-прежнему отмечается как книжный и устаревший [12, с. 626].

Будучи союзом преимущественно книжным, *ибо* используется в публицистическом, научном стилях, где его употребление, по словам Н.П. Галкиной, оправдано содержанием вводимых им предложений: оно представляет собой компонент рассуждения, обоснования в ходе построения субъективного умозаключения [4, с. 34].

Более конкретную стилистическую характеристику даёт В.В. Виноградов, приписывая ему способность выражать причинные отношения «с экспрессией патетического или иронического стиля» [цит. по: 15, с. 77.]. Употребление *ибо* с оттенком возвышенности и иронии хорошо проиллюстрировано Е.С. Ярыгиной на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и других текстов.

Итак, мы видим, что и семантико-синтаксический, и стилистический статус рассматриваемых союзов и их интерпретация различными авторами в соответствующих языках имеет много общего. При этом однозначно можно утверждать, что окончательная точка в научных дискуссиях по поводу *car* и *ибо* ещё не поставлена.

Выявлению сходств и различий языковых единиц со сходным значением в двух языках способствует их сопоставительный анализ. По словам О.Ю. Иньковой, применение сопоставительного метода позволяет «получить дополнительную информацию об изучаемой языковой единице, высвечивая ее семантику, стилистическую окраску, семантические и синтаксические свойства контекстов, необходимых для возникновения той или иной ее интерпретации, а также возможные межъязыковые функциональные соответствия или же, наоборот, их отсутствие [6, с. 22].

Возможности сопоставительного анализа значительно расширились в последние десятилетия в связи с появлением подкорпусов параллельных текстов в Национальном корпусе русского языка, послуживших источником нашего материала. Нами были использованы данные французско-русского и русско-французского подкорпусов.

Большинство текстов в них относятся к художественной и учебно-научной литературе и представлены такими авторами, как Ж. Верн, Г. де Мопассан, В. Гюго, П. Мериме, А. Камю, Ф. Бегбедер, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, М.А. Булгаков, Н. Бердяев, В. Гроссман и многими другими. В последнее время коллекция произведений XIX–XX вв. в значительной степени пополнилась современной литературой начала XXI в. (С.А. Алексиевич, И.В. Кудрова, Ф. Варгас, Ж. Диккер, М.-П. Рэй).

При отборе материала для статистического анализа были учтены все вхождения союза *car* во французско-русском корпусе (2221 единиц) и все вхождения слова *ибо* в русско-французском корпусе параллельных текстов (780 единиц). Случаев полного соответствия при переводе с обоих языков оказалось 483 примера, среди которых 252 раза *car* был переведен на русский язык служебным словом *ибо*, тогда как союз *ибо* был передан на французский язык при помощи *car* 231 раз. Таким образом, и в русско-французском, и во французско-русском корпусе параллельных текстов мы наблюдаем пересечение наших двух анализируемых единиц, то есть они являются взаимными переводными эквивалентами.

Анализ переводных соответствий французско-русского подкорпуса свидетельствует о том, что в большинстве случаев союз *car* выступает в своём основном значении – обоснование высказывания. Это может быть обоснование утверждения, вопроса или умозаключения в целом:

‘*Je préfère être licencié par une entreprise que par la vie car j'ai peur*’. (Frédéric Beigbeder. 99 francs) – «Я предпочитаю быть вышвырнутым из фирмы, нежели из жизни, **ибо** мне страшно» [9].

Субъективность часто выражается эксплицитно присутствием в высказывании позиции говорящего – субъекта оценки – и наиболее отчетливо проявляется в прямой речи, где встречаются местоимения первого и второго лица:

*‘Mais, une fois que vous avez, comme j'ai eu l'honneur de vous le dire, fixé le chiffre de votre capital intellectuel, **car** c'est un capital intellectuel, saisissez bien ceci, intellectuel...’* (Honoré de Balzac. *L'illustre Gaudissart* (1832)) – «Но поскольку вы установили, – как я уже имел честь вам доложить, – стоимость вашего умственного капитала, – **ибо** это умственный капитал, усвойте это хорошенько, умственный...» [9].

Кроме того, в предложениях с союзом *car* может содержаться обоснование оценки, например, душевного состояния:

*‘Il allait près du lit où elle dormait, et il y tremblait de joie; il éprouvait des épreintes comme une mère et il ne savait ce que c'était; **car** c'est une chose bien obscure et bien douce que ce grand et étrange mouvement d'un coeur qui se met à aimer’.* (Victor Hugo. *Les Misérables. Deuxième partie. Cosette*) – «Подходя к кровати, на которой она спала, он дрожал от радости; он был подобен молодой матери, чувствующей родовые схватки и не понимающей, что это такое, **ибо** смутно и отрадно великое, таинственное движение сердца, начинающего любить» [9].

Возможно обоснование предположения:

*‘On peut croire que les battements de leur coeur avaient subi une légère accélération, **car** enfin, même pour de beaux joueurs, la partie était forte’!* (Jules Verne. *Le tour du monde en quatre-vingt jours*) – «По всей вероятности, сердца их забились быстрее, **ибо** даже для хороших игроков ставка была весьма крупной!» [9];

обоснование вопроса:

*‘Il est probable que vous n'avez pas très bien réfléchi aux conséquences de cette décision anodine pour vous et déterminante pour nous, comprenez-vous? **Car** cette décision fait de vous la MAÎTRESSE DU MONDE’.* (Frédéric Beigbeder. *99 francs*) – «Возможно, вы и не предвидели всех последствий такого решения – вполне безобидного для вас лично, но круто меняющего судьбы других людей; вам ясно, о чем я толкую? **Ибо** решение это сделало вас ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦЕЙ МИРА» [9];

обоснование призыва к действию:

*‘Il est nécessaire que Votre Majesté le fasse sans tarder, **car** c'est de cela que dépend le salut de la Russie’.* (Marie Pierre Rey. *L'Éfroyable tragédie : Une nouvelle histoire de la campagne de Russie*) – «Необходимо, чтобы Ваше Величество сделали это немедленно, **ибо** от этого зависит спасение России» [9].

Союз *car* также может служить доказательством правильности оценочного утверждения:

*‘L'armée présente un avantage capital; **car** c'est le consommateur qui paie l'armée, Audubon, et c'est l'armée qui consomme’.* (Boris Vian. *Le Goûter des Généraux*) – «Армия чрезвычайно выгодна, **ибо** потребитель содержит армию, а армия потребляет» [9].

Союз *car* может включать частное понятие в общее и наоборот:

*‘Toutefois, ce mauvais temps ne laissa pas d'inquiéter Passepartout, **car** l'accumulation des neiges, en embourbant les roues des wagons, eût certainement compromis le voyage’.* (Jules Verne. *Le tour du monde en quatre-vingt jours*) – «Все же скверная погода очень беспокоила Паспарту, **ибо** снежные заносы могли поставить под угрозу все путешествие» [9].

Он способен раскрывать значение признака субъекта или объекта:

‘*Parmi celles-ci, le bleu joue désormais un rôle essentiel car, comme l’or, le bleu est lumière, lumière divine, lumière céleste, lumière sur laquelle s’inscrit tout ce qui est créé*’. (Michel Pastoureau. *Bleu. Histoire d’une couleur*) – «И с этого времени главным цветом будет считаться синий, **ибо**, как и золото, синева есть свет, божественный свет, небесный свет, свет, на фоне которого запечатлено все сотворенное» [9].

Отмеченные семантические нюансы союза *car* характерны, в первую очередь, для художественных текстов. Учебно-научные тексты, которые должны быть точными, логичными, лишёнными эмоциональной окраски, представляют обычно информацию о конкретной теме или предмете, основываясь на академических исследованиях, экспериментах, статистике или других источниках. Следовательно, вовлечённость говорящего в установление причинной связи выражается в них имплицитно, то есть другими языковыми средствами, например модальными словами:

‘*On négligeait, on se refusait même à voir les différences qui sont pourtant essentielles dès qu’il s’agit d’étudier l’homme. Car, comme devait le dire plus tard Jean-Jacques Rousseau, «il faut d’abord observer les différences pour découvrir les propriétés»*’ (Claude Lévi-Strauss. *L’Anthropologie face aux problèmes du monde moderne*) – «Различиями, наоборот, пренебрегали, даже отказывались их замечать, хотя именно они имеют первостепенную важность в изучении человека. **Ибо**, как позднее сказал Жан-Жак Руссо, «чтобы увидеть особенности, надо сначала присмотреться к отличиям» [9].

Иной способ – обобщение и представление очевидного факта:

‘*Ainsi, le couple jour/nuit n’oppose pas deux contraires à parts égales, car la nuit est beaucoup plus le contraire du jour que le jour n’est le contraire de la nuit*’ (Gérard Genette. *Figures II*) – «Таким образом, пара день/ночь не содержит двух в равной мере противоположных членов, **ибо** ночь в гораздо большей степени противоположна дню, чем день – ночи» [9].

Лишь в небольшом количестве контекстов предложение, вводимое союзом *car*, можно интерпретировать как собственно причинное, в котором изложенный факт может быть рассмотрен как реальная причина представленного в предыдущем предложении факта. Субъективность, привносимая союзом *car*, заключается в таких предложениях в том, что причинная зависимость устанавливается именно между этими фактами:

‘*Il faut appeler un technicien car les quatorze personnes présentes, représentant une masse salariale annuelle de plus d’un million d’euros, sont incapables de faire fonctionner une machine qu’un enfant de six ans met en marche du bras gauche et les yeux bandés*’. (Frédéric Beigbeder. *99 francs*) – «Приходится вызывать умельца со стороны, **ибо** четырнадцать человек, сидящих в зале и получающих вместе 6 720 000 франков (более миллиона евро) в год, не способны включить технику, с которой шестилетний ребенок справился бы одной левой, с закрытыми глазами» [9].

Что касается формальной стороны, то в большинстве случаев предложения с *car* входят в состав сложного предложения, отделены от предшествующей части запятой, точкой запятой, двоеточием, тире или даже без знаков препинания. Примечательным является тот факт, что достаточно часто союз *car* встречается в нетипичной для него позиции – в начале предложения после точки, то есть предложение оформлено как самостоятельное. Аргументация приобретает при этом большую самостоятельность, носит добавочный характер:

‘*C’est à peu près à cette époque en tout cas que nos concitoyens commencèrent à s’inquiéter. Car, à partir du 18, les usines et les entrepôts dégorgeaient, en effet, des centaines de cadavres de rats*’.

(Albert Camus. *La peste* (1947)) – «Во всяком случае, примерно в это же время наши сограждане стали проявлять первые признаки беспокойства. **Ибо** с восемнадцатого числа и в самом деле на всех заводах и складах ежедневно обнаруживали сотни крысиных трупиков» [9].

Анализ переводных соответствий русско-французского подкорпуса, в которых *car* является переводным эквивалентом русского союза *ибо*, выявляет практически те же семантические контексты.

Союз *ибо*, как и *car*, допускает множественность точек зрения и выбор различной интерпретации, давая таким образом возможность автору выражать свою, субъективную, точку зрения, обосновывая тем самым свои утверждения:

«... и толпа вернулась в город, **ибо**, действительно, ровно ничего интересного не было в этой казни ...» (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита* (ч. 1) – ‘... et la foule était retournée en ville, **car** il n'y avait décidément rien d'intéressant à voir dans cette exécution...’ [9].

Союз может выражать оценку:

«В результате такого сведения роман «Подросток» оказывается у Комаровича каким-то лирическим единством упрощённо-монологического типа, **ибо** сюжетные единства сочетаются по своим эмоционально-волевым акцентам ...» (М. Бахтин. *Проблемы поэтики Достоевского*) – ‘Une telle réduction entraîne Komarovitch à considérer L'Adolescent comme une espèce d'unité lyrique d'un type monologique simplifié, **car** les unités thématiques s'y combinent suivant leurs accents émotionnels et volontaires...’ [9].

Союз способствует выражению призыва к действию:

«Рассудите же; мало того, как истинный друг ваш, прошу вас (**ибо** лучшие друга не может быть у вас в эту минуту), опомнитесь!» (Ф.М. Достоевский. *Преступление и наказание*) – ‘Réfléchissez donc; bien mieux: comme un ami sincère (**car** vous ne pourriez avoir en cette minute de meilleur ami que moi), je vous prie de vous ressaisir!’ [9].

С помощью союза формулируется предположение:

«Люба обернулась, махнула ему рукой, как будто уезжала на три дня и скоро должна была вернуться. Так думали все стоявшие на берегу люди, **ибо** правды они никому не сказали». (А. Варламов. *Лох* (1995) – ‘Ainsi pensaient tous ceux qui restaient sur la rive, **car** ils n'avaient dit la vérité à personne’ [9].

Союз участвует в акцентировании вопроса:

«Зачем же Ты пришел нам мешать? **Ибо** Ты пришел нам мешать и сам это знаешь». (С. Алексеевич. *Время секунд хэнд* (ч. 1)) – ‘Pourquoi es-Tu venu nous déranger? **Car** Tu es venu nous déranger, et Tu le sais bien’ [9].

Степень вовлеченности говорящего в высказывание при употреблении союза *ибо* передается эксплицитно, присутствием в них позиции автора – субъекта оценки:

«Я все бросил. Ибо все это есть не что иное, как повторение старого, давно уже мною сказанного». (М. Бахтин. *Проблемы поэтики Достоевского*) – ‘J'ai tout abandonné **car** ce n'est rien d'autre qu'une répétition de ce que j'ai moi-même exprimé depuis longtemps’ [9].

Степень вовлеченности говорящего может передаваться имплицитно, то есть его точка зрения скрыта и внешне не проявляется, но подразумевается:

«Она многое знала. Ибо при всей ее ненависти к газетам она, конечно, читала их, не могла не читать» (И. Кудрова. *Путь комет. Разоблачённая морока*) – ‘Elle savait beaucoup de choses. **Car** en dépit de son aversion pour les journaux, elle les lisait bien sûr, elle ne pouvait pas ne pas les lire’ [9].

В гораздо меньшей степени, чем при союзе *car*, наблюдается употребление союза *ибо*, вводящего реальную, объективную причину (21):

«Интересно бы знать, кто его искалечил. – Охотно могу сообщить это, – отозвался Пилат, – **ибо я был свидетелем этого**». (М.А. Булгаков. *Мастер и Маргарита* (ч. 1) – ‘*Ce serait intéressant de savoir qui l'a mutilé ainsi. – Je te l'apprendrai volontiers, dit Pilate, car j'en ai été témoin*’ [9].

Что касается синтаксических особенностей употребления союза *ибо*, то они практически совпадают с теми, что были отмечены для французского *car*, то есть в большинстве случаев *ибо* служит связующим звеном частей сложного предложения, оформленных запятой, двоеточием, точкой с запятой и даже тире. Употребление союза *ибо* в начале самостоятельного предложения является достаточно распространённым явлением:

«Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. **Ибо** бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!» (Ф.М. Достоевский. *Преступление и наказание* (1866) – ‘*Il faut bien que tout homme puisse aller quelque part. Car il arrive un moment où il faut absolument aller n'importe où!*’ [9].

Для выявления частотности употребления рассматриваемых союзов нами было проведено сравнение этих союзов по количественному признаку с самыми популярными причинными союзами: *потому что* и *parce que* – в русском и французском соответственно. Соотношение 2002 (*потому что*) – 780 (*ибо*) подтверждает стилистический статус данного союза – малоупотребительность. Это, пожалуй, единственное существенное отличие *ибо* от *car*, который является более частотным книжным союзом, чем *parce que*: 2221 (*car*) – 1265 (*parce que*).

Итак, проведённое исследование показало, что в параллельных текстах исследуемые единицы *car* и *ибо* действуют как переводные эквиваленты, выполняя аналогичные семантико-синтаксические функции, указывая в большинстве случаев на субъективный фактор в установлении причинных отношений и подтверждая принадлежность к книжному стилю.

Список литературы

1. Бессалов А.Ю. Специфика выражения каузальных отношений в современном английском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 21 с.
2. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Французский язык: Теоретическая грамматика: ускоренный курс. М.: Высшая школа, 1991. 299 с. (на франц. яз.).
3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
4. Галкина Н.П. Типология причинных конструкций в гипотаксисе (на материале публицистики XX–XXI вв.) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 32–40.
5. Зацман И.М. Кружков М.Г. Надкорпусная база данных коннекторов: развитие системы терминов проектирования М.Г. // Системы и средства информатики. 2018. Т. 28, № 4. С. 156–167.
6. Инькова О.Ю. О сопоставительном методе в лингвистических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 6. С. 17–31.
7. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007. 672 с.

8. Кудрявцева Н.Б. Спорные вопросы грамматики: о составе союзов сочинения во французском языке // Вестник Московского университета. Серия 19. 2010. № 2. С. 1–87.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-para-fr.html>
10. Пекелис О.Е. Причинные придаточные. 2017. URL: http://rusgram.ru/pdf/pekelis-2017-causal_constructions.pdf
11. Реферовская Е.А. Синтаксис современного французского языка. Сложное предложение. М.: URSS, Изд-во ЛКИ, 2007. 236 с.
12. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / под ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
13. Теляковская М.В. Спорные случаи выделения причинных союзов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 5 (50). С. 55–160.
14. Хааг Э.-О. Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке: дис. ... д-ра философии по русскому языку. Тарту, 2004. 162 с.
15. Ярыгина Е.С. О семантике союза *ибо*: подчинительный или сочинительный // Текст, контекст, интертекст: материалы Международной научной конференции «XV Виноградовские чтения», г. Москва. Т. 1. М.: Книгодел, 2019. С. 77–85.
16. Abeillé A. Les syntagmes conjoints et leurs fonctions syntaxiques // Langages. 2005. № 4 (n 160). P. 42–66. URL: <https://www.cairn.info/revue-langages-2005-4-page-42.htm>
17. Simon A.C., Degand L. Connecteurs de causalité, implication du locuteur et profils prosodiques. Le cas de *car* et de *parce que* // Journal of French Language Studies. 2007. № 17. P. 323–341. <https://doi.org/10.1017/S095926950700302X>.
18. Degand L., Fagard B. (Inter)subjectification des connecteurs: le cas de *car* et *parce que* // Revista de Estudos Linguísticos da Universidade do Porto 2008. Vol. 3. P. 119–136.
19. Groupe X-l. *Car, parce que, puisque* // Revue Romane. 1975. Vol. 10. No. 2. P. 248–260.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023; одобрена после рецензирования 03.12.2023; принята к публикации 07.12.2023.

The article was submitted 01.12.2023; approved after reviewing 03.12.2023; accepted for publication 07.12.2023.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/64-73>

НОМИНАЦИИ ЛИЦА В ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКЕ: ЗАИМСТВОВАНИЕ И ДЕРИВАЦИЯ

Анна Аркадьевна Жираковская

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск Россия,
Аспирант кафедры общего и русского языкознания гуманитарного института
Новосибирского государственного университета, a.zhirakovskaya@mail.ru

Аннотация. В статье представлены способы расширения лексико-семантической группы личных имён в интернет-языке: деривация (70,6%) и заимствование из английского языка (29,4%). Показаны результаты структурно-семантического анализа номинаций лица. Существенная часть единиц (70,6%) – это собственно русские слова, образованные суффиксацией (39,2%), словосложением, включая аббревиацию (15,6%), сращением (1,9%). Незначительная часть номинаций образована путём семантической деривации (представлены случаи специализации, генерализации, а также метафоризации) (13,7%).

Ключевые слова: номинации лица, агентивы, интернет-язык, заимствование, деривация, способ словообразования

Для цитирования: Жираковская А.А. Номинации лица в интернет-языке: заимствование и деривация // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 64–73.

Original article

PERSONS' NOMINATIONS IN THE INTERNET LANGUAGE: BORROWINGS AND DERIVATIONS

Anna A. Zhirakovskaya

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Post-Graduate Student, Department of General and Russian Linguistics of Humanities Institute of
Novosibirsk State University, a.zhirakovskaya@mail.ru

Abstract. The article presents ways to expand the lexical-semantic group of personal names in the Internet language: derivation (70.6%) and borrowing from English (29.4%). The work also presents a structural-semantic analysis of persons' nominations. The essential part of the units (70.6%) are the Russian words themselves, formed by suffixation (39.2%), compounds (including abbreviations) (15.6%), and word splicing (1.9%). An insignificant part of the nominations is formed through semantic derivation (the cases of specialization, generalization, as well as metaphorization are presented) (13.7%).

Key words: nominations of a person, agentives, Internet language, borrowing, derivation, word-formation method

For citation: Zhirakovskaya A.A. Persons' Nominations in the Internet Language: Borrowings and Derivations // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. P. 64–73. (In Russ.).

Введение

С появлением глобальной сети интернет динамические процессы в языке значительно ускоряются. Сообщение в социальных сетях, получившее отклик у публики, одновременно является и индивидуальным, и общественным высказыванием. Интернет-среда становится «ареной для самовыражения» [11, с. 84].

Некоторые исследователи (Л.Ю. Панфилова [10], Я.Э. Ахапкина [1], Е.В. Кондрашева и А.О. Тинина [5] и др.) считают интернет-общение особой сферой коммуникации, «“мости-ком” между письменной и устной речью» [2, с. 3]. Так, термин «письменная разговорная речь» предложен в работе Л.Ю. Панфиловой, отметившей ослабление норм литературного языка в виртуальной среде [10].

В работе Я.Э. Ахапкиной «О грамматике устно-письменного высказывания» рассматривается зафиксированное в интернет-дискурсе изменение в значениях дательного падежа: отмечается «расширение сферы функционирования существительных с элементом семантики свёрнутой пропозиции, употреблённых в дательном падеже при отвлечённых именах (например, *причина возникновения, принцип построению*)» [1, с. 183]. Вместо нормативного родительного падежа (исследователь приводит в качестве доказательства данные из словаря Д.Э. Розенталя «Справочник по русскому языку. Управление в русском языке»: *причина пожара, причина заболевания* и т. д.) в интернет-среде регулярно используется форма дательного падежа.

Я.Э. Ахапкина называет и другие языковые трансформации в интернет-среде, в частности эллиптичность высказывания для экономии речевых усилий; склонность к языковой игре, «словообразовательную активность» пользователей интернета «как в сфере заимствований разной степени адаптированности к языку-реципиенту, так и в сфере образования новых слов по существующим языковым моделям на базе исконного морфемного материала» [1, с. 183].

Словообразовательный аспект языка интернета рассмотрен в статье Е.В. Кондрашевой и А.О. Тининой «Новая лексика языка интернета: способы образования, причины появления» [5], в которой самыми частотными механизмами образования новых слов в интернет-дискурсе называются способы внутренней номинации (путём словосложения, аббревиации) или внешней (через заимствование) [5, с. 135].

Глобальная сеть предоставляет своим пользователям множество платформ для обмена информацией: социальные сети, чаты, блоги и др. Пользователи сайтов, участники форумов, комментаторы постов в сети – это обычные люди, которые, вступая в коммуникацию, выполняют определённые роли, а значит, получают от других пользователей характеризующие номинации (например, *админ* ‘специалист, который обеспечивает работу веб-ресурса’; *спамер* ‘распространитель ненужных сообщений/рекламы’). Актуальность приобретают номинации лица по его функциям, действиям или манере поведения в интернете, которые можно назвать агентами. И далее **агентами** мы будем называть существительные, обозначающие человека, внешние и внутренние черты которого проявляются через деятельность (профессиональную, интеллектуальную, спортивную и т. д.).

Цель исследования заключается в определении способов расширения лексико-семантического класса личных имён в рамках интернет-коммуникации.

Методы и материалы исследования

В работе использован метод сплошной выборки лексических единиц (ЛЕ) для поиска языкового материала, метод лингвистического описания, включающий наблюдение, сопоставление и обобщение языковых фактов на основе различных классификационных процедур. Также были применены частные методы морфемного, морфонологического, словообразовательного и семантического (с опорой на лексикографическое описание) анализа.

Источниками языкового материала послужили «Краткий словарь интернет-языка» (КСИЯ) [12] и «Словарь языка интернета.ру» (СЯИ) под ред. М.А. Кронгауза [7]. Выбор двух словарей обусловлен стремлением рассмотреть уже закрепившиеся в интернет-дискурсе единицы (т. е. имеющие лексикографическую фиксацию), сегодня активно используемые в сети.

На первом этапе из КСИЯ было выписано 39 лексем, на втором этапе из СЯИ выбрано ещё 24 единицы, 12 из которых также зафиксированы в КСИЯ (таким образом, картотека номинаций лица составила 51 ЛЕ). Небольшой объём исследовательского материала оказался достаточным для определения основных путей возникновения единиц лексико-семантической группы номинаций лица в интернет-языке. Для дальнейшего исследования мы планируем обратиться к данным социальных сетей и интернет-форумов с целью расширения картотеки лексем.

Анализируя некоторые ЛЕ, мы обращались к данным «Большого толкового словаря русского языка» (БТС) под ред. С.А. Кузнецова [8]⁸.

Результаты исследования

Структурный и семантический анализ выбранных номинаций лица позволил сгруппировать их согласно способам возникновения в интернет-дискурсе. Представим основные способы (заимствование и деривация на базе русского языка), приводя примеры ЛЕ.

I. Заимствование номинаций лица в интернет-дискурсе

Лексический состав любого языка не существует в изоляции, а с появлением интернета контакты между носителями разных языков стали постоянными. Как отмечает Н.В. Виноградова [3], «доля заимствованной лексики может колебаться в очень широких пределах: примерно от 10% до 80–90%» [3, с. 159].

В нашей картотеке 15 лексем из 51 являются **заимствованиями**, то есть 29,4%, причём во всех случаях языком-источником является английский: *анонимус* [англ. *anonymous*], *геймер* [англ. *gamer*], *блоггер* [англ. *blogger*], *ламер* [англ. *lamer*], *модератор* [англ. *moderator*], *слоупок* [англ. *slowpoke*], *тролль* [англ. *troll*], *френд* [англ. *friend*], *хакер* [англ. *hacker*], *юзер* [англ. *user*] и т. д.

Популярность англицизмов объясняется широкой сферой распространения английского языка в мире. В исследовании О.В. Григоренко «Иноязычные заимствования со значением лица в русском языке конца XX–начала XXI вв.» [4] анализируются разные типы заимствований с семантикой лица и отмечается тенденция к интернационализации лексики, восходящей к английскому языку и связанной с разными сферами деятельности, например, с политикой (регулярно используются лексемы: *маргинал*, *секьюрити*, *спичрайтер*), искусством и шоу-бизнесом (*шоумен*, *клипмейкер*, *артдиректор*), спортом (*бодибилдер*, *чирлидер* – спортсмен, выступающий в поддержку какой-либо спортивной команды во время соревнований, *рейсер* – гонщик, преимущественно мотоциклист) и т. д. [4, с. 50].

⁸ Кроме того, была использована онлайн-версия данного словаря 2014 г.: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 16.10.2023)

Следуя за классификацией О.В. Григоренко, мы выделяем три группы заимствований:

- 1) **неолексемы** (в языке-реципиенте появляется фонетическая единица с новой семантикой);
- 2) **неосемемы** (заимствование значения, но без образования новой фонетической единицы);
- 3) **устойчивые сочетания слов**, представляющие собой кальки английских единиц – словосочетаний или сложных слов [4, с. 51].

В нашей картотеке большинство единиц (10) – это **неолексемы**: *анонимус* [англ. *anonymous*] [СЯИ, КСИЯ], *блогер* / *блоггер* [англ. *blogger*] [СЯИ, КСИЯ], *геймер* [англ. *gamer*] [СЯИ, КСИЯ], *ламер* [англ. *lamer*] – тот, кто не умеет пользоваться компьютером⁹ [КСИЯ], *модератор* [англ. *moderator*] [КСИЯ], *нуб* [англ. *noob*] – новичок, неопытный, пользователь интернета, который не знает правил поведения, задает глупые вопросы и т. п. [СЯИ], *слоупок* [англ. *slowpoke*] – человек, который реагирует медленно и с запозданием [СЯИ], *тролль* [англ. *troll*] – тот, кто размещает провокационные материалы, сообщения с целью травли [КСИЯ], *френд* [англ. *friend*] [СЯИ, КСИЯ], *хакер* [англ. *hacker*] [КСИЯ], юзер [англ. *user*] [КСИЯ].

Факт существования и активного использования агентивов-заимствований в языке-источнике подтверждается на этапе анализа и верификации лексем материалами толкового словаря английского языка (Cambridge Dictionary (онлайн-версия 2023 г.)¹⁰), а также данными сервиса Google Books Ngram Viewer¹¹. Например, неологизм *блогер* в английском языке используется примерно с 2000 г. (согласно данным Google Books Ngram Viewer [14]), в 2015 г. отмечается пик частотности его употребления. В Cambridge Dictionary дана словарная статья: *blogger* – «someone who writes a blog (a regular record of someone's ideas, opinions, or experiences that is put on the internet for other people» [13].

Три лексемы из нашей картотеки в английском языке являются устойчивыми словосочетаниями: *Grammar Nazi* (транслитерация *граммар-наци*) [СЯИ, КСИЯ], *lj user* от *Live Journal user* [СЯИ] (транскрипция (отражение звуковой оболочки единицы с элементом языковой игры) *лже-юзер*), *topic starter* [КСИЯ] (транслитерация *топикстартер*).

Как правило, в процессе заимствования происходит передача звуковой, а не графической оболочки слова. Это характерно для таких номинаций, как *блогер*, *геймер*, *слоупок*, *юзер* и др. Передача графического облика слова характерна для *модератор*, а также для редко используемых вариантов: *блоггер* («Профессиональным **блоггером** считают человека, для которого ведение личного блога является основным занятием и источником дохода» [12]) и *хацкер* («**Хацкер** решил, что пора действовать! Белуга, ты будешь окончательно взломан» [12]).

Существительное *нуб* в языке-источнике имеет несколько вариантов написания: первоначальное *newbie* ‘новичок в интернете или онлайн-игре, который не знает правил поведения’ в соцсетях и на форумах трансформировалось в *noob* (возможно написание *N00b*). Именно сленговый вариант *noob* стал основой заимствования.

Помимо неолексем в нашей картотеке представлены две **неосемемы**. Одна из них – *лемминг* [англ. *lemming*] [КСИЯ] – 1) небольшой зверёк подсемейства полёвковых семейства хомяков; 2) человек, интересы и знания которого неглубоки, а деятельность ограничивается

⁹ Здесь и далее значения агентивов и примеры их употребления приводятся по «Краткому словарю интернет-языка» [Хайдарова, 2012] (КСИЯ) и «Словарю языка интернета.ru» под ред. М.А. Кронгауза [2018] (СЯИ).

¹⁰ Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Cambridge University Press & Assessment, 2023. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения: 18.10.2023)

¹¹ Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения: 18.10.2023)

подражанием и бездумным следованием за лидерами). Вторая лексема тролль [англ. troll] [КСИЯ] – 1) сверхъестественное существо в скандинавской мифологии, великан, обитающий в горах; 2) человек, который размещает провокационные материалы, сообщения с целью травли кого-либо, разжигания конфликтов. Эти единицы ранее были заимствованы в своих первичных значениях, а позже под влиянием языка-источника их семантика расширилась.

Таким образом, доля англицизмов в составе лексико-семантической группы личных имён, актуальной для интернет-сферы, составляет 29,4%. Остальные лексемы (70,6%) – исконные дериваты.

II. Семантическая деривация в интернет-дискурсе

В нашей выборке 36 лексем являются дериватами, 7 из них (13,7%) – это полисеманты, вторичное значение которых образовано в результате семантической деривации, 6 единиц транслируют значение лица в одном из своих лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) (*анрег, варезник, дно, рак, хомячок, эникей*), а одна лексема (*падонок*) транслирует значение лица в обоих ЛСВ. Семантические особенности единиц обусловлены прежде всего способом их образования (табл. 1).

Таблица 1

Данные о номинациях лица, образованных путем семантической деривации

Лексема	Прямое значение	Переносное значение	Способ образования	Пример употребления
<i>Анрег</i> [КСИЯ]	1. Состояние, в котором кто-либо, что-либо является незарегистрированным где-либо	2. Незарегистрированный посетитель веб-сервиса	Семантическая деривация, специализация	<i>Глушим анрегам чат и приват с выводом им сообщения о том, что нада зарегистрицо</i> [mydc.ru]
<i>Варезник</i> [КСИЯ]	1. Веб ресурс, основным предназначением которого является размещение взломанных программ (вареза)	2. Тот, кто занимается созданием и распространением пиратского программного обеспечения (вареза)	Семантическая деривация, метафора {артефакт → человек}	<i>С добрым утром друзья, товарищи, варезники!!!</i> [nmm.ru]
<i>Дно</i> [СЯИ]	Значение по БТС: 1. О деклассированных членах общества, их среде, быте	2. Никчёмный, несостоятельный человек	Семантическая деривация, генерализация	<i>Итак, что делать, если ты полное дно?</i> [mmo-gamesbase.com]
<i>Падонок</i> [КСИЯ, СЯИ]	Значение по БТС: 1. Разг. Бранно. Низкий, подлый человек; подлец, мерзавец	2. Представитель движения падонок (самоназвание субкультуры, нацеленной на отрицание культурных норм)	Семантическая деривация, специализация	<i>Я уже месяца два как не-падонок...</i> [daily.novostivl.ru]
<i>Рак</i> [СЯИ]	Значение по БТС: <i>РАК</i> ¹ 1. Покрытое панцирем пресноводное беспозвоночное животное	2. Плохой, безнадёжный игрок 3. Некомпетентный или низкосортный собеседник	Семантическая деривация, метафора {животное → человек} Вторичная семантическая деривация, генерализация от ЛСВ ₂	<i>В отличие от нубства, раковство очень зазорно, поскольку раки не считают себя новичками в области, пытаясь вжиться в игровую среду</i> [cybersport.ru] – ре-

	Значение по БТС: <i>РАК</i> ² 1. Злокачественная опухоль в организме	2. Захват тренда новичками, не понимающими правил	Семантическая деривация, метафора {физический мир → абстракция}	ализовано значение ‘плохой, безнадёжный игрок’
<i>Хомячок</i> [КСИЯ, СЯИ]	В БТС указано ЛЗ к лексеме <i>хомяк</i> : 1. Небольшой грызун с толстым неуклюжим телом и развитыми защёчными мешками	2. Обыватель; интернет-пользователь, интересы и знания которого неглубоки, а деятельность ограничивается раздражением кому-либо	Семантическая деривация, метафора {животное → человек}	<i>Итак, подведем итоги. Что же волнует среднестатистического хомячка...?</i> [pyatnicyn.ru]
<i>Эникей</i> [КСИЯ]	1. Любая кнопка клавиатуры	2. Мелкая работа по обслуживанию компьютера, не требующая профессиональных знаний 3. Человек, который выполняет мелкую работу по обслуживанию компьютера, не требующую профессиональных знаний	Семантическая деривация, метафора {артефакт → абстракция} Вторичная семантическая деривация, метонимия {деятельность → субъект деятельности}	<i>Ищу работу специалистом техподдержки, настройщиком интернета, эникеем..., да кем угодно, чтобы...</i> [otvet.mail.ru]

Данные таблицы показывают, что 4 единицы мотивированы существительными, первичные значения которых не связаны со сферой интернета (*дно, падонак, рак, хомячок*). Например, в БТС представлены две словарные статьи для омонимов *рак* (см. Табл. 1). По мнению главного редактора «Словаря языка интернета.ру» [7], на форумах это слово впервые стало использоваться в значении ‘захват тренда новичками, не понимающими правил’. По объяснению М. Кронгауза, «в этом случае сравнение шло с раковой опухолью, которая постепенно разрастается и захватывает все пространство» [7, с. 106], то есть агентивное значение мотивировано *рак*² и является результатом метафоризации.

В субкультуре геймеров эта лексема имеет значение ‘плохой, безнадёжный игрок’, что, вероятнее всего, производно от *рак*¹ ‘покрытое панцирем пресноводное беспозвоночное животное’, так как, называя игрока *раком*, участники компьютерных игр акцентируют внимание на неповоротливости и неловкости новичков (вероятна ассоциация рук с клешнями) [7, с. 107]. Объяснения М. Кронгауза, что в качестве мотивирующей базы могут выступать омонимы, нам представляются убедительными.

Мотивация агентива *хомячок* в значении ‘пользователь социальных сетей’ приводится в статье О.Н. Кондратьевой (в работе рассматривается единица *хомяк*), которая солидаризируется с М.А. Кронгаузом, относящим данное слово к зооморфным метафорам – они выражают «некую неразличимость и безгласность человеческой массы» [6, с. 68]. Кроме того, развитие семантики слова *хомячок / хомяк* опирается на фонетическое сходство с *Note page* ‘домашняя страничка пользователя’. Но помимо фонетического основания есть и семантическая мотивация, подчёркивающая сходство человека с животным: «Отличительными чертами хомячков в интернете считается их стремление собираться в группы вокруг какой-либо идеи или лидера, их неумение распознавать троллинг и противостоять ему» [7, с. 159].

III. Морфологическое и лексико-синтаксическое словообразование номинаций лица в интернет-дискурсе

Структурный анализ 29 номинаций, приобретающих агентивное значение в процессе словообразовательной деривации, имеет следующие результаты: 20 существительных образовано **суффиксальным способом** (39,2% от общего количества единиц – 51 слово), например: *бан* → *баницик* – тот, кто накладывает ограничения на возможность реализации кем-либо своих функций в рамках определённого веб-ресурса; *минус* → *минусёр* – тот, кто ставит кому-либо множество негативных, влияющих на рейтинг, оценок; *флейм* → *флеймер* – тот, кто участвует, любит участвовать в длительных, горячих, слабо аргументированных спорах; *чат* → *чатовец* – участник общения в режиме реального времени посредством специализированного сервиса, пользователь чата.

Формант *-ер-* (фонемат. *-ёр-*) следует считать самым продуктивным: он отмечен в 11 словах из 20 (*антиспамер*, *крякер*, *минусёр*, *оверквотер*, *офтопер*, *сёрфер*, *спамер*, *фишер*, *флеймер*, *флудер* и *чатер* – все единицы зафиксированы только в КСИЯ).

Менее частотны в образовании номинаций лица в интернет-языке суффиксы *-ник-* (три единицы: *айтишник* [СЯИ, КСИЯ], *анимешник* [СЯИ, КСИЯ], *фидошник* [СЯИ]), *-щик-* (две единицы: *баницик* [КСИЯ], *эникейщик* [КСИЯ]) и формант ж. р. *-к-* (2 единицы: *няшка* [СЯИ, КСИЯ] (от прилагательного *няш(н)ый*), *ванилька* [СЯИ] (от прилагательного *ваниль(н)ый*)). Нерегулярны образования с формантами м. р. *-анин-* (лексема *чатланин* [КСИЯ]) и *-ец-* (лексема *чатовец* [КСИЯ]).

3. Результатом **словосложения** (включая аббревиацию) являются 8 лексем (15,6% от общего числа единиц): *трололо*, *фитоняшка*, *сисадмин*, *ТП*, *ЧСВ*, *админ*, *анон*, *КЭП*. Лексема *трололо* [СЯИ, КСИЯ] – ‘человек, занимающийся троллингом’, образована от существительного *троль* – тот, кто отпускает злые шутки, и междометия *ололо* – смеховая реакция на шокирующую новость. При сложении усекается производящая основа (*троль* + *ололо* → *трололо*) или осуществляется гаплогия (т. е. наложение одинаковых слогов). Лексема *фитоняшка* [СЯИ] – ‘девушка, увлекающаяся фитнесом, публикующая фотографии своей спортивной фигуры и своих занятий в фитнес-клубе’ – результат сложения с усечением производящей основы и интерфиксацией: *фит(нес)* + *няшка* ‘милый, приятный, очаровательный (обычно о девушке)’ → *фитоняшка*.

Результатом аббревиации (разновидность словосложения) являются 6 лексем (*сисадмин*, *ТП*, *ЧСВ*, *админ*, *анон*, *КЭП*). Из этих единиц 3 образованы путём трансформации словосочетаний: *системный администратор* → *сисадмин* [КСИЯ]; *тупая п...* → *ТП* [СЯИ], аббревиатура, используемая как грубое и оскорбительное название женщины. Лексема *ЧСВ* [СЯИ] – ‘оппонент, страдающий, по мнению говорящего, нарциссизмом’, образована от словосочетания *чувство собственной важности*, в процессе мотивации происходит также перенос значения по смежности: метонимия по модели {КАЧЕСТВО → ЧЕЛОВЕК, ОБЛАДАЮЩИЙ КАЧЕСТВОМ}.

Три номинации образованы путём усечения производящей основы (*администратор* → *админ* [КСИЯ] – ‘администратор компьютерной сети или веб-ресурса’; *анонимный* (пользователь сети) → *анон* [СЯИ] – ‘пользователь, скрывающий своё имя’. Усечение сопровождается конверсией.

Сленговое слово *КЭП* – *Капитан Очевидность* [англ. Captain Oblivious (сокр. capt.)] [СЯИ, КСИЯ] – ‘тот, кто говорит очевидные вещи’, – результат двойного усечения, при котором сначала по закону универбации устраняется определяемое слово, а потом происходит

фонетическое усечение, совпадающее со словом *capt.* ‘капитан судна’, которое является единицей профессионального сленга.

Отметим, что фонетическое усечение чрезвычайно продуктивно в современной разговорной речи для образования большого количества неодушевлённых (бутер – бутерброд, комп – компьютер) и одушевлённых существительных (препод – преподаватель, чел – человек, псих – психопат). Исследованию дериватов-усечений в сфере имён существительных посвящена статья З.И. Минеевой «Препод и чел: новые усечения» [9], в которой представлен семантический анализ агентов: админ, вице-губер (вице-губернатор), коммерс (коммерсант), ма (мама), па (папа), азер (азербайджанец) и т. д. Исследователь отмечает, что усечению подвергаются определённые семантические группы агентов (выделено 14 групп): обозначения профессиональной деятельности человека, спортивной деятельности, характеристика по родственным связям, по этнической принадлежности и др. [9, с. 223].

4. Примером сращения (лексико-синтаксического способа) является существительное *яжемать* [СЯИ] (1,9% от общего числа единиц). Лексема представляет собой стяжение элементов популярной фразы, которую произносят женщины, агрессивно защищающие своих детей (даже если те не правы) или требующие особых привилегий, благосклонности к себе окружающих по причине «высокого» социального статуса – матери.

Таким образом, единицы интернет-лексикона агентов демонстрируют различную степень продуктивности словообразовательных способов, что отражено в табл. 2. Высокочастотными являются суффиксальные дериваты, а низкочастотными – сращения.

**Продуктивность словообразовательных способов номинаций лица
в интернет-языке**

	Словообразовательный способ	Кол-во единиц картотеки	Процент от общего кол-ва единиц картотеки
1	Суффиксальные дериваты	20	56%
2	Семантические дериваты	7	19%
3	Аббревиатуры	6	17%
4	Сложные слова	2	5%
5	Сращения	1	3%

Отметим также, что три агентива не являются завершением словообразовательной цепочки, а становятся производящими основами для новых слов. Так, *няшка* – ‘милый, приятный, очаровательный’ – мотивирует образование слов *няшечка*, *някать*, *няшиться*; *нуб* – ‘неопытный новичок в интернете или онлайн-игре, не знающий правил поведения’, формирует словообразовательное гнездо (*нубье*, *нубяра*, *нубас*, *нубище*), а лексема *чатланин* – ‘участник беседы посредством сервиса мгновенными сообщениями’ – мотивирует феминитив *чатланка*. Дальнейшая деривация производится с помощью суффиксальных формантов, что дополнительно подтверждает актуальность суффиксации в лексико-семантической группе номинаций лица, в частности функционирующих в интернет-дискурсе.

Выводы

Таким образом, семантический и структурный анализ номинаций лица, выбранных из двух словарей интернет-языка, позволил рассмотреть пути возникновения единиц лексико-семантической группы личных имён в глобальной сети.

Интернет «стирает» границы между носителями разных языков, что приводит к актуальности заимствования ЛЕ. Согласно результатам анализа 15 агентивов являются англицизмами (29,4%): большая часть из них представляет собой неолексемы (66,6%), меньшая часть – устойчивые сочетания слов (т. е. кальки словосочетаний или сложных слов – 20%) и неосемемы (т. е. заимствование ЛСВ без образования новой фонетической единицы – 13,3%).

Заимствование агентивов не покрывает всех потребностей в номинации участников сетевой коммуникации, так как параллельно с этим процессом лексико-семантическая группа личных имён пополняется в интернет-дискурсе посредством деривации (семантической и словообразовательной). В рамках семантической деривации агентивные значения образуются, как правило, у слов, изначально не обладавших семантикой лица (например, *анрег*, *рак* и др.).

Существенная часть номинаций лица в интернет-дискурсе (56,8%) – это собственно русские слова, образованные суффиксацией, словосложением (включая аббревиацию), сращением. Суффиксальных формантов, участвующих в пополнении лексикона агентивов, обнаружено немного (суффиксы м. р.: *-ер-* (*-ёр*), *-ник-*, *-щик-*, *-анин-*, *-ец-*; формант ж. р. *-к-*), при этом наиболее часто используется суффикс *-ер-* (встречается в 11 словах из 20). Также отмечено, что для образования номинаций лица в интернете неактуально сращение (1,9% от общего количества единиц картотеки), более частотно словосложение с усечением производящих основ (15,6%).

Список литературы

1. Ахапкина Я.Э. О грамматике устно-письменного высказывания // Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 181–194.
2. Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55–67.
3. Виноградова Н.В. Лексические совпадения в интернет-языке русских и корейцев (тематические группы «Компьютер», «Интернет») // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции, Москва, 8–9 февраля 2017 г. М.: РУДН, 2017. 156–164 с.
4. Григоренко О.В. Иноязычные заимствования со значением лица в русском языке конца XX начала XXI вв. // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3 (20). С. 47–54. EDN: PTVCON
5. Кондрашева Е.В., Тинина А.О. Новая лексика языка интернета: способы образования, причины появления // Эпоха науки. 2019. № 18. С. 134–139. <https://doi.org/10.24411/2409-3203-2018-11830>
6. Кондратьева О.Н. Типология пользователей социальных сетей в метафорическом зеркале российских масс-медиа // Кемеровский государственный университет. Филологический класс. 2020. Т. 25, № 1. С. 62–72.
7. Кронгауз М.А. Словарь языка интернета.ru. М.: Словари XXI века, 2018. 288 с.
8. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. 1998. 1535 с.
URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 14.10.2023).
9. Минеева З.И. Препоид и чел: новые усечения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 221–229. EDN: GXXMJO
10. Панфилова Л.Ю. Признаки устной речи в Интернет-общении молодёжи // Материалы XLIX международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2011. С. 60–61.
11. Плисецкая А.Д. О языковых и риторических стратегиях выражения оценки у пользователей социальной сети Фейсбук // Современный русский язык в интернете. М., 2014. С. 83–92.
12. Хайдарова В.Ф. Краткий словарь интернет-языка: ок. 350 ед. М.: Флинта; Наука, 2012. 328 с.
13. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Cambridge University Press & Assessment, 2023. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения: 18.10.2023).
14. *Google Books Ngram Viewer*. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения: 18.10.2023).

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 11.12.2023.

The article was submitted 08.12.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted 11.12.2023.

Научная статья

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/74-80>

ДИАЛОГ ИСКУССТВ В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ СЛАПОВСКОГО «СЕРАЯ ВЕТКА»

Юлия Михайловна Замуреева¹

Научный руководитель: **Татьяна Федоровна Панченко**²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Бакалавр, zamureeva.ym@dvfu.ru

² Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ, panchenko.tf@dvfu.ru

Аннотация. В статье проанализированы случаи, когда найденные символические образы изобразительного искусства обретают существенные смысловые функции в литературе. В сложном культурном диалоге гобелен играет роль смыслового катализатора, становясь отражением неоднозначного мира символов художественного произведения. Симбиоз мирового искусства и русской литературы порождает двойной эффект, подчеркивая идею применения новаторских форм А.И. Слаповским при взаимодействии с современным читателем.

Ключевые слова: Слаповский, Жан Перреаль, экфрагисис «Дама и единорог» Трейси Шевалье, современная проза, гобелен, символ

Для цитирования: Замуреева Ю.М. Диалог искусств в романе Алексея Слаповского «Серая ветка» / науч. рук. Т.Ф. Панченко // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 74–80.

Original article

THE DIALOGUE OF ARTS IN ALEXEY SLAPOVSKY'S NOVEL «THE GREY BRANCH»

Yulia M. Zamureeva¹

Scientific advisor: **Tatyana F. Panchenko**²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Bachelor, zamureeva.ym@dvfu.ru

² Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Oriental Institute – School of Regional and International Studies panchenko.tf@dvfu.ru

Abstract. The article analyzes the cases when the found symbolic images of fine art acquire significant semantic functions in literature. In a complex cultural dialogue, the tapestry plays the role

of a semantic catalyst, becoming a reflection of the ambiguous world of symbols of an artistic work. The symbiosis of world art and Russian literature generates a double effect, emphasizing the idea of using innovative forms by A. I. Slapovsky in interaction with a modern reader.

Key words: Slapovsky, Jean Perreal, ecphraxis “The Lady and the Unicorn” by Tracy Chevalier, modern prose, tapestry, symbol

For citation: Zamureeva Y.M. The Dialogue of Arts in Alexey Slapovsky’s Novel “The Gray Branch” / sci. adv. T.F. Panchenko // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. P. 74–80. (In Russ.).

Погружаясь в мир выразительного пространства, наполненного многочисленными ассоциациями, сложными метафорами, символами, глубокой цветовой палитрой, мы не задаемся вопросом, где кончается литература и начинается искусство. Такой вид целостности сохраняет свое правомерное бытование в современной культуре. Ощущение культурной многоплановости и глубины новаторских поисков А.И. Слаповского позволяет в полной мере проникнуться обаянием произведений мировой культуры – в данном случае гобеленом, что, безусловно, имеет важное значение. Секрет новаторства А.И. Слаповского лежит в осознании сложности духовной жизни современной эпохи, взаимодействии и единстве литературы с искусством.

Цель исследования заключается в определении роли и символики гобелена «Вкус» из серии «Дама с единорогом» художника Жана Перреаля (см. рисунок) в романе А.И. Слаповского «Серая ветка». В сложном культурном диалоге гобелен играет роль связующего элемента, становясь отражением неоднозначного мира символов художественного произведения.

Научная новизна исследования состоит в проведенном впервые аспектном анализе, позволившем выявить образно-символическую структуру романа, что феноменально для современной литературы: во время переломной эпохи мы наблюдаем активный процесс взаимных влияний видов искусств, художественного синтеза в сфере непосредственного единения разных видов.

Гобелен (шпалера) «Вкус» из серии «Дама с единорогом», художник Жан Перреаль

Современные писатели охотно применяют понятные современному читателю художественные формы для раскрытия своего потенциала. Под художественными формами взаимодействия с читателем мы понимаем вкрапление в композиционную структуру «Серой ветки» как иллюстративные материалы. Несмотря на малоизученность композиционных особенностей прозаических форм новейшей литературы, их исследование важно для дальнейшего осмысления жанрового своеобразия современных произведений. Так, фотороман – новый жанр, где соединяются традиции реализма с постмодернистской художественной техникой.

В основе названия «Серая ветка» А.И. Слаповского лежит серый цвет, который трактовался в разные эпохи по-разному. В древности и средневековье этот цвет совершенно не ценился. С началом эпохи Возрождения он приобрел следующие значения: уныние, ошибка, обман. Это цвет скуки и тоски, городской тесноты, тумана. Возможно, А.И. Слаповский, используя серый цвет еще в начале романа – в его названии, хотел намекнуть на простоту своих героев с точки зрения их современных взглядов на жизнь. На языке символов, по мнению А. Белого, серый цвет означает становление пути всего человечества, «я» каждого: *«Серая пыль, оседающая на все, серое море, гасящее свет», невезение и незнание вместе с тем его сопровождающие, потерю идеалов и ориентиров»* [3, с. 65]. С одной стороны, серый цвет – это цвет бессилия и подавленности, которые в романе Слаповского характерны для главного героя Дмитрия. Особую важность приобретает его личная история и то, что он за всю жизнь не смог обрести чувства родины. Он знает, что родины у него никогда не было и быть не может. Все пространство вокруг героя, да и сам его внутренний мир серый. С другой стороны, серый цвет означает эгоизм и отказ от обязательств. Особенно ярко это проявляется в завязке действия, представляющей собой встречу Веры и Дмитрия, где они обсуждают развод – событие, на котором строится основной конфликт романа. Так, символика названия «Серая ветка» соответствует замыслу автора в двух отношениях: в первом случае это станция метро, во втором – ветвь генеалогического древа, отражающая связь трех поколений – из прошлого, настоящего и будущего.

Финал является открытым, отсутствие развязки активно работает на идейно-символическое своеобразие романа, дополняя и уточняя его. Русская литература в сравнении с зарубежной отличается приверженностью к открытым финалам. В финале романа мы видим в письме отца Дмитрия следующие слова: *«...где любовь, там и родина. Тут еще написано то, чего нет, и сам догадайся»* [8, с. 238]. Когда у героя возникло подлинное представление о родине и любви, все бесконечные поиски квартиры неподалеку от «Серой ветки» потеряли свою содержательную ценность. Особую важность приобретает не изменение положения героя, а преобразование его внутренней сущности. Само же понятие *«символ»*, как указывал писатель Т.А. Кеннер, обладает диалогичностью, многозначностью [6, с. 14]. Этим диалогом с самим собой пронизан роман Слаповского. Роман начинается с диалога и завершается диалогом. Именно поэтому финал проясняет и разрешает коллизию художественного произведения, оставаясь при этом открытым, что, вероятно, и оправдывает стремление найти ключ к разгадке, определив роль и символику гобелена «Дама с единорогом» в романе Слаповского «Серая ветка». Герой оставлен на пороге, ему предстоит новый, долгий путь.

Наиболее значимым в настоящем исследовании оказывается то, как Слаповский, вступая в литературный диалог с Трейси Шевалье, использует в своем романе лишь один гобелен под названием «Вкус» из серии «Дама с единорогом» для раскрытия доминирующей темы невзаимной любви. Т. Шевалье в сюжете романа «Дама и единорог» использует целую серию

гобеленов для воплощения идейно-смыслового содержания всего произведения. Можно предположить, что изображение гобеленов (шпалер) является в романе основой художественного осмысления взаимодействия искусства и жизни. Смысл сюжета романа Т. Шевалье «Дама и единорог» заключается в том, что главный герой художник Николя при создании серии гобеленов изображает жизнь женщины, прежде всего Дамы, воплощенной в образах разных героинь. Художник при этом стремится придать сюжету своих шпалер двойкий смысл, и тогда история невинной девы, приручающей зверя, вбирает в себя целую жизнь женщины от рассвета и до заката: эта история повествует об испытаниях, выпадающих на долю женщины, и о том нелегком выборе, который ей приходится совершать раз за разом [10, с. 95]. И это для нас становится ключевым в понимании основного конфликта романа Слаповского. Мать героини Клод сохраняет верность своему мужу в отличие от героини Слаповского Веры, которая изменяет Дмитрию. Автор не создает обстоятельств, оправдывающих Веру. Вина Веры для Слаповского – в уклонении от предназначения жены и матери. Она приводит к разрушению семьи: их сын Митя растет без отца, которого никто не сможет заменить. Напротив, Женеваева, героиня романа Т. Шевалье, натура глубокая, полная сосредоточенного серьезного нравственного чувства.

Цветовой характер композиции гобелена организуется благодаря следующим ведущим цветам: красному и зеленому, в меньшей степени синему и коричневому, редко встречается белый и черный. Цветовое напряжение и плотность контрастов цвета достигают своего апогея. В романе Т. Шевалье красный цвет символизирует кровь Христа, пролитую за человечество, в то время как красный в романе А.И. Слаповского символизирует кровные связи или же кровное родство людей. Картина хоть и содержит элемент пейзажа, но он не главный в восприятии и понимании иллюстрации. В центре гобелена изображена дама. В выражении ее больших глаз кроется пристальное внимание, поза преисполнена величия и благородной непринужденности. Пространство и тело как бы формируют друг друга. Дама представлена в пестром одеянии простого и изящного фасона со множеством оттенков красного: оранжевого, пурпурного, алого, вступая в сложный диалог с более светлым, коричневым, а также с контрастирующим с ним синим цветом. Такая насыщенность в одеянии дамы усиливается цветовым контрастом (красного и белого), выражающим трагичность [8, с. 43]. Светло-голубые узоры на ее одежде ассоциируются с чистотой помыслов и непорочностью. Однако главное в гобелене не личность дамы, а сам сюжет. Более того, с гобеленом связана легенда о пленении единорога. В лесу дама манит зверя музыкой, сладостями и цветами. Наконец он сдается и кладет ей голову на колени. Традиционный средневековый сюжет приручения единорога связан с образами непорочной девы и огражденного цветочного сада (*pure maiden and fenced flowery garden*), в котором единорог остается по своей воле [12, р. 8]. Возможно, изображение единорога на коленях у девы символизирует его покорность перед ее невинностью. Особенность амбивалентности ведущего красного цвета сада отмечена как необходимость жизненного выбора и в то же время как приближение необратимой трансформации в мироздании двух дуалистических начал — жизни и смерти, ада и рая. На левой руке дамы сидит попугай, а ее правая рука извлекает желуди из Чаши Грааля, которую ей подает камеристка, и пока она кормит попугая, единорог подходит к ней ближе, но все еще стоит на задних ногах, отвернувшись в сторону. Еще немного – и он покорен. Ее цель – соблазнить и приручить его, а ее нежный взгляд указывает на то, что это животное, возможно, является посланником ее возлюбленного. Исходная взаимосвязь изображения Грааля и названия гобелена «Вкус» осмысливается как поиск внутреннего совершенства и

как несбыточные желания самой дамы [2, с. 248]. Взаимодействие цветовых форм захватывает, побуждая сопоставлять с романом А.И. Слаповского это таинственное триединство.

Фамильная реликвия (*гобелен*) является для главного героя Дмитрия в романе Слаповского значимым символом отчего дома и беззаботного детства. Кроме того, гобелен служит символом уже предначертанной судьбы, искусно изображенного на нем смирения перед лицом будущих событий. Отец Дмитрия дарит гобелен ему, а он – своему сыну Мите. Поэтому главное противопоставление между романом А. Слаповского и Т. Шевалье в том, что в романе последнего мать дарит эту шпалеру своей подрастающей дочери, а у Слаповского наоборот – отец дарит ее сыну. М.М. Бахтин отмечал, что в символе заключен момент противопоставления своего чужому [1, с. 26]. Это теплота любви, заключенная в красном цвете, и холод отчуждения, отраженный в синем цвете. Негативная символика синего исходит из близости этого цвета к черному (цвету смерти и зла) [8, с. 11]. Синий или голубой цвет преобладает как в одеянии служанки в сочетании с красным, так и на накидках с фигурами золотых полумесяцев у льва и единорога, достаточно полно раскрывающих основные черты поэтики творца. В изображении пространства художник отдал предпочтение красному, а не классическому белому или голубому. Красный имеет значение свободы и надежды, кроме того, красный цвет – это еще и стихия огня. Сюжетный конфликт в романе Слаповского раскален до предела, и только очищающая сила огня способна возродить героев «Серой ветки» к жизни, вырвать из порочного круга этого серого застоя, что служит ключевым аспектом в понимании действий героини Веры. Персонаж как элемент сюжета всегда обладает внутренней свободой и, следовательно, моральной ответственностью. Так, Вера относится к своему мужу безразлично, брак с ним ее тяготит, в то время как отношения с Максимом придают ей чувство легкости и свободы. Легкость Веры продиктована ее страстной натурой, оттого Вера избрала путь любовной героини. Красота героини имела силу не созидательную, а роковую. Так, Вера, являясь носительницей разрушительного начала, утратила свое духовное «я». Изображение на гобелене женского образа в контексте пяти чувств (Слаповский остановил свой выбор на «Вкусе») выражает стремление к обнаружению взаимосвязи между чувственным началом женщины и похотью, о чем ранее также писал шведский искусствовед Carl Nordenfalk, ссылаясь на эдемскую историю: *«ассоциация пяти чувств с похотью не оставляет сомнений в резком, по сути, средневековом отношении – в том, что они являются орудиями греха. Это также очевидно из того, что он поместил в самом начале книги еще один сосуд, посвященный первой неразумной женщине в истории человечества, Еве, которая в результате грехопадения принесла в мир первородный грех – безусловно, самый выдающийся пример человеческой глупости»*, (“The association of the Five Senses with lust leaves no doubt about Badass basically medieval attitude – that they are instruments of sin. This is equally evident from his placing at the very beginning of the book yet another vessel, dedicated to the first foolish woman in the history of mankind, Eve, who by the Fall brought original sin into the world – certainly the most outstanding example of human folly” [10, p. 16]).

Символично-мифологическая основа гобелена выражается изображением животного и растительного миров. Так, изображение трех стволов деревьев перекликается с символикой этого числа в романе А. Слаповского: в произведении мы видим три поколения, три дома. Кроме того, в романе символично число «два». На гобелене можно обнаружить дополняющие друг друга образы двух кроликов, а также демонических зверей на переднем плане – коз и обезьян. Встречаются образы и других животных: собака на подоле дамы служит символом

верности, а ягненок – напоминанием о Деве Марии и Иисусе Христе. Выявленная сакральная мифологизация символических образов придает гобелену возвышенный характер. Помимо этого, образы дамы и камеристки, льва и единорога на среднем плане приносят динамичности в сюжет гобелена. В.В. Иванов также рассматривал образ единорога как символ чистоты и девственности, отсюда возникает более поздняя христианская трактовка связи единорога с Девой Марией и Иисусом Христом [5, с. 78]. Лев, в свою очередь, символизирует знатность, силу и храбрость, дополняя чистоту и воинственность единорога. Это можно объяснить следующим образом: с одной стороны, единорог как светлое начало означает смирение и принятие воли судьбы, с другой – лев как темное начало символизирует страх и сопротивление грядущей трансформации и перерождению. Дуализм и связанный с ним выбор героини Веры в романе Слаповского (остаться верной женой или пойти на предательство) представлен контрастирующими фигурами единорога и льва. Стоит отметить, что в романе Т. Шевалье лев служит примером укрощенной дикости, оттого героини ее романа мать Женевьева и ее дочь Клод предпочитают оставаться верными своему выбору, отказываясь от чувственных страстей, в отличие от Веры в романе Слаповского [9]. На гобелене Дама выглядит так, точно стоит на перепутье и еще не сделала выбор между искушением и нравственностью. Таким образом, можно обосновать авторский выбор в качестве иллюстрации гобелена «Вкус» в романе «Серая ветка». Этот сложный мотив может быть интерпретирован тем, что именно вкус помогает почувствовать любовь к ближнему, как отмечал Джордж Бернард Шоу [4, с. 379]. Обоняние становится способом почувствовать любовь к человечеству, вкус – любовь к ближним, осязание – любовь родителей к детям. Доминирующую тему невзаимной любви и последующего предательства можно обнаружить в романе Слаповского во всех образах, а второстепенные темы только лишь усиливают ее. Так, Вера страдала от нелюбви к Дмитрию, мать Дмитрия страдала от нелюбви к его отцу – своему мужу. Слаповский метафорически осмысляет современность как пространственно-временной континуум, где уроки еще не извлечены, что приводит к постоянным повторам одних и тех же ситуаций, встречающихся из поколения в поколение.

Таким образом, на данном этапе исследования можно сделать следующие выводы.

Сюжетная схема представляет собой кольцо. И само название «Серая ветка» подчеркивает эту закольцованность мыслей, событий, образов и всего романа. Писатель сумел почувствовать ее и использовать для отражения художественного замысла.

Основная проблема романа – острая необходимость для человека любви, веры, надежды, которые определяют смысл жизни, и невозможность, неумение современного человека достигать этих состояний и чувств. Соответственно главные герои «Серой ветки» представляют опустошенный, дезинтегрированный, разорванный тип личности. Они фактически не развиваются, а трансформируются, попадают в тупики, в ситуации неразрешимого экзистенциального выбора.

Само художественное содержание гобелена глубоко диалогично и зиждется на постоянном взаимодействии противоположностей. Доминирующая тема невзаимной любви раскрывается путем использования символической детали (гобелена), которая сочетает в себе принципы диалогичности. Более того, полифонично воплощение темы в сложной композиции и в стихии алого цвета крови, связанного с основными мотивами гобелена и его героями, а мы помним о том, как важна тема родства и кровных связей в «Серой ветке».

Художественные искания А.И. Слаповского отражают глубокое понимание природы романного жанра и возможностей его поэтики, что позволяет автору в модификациях «старой» формы отразить новое содержание.

К принципиально новым авторским формам взаимодействия с читателем фоторомана «Серая ветка» относятся: вкрапление в композиционную структуру многочисленных иллюстративных материалов (это и фотографии, и записи в метро, и даже одно видео), которые дополняют прозаический сюжет.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 412 с.
2. *Бейли Г.* Потерянный язык символов. М.: Ассоциация духовного единения «Золотой век», 1996. 348 с.
3. *Белый А.* Символизм как миропонимание М.: Республика, 1994. 528 с.
4. *Шоу Дж. Б.* Дом, где разбиваются сердца. М.: АСТ, 2017. 416 с.
5. *Иванов В.В.* Единорог // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. М.: Рос. энциклопедия. Т.1. 1994. 429 с. Шоу Дж. Б.
6. *Кеннер Т.А.* Символы и их скрытые значения: происхождение и тайный смысл знаков и символов современного мира. М.: Мартин, 2010. 160 с.
7. *Пастуро М.* Красный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 105 с.
8. *Пастуро М.* Синий. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 108 с.
9. *Слаповский А.И.* Серая ветка. М.: Издательские решения, 2016. 240 с.
10. *Шевалье Т.* Дама и единорог. URL: https://bookscafe.net/read/shevale_treysi-dama_i_edinorog-241096.html#p1 Шевалье Т.
11. *Nordenfalk C.* The Five Senses in Late Medieval and Renaissance Art // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1985. V. 48. P. 1–22.
12. *Ronnenberg A., Martin K.* (eds.) The Book of Symbols: Reflections on Archetypal Images (The Archive for Research in Archetypal Symbolism). Cologne: Taschen, 2010. 810 p.

Статья поступила в редакцию 03.12.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 03.12.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 05.12.2023.

Научная статья

УДК 82.091

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/81-88>

ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ В КИТАЕ

Ли Чай¹

Научный руководитель: **Ольга Ивановна Осипова**²

^{1,2} Дальневосточный государственный рыбохозяйственный университет,
Владивосток, Россия,

¹ Аспирант, 847743692@qq.com

² Доктор филологических наук, доцент, fia-fa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу предпосылок появления и изучения русской женской прозы в Китае. Особое внимание уделяется историческим и культурным предпосылкам, а также переводу произведений известных русских писательниц. Делается вывод, что на исследование русской женской прозы повлияли развитие мировой женской литературы и её перевод, адаптация западных феминистских литературных теорий и принятие этой прозы в Китае. Материалами статьи являются основные работы китайских русистов с 1980-х годов. Применены методы обобщения и анализа выборки.

Ключевые слова: русская женская проза, предпосылки, китайское литературоведение, мягкий феминизм

Информация для цитирования: Чай Л. Предпосылки изучения русской женской прозы в Китае / науч. рук. О.И. Осипова // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 81–88.

Original article

PREREQUISITES FOR THE STUDY OF RUSSIAN WOMEN'S PROSE IN CHINA

Li Chai¹

Scientific Advisor: **Olga I. Osipova**²

^{1,2} Far Eastern State Fishery University, Vladivostok, Russia

¹ Post-Graduate student, 847743692@qq.com

² Doctor of Philology, Associate Professor, fia-fa@mail.ru

Abstract. The article is devoted to analysis of the prerequisites for the emergence and study of Russian women's prose in China. Special attention is paid to historical and cultural prerequisites and extensive translation of famous Russian women writers. It is concluded that the study of Russian

women's prose has been influenced by the development of world women's literature and its translation, the adaptation of Western feminist literary theories, and the acceptance of this prose in China. The materials of the article are the main works of Chinese Russianists since the 1980s. The methods of generalization and sampling analysis have been applied.

Key words: Russian women's prose, prerequisites, Chinese literary studies, soft feminism

For citation: Чай Л. Предпосылки изучения русской женской прозы в Китае / sci. adv. О.И. Осипова // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. P. 81–88. (In Russ.).

Творчество китайских писательниц было известно еще в династии Чжоу. После «Движения 4 мая» в Китае начала публиковаться иностранная женская литература, после чего китайские женщины-прозаики стали задумываться о себе и мире, что стимулировало развитие китайской женской прозы. С 1980-х годов в Китае было переведено большое количество произведений Л. Улицкой, Л. Петрушевской, Т. Толстой, В. Токаревой и других известных русских писательниц. Распространение этих переводов в некоторой степени компенсировало неадекватность китайских переводов современной западной женской литературы в XX в. Всё это объясняется тем, что женская проза стала ярким явлением в литературном мире, которое нельзя игнорировать. Как русская женская литература переводилась в Китае и как изменилось состояние её исследований в Китае за последние 40 лет? В статье проанализированы предпосылки изучения русской женской прозы в Китае и сделан вывод, что её появлению и изучению в Китае способствовали три фактора: исторические предпосылки, культурные предпосылки и её переводы в Китае.

Исторические предпосылки

Перевод женской литературы в Китае нельзя отделить от её развития в мире. Женская проза тесно связана с западным феминистским движением и развивалась поэтапно по мере изменения исторической обстановки. Первая волна западного феминистского движения пришла на вторую половину XIX и начало XX вв. В этот период появились важные работы, повлиявшие на последующее феминистское движение. В то же время в Китае разворачивались «Движение 4 мая» и «Движение за новую культуру», и на китайский язык стало переводиться большое количество западных литературных произведений. С развитием «Движения 4 мая» в Китай пришли различные западные литературные и художественные идеи и школы, такие как классицизм, романтизм, реализм, эстетизм и символизм, а после 1830-х годов в поле зрения китайских читателей постепенно попали произведения иностранных писательниц. Например, были переведены и опубликованы романы Эмили Бронте «Грозовой перевал» и «Джейн Эйр», Шарлотты Бронте «Флаш» и Вирджинии Вулф «На маяк». После образования Китайской Народной Республики установились дружеские отношения с Советским Союзом. Для китайского народа 50-е годы были временем спада духовного развития, и произведения советской литературы, как «посланцы дружбы», были переведены в Китае, став духовной пищей для китайских читателей. Стали горячо любимы «Повесть о Зое и Шуре» Л. Космодемьянской, «Четвёртая высота» Е. Ильиной. Эти и другие произведения были переведены на китайский язык, и их тиражи в 1950-х годах достигли миллионов экземпляров [6, с. 12].

Вторая волна феминизма относится к женскому освободительному движению, кото-

рое проходило в 1960–1970-х годах. В 1949 г., между первым и вторым женскими движениями, была опубликована книга Симоны де Бовуар «Второй пол», которую называют библией феминизма. В этот период «сформировались три основные школы феминизма: социалистический феминизм, либеральный феминизм и радикальный феминизм, соответственно представленные книгами «Женщины: самая долгая революция» Джульет Митчелл, «Загадка женственности» Бетти Фридан и «Сексуальная политика» писательницы и активистки Кейт Миллет» [15, с. 38]. В то время в Китае началась Культурная революция. Перевод и изучение иностранной литературы в период с 1949 по 1978 г. контролировались правительственными властями, лишь несколько работ были официально признаны и опубликованы, а перевод женской литературы, по сути, вошел в период застоя.

В 1980–1990-х годах появился постмодернистский феминизм, и под категорию третьей волны феминистского движения ученые обычно подводят разнообразные теории, которые основываются на противостоянии дуализму, и делают акцент на индивидуальных различиях людей, а также на том, что объектом борьбы является патриархальное общество, а не отдельные мужчины. Развитие литературы тесно связано с ходом истории, хотя во времена Культурной революции развитие литературы было замкнуто в узком пространстве, отрезано от иностранных культур, и на него редко оказывали влияние литературные произведения и течения западных стран. Однако после окончания Культурной революции, в духе 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва по «Раскрепощению мышления», перевод и изучение иностранной литературы в Китае стали осуществляться полным ходом. С волной идеологического раскрепощения в новый период и постепенным ростом индивидуальности у китайских писательниц в страну стали попадать зарубежные литературные теории и феминистские произведения. Первым переводчиком и представителем произведений западных женщин-писательниц в этот период стала Чжу Хун, которая составила сборники «Хрестоматия американских писательниц» и «Хрестоматия рассказов американских писательниц» в 1981 и 1983 гг. соответственно. Автором были выбраны классические работы, такие как «Сексуальная политика» Кейт Миллет, «Диалектика секса» Шуламит Файерстоун, «Загадка женственности» Бетти Фридан и «Женщина-евнух» Джермейн Грир, а также известные рассказы: «История Беатрис Трублад» Джин Стаффорд, «История одного часа» Кейт Шобан, «Бунт “Матери”» Мэри Элеонор Уилкинс Фримен и некоторые другие, чтобы предоставить китайским ученым достойную возможность узнать о феминистском движении и перевести классику феминизма на китайский язык [16]. Впоследствии, с улучшением экономической обстановки в Китае и активным продвижением свободного развития в культурных кругах, феминистские исследования постепенно приобрели определенный размах.

На 36-й сессии Комиссии ООН по вопросу о положении женщин, состоявшейся в 1992 г., было принято решение о проведении в 1995 г. Всемирной конференции по положению женщин в Пекине, и для подготовки к этой конференции в стране прошел ряд мероприятий. «Глобальная программа ООН по продвижению гендерного равенства и дух конференции вдохновили китайских женщин на участие в деле устойчивого развития и гендерного равенства с чувством субъективности и группового сознания, а также значительно способствовали развитию организаций, движений, научных теорий и женских исследований в Китае, что привело к созданию национального женского исследовательского института – Всекитайской федерации женщин» [9, с. 90]. После этого начался беспрецедентный бум переводов и изучения иностранной женской литературы, в том числе и русской.

До 1992 г. внимание китайских ученых в области зарубежной женской прозы в первую очередь уделялось переводу произведений известных писательниц и феминистских теоретических источников, а потом появились исследования, знакомящие с зарубежной женской литературой и феминизмом и изучающие воздействие западной женской прозы на развитие такой же прозы в Китае.

Культурные предпосылки

Что касается женщин-литераторов, их творчество чрезвычайно персонализировано и даже вызывает у читателей чувство удивления и изумления. В китайской женской прозе заметен акцент на личном сознании, в ней излагаются размышления об истинной ценности женской жизни, а также критика традиционного феодального морального дискурса в Китае и даже в мире, что рассматривается как вызов патриархальному обществу того времени. «Начиная с 20-го века, по мере бурного изменения в социальной и культурной сферах, женщины все чаще выходят в публичную сферу и начинают высказывать свое собственное мнение, а женская проза обладает большой и широкой перспективой развития» [8, с. 4].

Китайские женщины-прозаики все больше внимания уделяют изображению женщин нижних слоев общества, включая сельских и городских женщин, и очень ярко изображают разрыв между женщинами традиционного и современного образа мыслей, а также сложный психологический процесс их внутренней жизни. Так обстоит дело с книгами Янь Гелин «Девятая вдова» и «Тетушка До Хэ», в которых женщины живут в обществе низшего класса, полном страданий и неопределенности, но их жизнь всегда полна тепла, оптимизма и удовольствия, что дает им желание и силы выжить. Женская проза также выражает благородную гуманитарную заботу в процессе сосредоточения внимания на жизни и духе бедных женщин в обществе. Кроме того, женская литература не только фокусируется на гендерных вопросах, но и начинает обращать внимание на общество, отражая значимость социальной ценности литературных произведений. Возьмем, к примеру, роман «Девятая вдова» Янь Гелин, в котором рассказывается история нескольких поколений. За почти полвека Китай претерпел радикальные исторические перемены, и автор надеялась изобразить личность через описания изменения времени, распространяя все фрагменты истории на повседневную жизнь обычных людей, тем самым подчеркивая пробуждение женского самосознания и устанавливая тонкую связь между женщинами и обществом, женщинами и историей. В XXI в. новые медиа предоставили женщинам более свободное и широкое пространство для высказываний, а группа читателей стала задумываться о личностном развитии и отношении между полами с гендерной точки зрения [10, с. 41]. Цель развития женской прозы и гендерных исследований, то есть содействие росту личности, забота о других и развитие цивилизации, становилась все более ясной и четкой в процессе развития принятия читателей и культурного мира.

В середине и конце 1980-х годов возникла собственная феминистская литературная критика в Китае начали появляться исследовательские статьи, посвященные этому вопросу. В этот период китайские феминистские исследования постепенно выходят за рамки перевода классических западных феминистских теорий и женской литературы, объединяются с собственными китайскими идеями освобождения женщин и переходят к стадии критического применения.

Монография Ян Лисинь «Экзотика и адаптация: трансформация и влияние феминистской поэтики в Китае» – это результат систематического изучения и тщательного исследования перевода, распространения, восприятия, влияния и изменения западной феминистской теории в Китае, но в центре внимания находится «адаптация» феминистской поэтики: более двух третей книги посвящено четырем этапам развития китайской феминистской поэтики, ее вкладу и проблемам, а также анализу глубокого влияния исследований феминизма на современную китайскую женскую прозу [13]. «Траектория развития феминистской литературной критики в новую эпоху» – это монография Дэн Ли, в которой изложена «история» феминистской литературной критики в современном Китае [5]. Другим представительным научно-исследовательским трудом является книга «Двадцать лет современной феминистской литературной критики в Китае», автор которой берет «женский опыт» в качестве подсказки для анализа специфических коннотаций и критических практик четырех тем, порожденных исследованиями феминистской критики в Китае за последние 20 лет: женское сознание, женская индивидуальность, женская литературная традиция и телесное описание в конкретном историческом контексте. Анализ «тем» в книге не только тесно связан с текстами феминистской критики, но и в полной мере учитывает социальную и культурную среду [12].

Книга Чжан Цзиньюань «Современная феминистская литературная критика» была опубликована в 1992 г. и ознаменовала собой переход феминизма от социальной критики к более глубокому уровню культурной критики. Автор также предложила заменить понятие «феминизм» понятием «мягкий феминизм» и объяснила, что «феминизм» в основном подчеркивает борьбу за равные права мужчин и женщин в раннем женском движении, в то время как «мягкий феминизм» основывается на культурной позиции, фокусируясь на гендерном сознании и культурном строительстве. Исследователи китайской женской литературы считают, что этот переход имеет и другое значение, которое заключается в том, что «мягкий феминизм» имеет тенденцию быть более мирным, некатегоричным и неагрессивным в своем выражении. И именно с помощью этой идеи можно объяснить, почему китайские читатели предпочитают произведения Л. Улицкой, Т. Толстой, Л. Петрушевской и других авторов, героиней произведений которых становится женщина.

Цзинь Яна, профессор Хэйлунцзянского университета, отмечает, что «Женщины и мужчины – это одна степень из myriad противоположностей, составляющих предмет изучения культуры. В этой противоположной и единой системе без одной из сторон существование другой стороны теряет смысл» [11, с. 3]. Китайский русист Чжао Сюе считала, что «"Мягкий" феминизм проявляется в женской китайской литературе, специфическая черта которой – идея гармонии между полами» [1, с. 155]. Не случайной, в связи с этим, видится высокая оценка китайскими читателями творчества Л. Улицкой. Анализируя её произведения, китайские исследователи в целом сходятся во мнении, что Л. Улицкая, уделяя основное внимание эмансипации женщин, не забывает и о мужчинах. Она преодолевает конфронтацию, вызванную гендерными позициями мужчин и женщин, активно выступает за гармонию между полами и трансформирует гендерные вопросы в более широкие вопросы человеческой природы, стремясь к здоровому и гармоничному развитию человечности и воплощая свой собственный антропологический дух: «В ее произведениях гендерные отношения всегда гармоничны» [14, с. 2].

При переиздании сборника «Бедные родственники» Л. Улицкая добавила в начале предисловия: «Все хотят быть богатыми, здоровыми и красивыми. Но мир состоит почему-то главным образом из бедных и больных. Но чудесные дары сострадания, милости, верности

чаще всего являются именно там, в тени жизни, на ее обочине. Открытие это невелико, но когда оно происходит, немного изменяется картина мира, возникает новая точка отсчета и другая система координат: две лепты евангельской вдовы превращаются в великий дар, а бедное угощение полусумасшедшей старухи – в жизненный подвиг. Почти всегда незамеченный» [2, с. 1]. Общеизвестно, что автор книги восхваляет негибимый дух страдающего русского народа, который любит жизнь во всех ее проявлениях, отражая глубокие размышления писательницы об общности человеческих судеб.

Профессор Китайского народного университета, русист Чэнь Фан считает, что в условиях диверсифицированных эстетических и критических стандартов, которые делают принятие и критику произведения весьма плюралистической, немногие авторы могут пройти испытание временем, и в число таких писателей включается Л. Улицкая. Чэнь Фан писала, что «в Китае, наряду с последовательной публикацией основных произведений писательницы [Л. Улицкой], мы также надеемся, что она может быть принята и любима читателями, и мы надеемся, что, почитая ее произведения, китайские читатели смогут расшифровать в ее словах те вечные эмоции любви, терпимости и сострадания, которые заставляют людей чувствовать себя спокойно, одновременно узнавая о современной российской жизни и судьбах ее героев» [3, с. 202].

Перевод и изучение русской женской прозы в Китае

Уже с конца 80-х годов расширяется переводческая деятельность в Китае, в область которой попадают произведения известных русских писательниц. Ли Иннань, Жэнь Гуансюань, Чэнь Фан, Сунь Чао – имена известных переводчиков. В 1996 г. в журнале «Иностранная литература и искусство» (№2) был опубликован рассказ Л. Петрушевской «Время ночь» (пер. Ли Хаочжи), с тех пор вышли романы писательницы «Номер Один, или В садах других возможностей» (пер. Чэнь Фан) и «Время ночь» (пер. Шэнь Няньцзюй), сборник рассказов «Лабиринт» (пер. Лу Сюэин), романы «Маленькая девочка из “Метрополя”» (пер. Дуань Лицзюнь) и «Нас украли. История преступлений» (пер. Хань Сяое и Синь Мэн). Изданы романы Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (пер. Чжан Цзе и Се Юньцай) и «Дети мои» (пер. Чэнь Фан), произведения Д. Рубиной «Синдром Петрушки» (пер. Ли Нуань) и «Почерк Леонардо» (пер. Юй Сян), также вызвавшие восторженные отклики китайских читателей. В 2001 г. Л. Улицкая получила премию «Русский Букер» за «Казус Кукоцкого», став первой женщиной-лауреатом этой премии. Ее сборник рассказов «Бедные родственники» (1995), романы «Медя и ее дети» (1995), «Веселые похороны» (1998) и «Казус Кукоцкого» (2001) были переведены и опубликованы более чем на 20 языках. С 1997 г., когда повесть «Сонечка», переводчиком которого является Ли Иннань, была опубликована издательством «Куньлунь», произведения Улицкой привлекли внимание большого числа китайских читателей, и к настоящему времени романы «Медя и ее дети» (пер. Ли Иннань, Инь Чэн), «Казус Кукоцкого» (пер. Чэнь Фан), «Искренне ваш Шурик» (пер. Жэнь Хэ), «Лестница Якова» (пер. Жэнь Гуансюань), а также сборник рассказов «Девочки» (пер. Лу Янь) опубликованы в Китае. Кроме того, китайским читателям известны произведения С. Василенко, Т. Толстой и В. Токаревой, которые также отражают жизненные размышления и художественные поиски современных русских писательниц, что является яркой и незаменимой частью не только современной русской литературы, но и мировой.

В то же время формируется литературная критика о русской женской прозе, которую можно разделить на три основных направления: обзорные статьи, например «Современная русская женская проза» Чэнь Фан, в которой автор обобщает текущие результаты исследования в мировом литературоведении и анализирует тематику, художественные образы и стилистические особенности русской женской прозы [4]; исследования с точки зрения феминистической критики, такие как монография Дуань Лицзюнь «Сопротивление и покорность: феминистская интерпретация романов Л. Петрушевской», в которой системно анализируется феминизм в женской литературе [7]; междисциплинарные исследования, например «Творчество Л. Петрушевской в контексте нарратологии» Вань Янь.

За 40 лет, с 1980-х годов по настоящее время, общая ситуация с исследованиями русской женской прозы в Китае продемонстрировала их стремительное развитие. Здесь представлены (табл. 1) научные работы, опубликованные китайскими русистами за последние 40 лет (время поиска – декабрь 2023 г.).

Таблица 1

Статистика по количеству работы с поисковым запросом «русская женская проза» за 40 лет

Срок, гг.	Количество работ
1980–1989	0
1990–1999	6
2000–2009	16
2010–наст. время	45

Как видно из табл.1, с 1980-х годов по настоящее время наблюдается четкая тенденция к увеличению количества исследовательских статей, в названии которых фигурирует «русская женская проза». данные по поисковому запросу «русская женская проза», В то же время активизируются исследования творчества отдельных русских писательниц. Например, следующие результаты показаны под заголовком «Полный текст» для поисковых терминов «Л. Улицкая», «Л. Петрушевская», «В. Токарева».

Таблица 2

Данные выборки для исследования творчества русских женщин-писательниц

Срок, гг.	Л. Улицкая	Л. Петрушевская	В. Токарева
1980–1989	1	48	12
1990–1999	20	98	18
2000–2009	93	211	42
2010–наст. время	324	826	122

До сих пор исследования китайских ученых в области русской женской литературы давали многообещающие результаты в плане как охвата, так и глубины. В будущем, с развитием социальной и культурной среды, эти исследования будут иметь более открытый взгляд и более грандиозную цель, что заслуживает нашего постоянного внимания.

Таким образом, на появление литературной критики о русской женской прозе повлияли следующие факторы: развитие мировой женской прозы под влиянием трех волн феминистских движений и революционное движение в Китае, которое способствовало повороту в развитии литературы Китая и сделало возможным появление переводной западной прозы, в том числе и русской. Мягкий феминизм в Китае, формирующийся на базе принятия и адаптации западных феминистских литературных теорий в сочетании с собственной китайской практикой литературной

критики, которая в отличие от западного подчеркивает прежде всего культурную позицию женщины, коренится в китайском сознании и является одной из причин, почему русская женская проза так популярна у китайских читателей. Появление переводной и национальной женской прозы активизировало внимание литературной критики и литературоведения к этому феномену. Результатом крупного изменения культурной среды в Китае служит то, что китайские писательницы продолжают разрабатывать коннотацию женской прозы и открывать её ценность.

Список литературы

1. Сюе Ч., Говорухина Ю.А. Изучение современной русской женской прозы в китайской русистике // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 142–155.
2. Улицкая Л.Е. Бедные родственники. М.: Эксмо, 2007. 224 с.
3. 陈方. 拥有最多读者的俄罗斯女作家: 乌利茨卡娅 // 译林. 2006. № 4. С. 202.
4. 陈方. 当代俄罗斯女性小说研究 / 北京: 中国人民大学出版社, 2007. 214 с.
5. 邓利. 新时期女性主义文学批评的发展轨迹 / 北京: 中国社会科学出版社, 2007. 317 с.
6. 都翔蕊. 俄罗斯文学在中国的传播效应研究 // 博士论文. 内蒙古大学, 2010. 115 с.
7. 段丽君. 反抗与屈从: 彼得鲁舍夫斯卡娅小说的女性主义解读 / 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2008. 222 с.
8. 黄辉辉. 文学女性、女性文学与女权批评: 金莉教授访谈录 // 英美文学研究论丛. 2022. № 2. С. 1–19.
9. 刘伯红. 不曾远去的盛会: 第四次世界妇女大会及纪念活动管窥 // 山西师大学报(社会科学版). 2021. № 6. С. 90–99.
10. 刘巍, 王亭绣月. 新媒体女性文学批评特征 // 当代作家评论. 2023. № 2. С. 36–41.
11. 金亚娜. 期盼索菲亚——俄罗斯文学中的“永恒女性”崇拜哲学与文化探源 / 北京: 人民文学出版社, 2009. 323 с.
12. 徐艳蕊. 当代中国女性主义文学批评二十年 / 桂林: 广西师范大学出版社, 2008. 216 с.
13. 杨莉馨. 异域性与本土化: 女性主义诗学在中国的流变与影响 / 北京: 北京大学出版社, 2005. 294 с.
14. 叶少言. 《美狄亚和她的孩子们》中的女性主义色彩 // 散文百家(理论). 2021. № 10. С. 1–2.
15. 赵赟. 西方女性主义的诞生背景与三次浪潮 // 哈尔滨学院学报. 2023. Т. 44. № 3. С. 35–39.
16. 朱虹. 美国女作家短篇小说选 / 北京: 中国社会科学出版社, 1983. 557 с.

Статья поступила в редакцию 03.12.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 07.12.2023.

The article was submitted 03.12.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 07.12.2023.

Научная статья

УДК 82; 398.54

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/89-94>

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЧЕРВЯ В ПЕСНЕ «ЭЛИСОН ГРОСС» ФОЛК-РОК-ГРУППЫ «МЕЛЬНИЦА»

София Сергеевна Мельниченко¹

Научный руководитель: Мария Сергеевна Киселева²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹Студентка 3-го курса, обучающаяся по направлению «Филология», группа Б5121-45.03.01рл, melnichenko.ss@students.dvfu.ru.

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, kiseleva.ms@dvfu.ru

Аннотация. Творчество фолк-рок-группы «Мельница» активно изучается современными исследователями. Нами представлена классификация всех видов драконов/змеев в песнях группы, рассмотрены особенности четвёртого вида – червя на примере песни «Элисон Гросс». Сделан вывод, что переосмысление фольклорной баллады позволяет Наталье О'Шей реализовать всю полноту комического эффекта, выделить важную в творчестве «Мельницы» идею любви, которую невозможно купить, и ярко обозначить связанные с образом дракона/змея/червя универсальные мифологические представления, характерные для разных культурных традиций.

Ключевые слова: фолк-рок-текст, «Мельница», образ червя, образ дракона, английский фольклор, шотландский фольклор, славянский фольклор

Для цитирования: Мельниченко С.С. Мифопоэтический образ червя в песне «Элисон Гросс» фолк-рок-группы «Мельница» / науч. рук. М.С. Киселева // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 89–94.

Original article

THE MYTHOPOETIC IMAGE OF A WORM IN THE SONG "ALISON GROSS" BY FOLK-ROCK BAND "MELNITSA"

Sofia S. Melnichenko¹

Scientific Advisor: Maria S. Kiseleva²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Third-Year Student studying the aspect of “Philology” of the Far Eastern Federal University, melnichenko.ss@students.dvfu.ru.

² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, kiseleva.ms@dvfu.ru

Abstract. The works or the poems of the folk-rock group "Melnitsa" is actively studied by modern researchers. We have presented the classification of all types of dragons/snakes in the songs of the group, the features of the fourth type – the worm – are analyzed on the example of the song

"Alison Gross". It is concluded that the reinterpretation of the folklore ballad allows Natalia O'Shea to realize the fullness of the comic effect, highlight the idea of love, which is important in the work of the "Melnitsa", that cannot be bought, and clearly identify the universal mythological representations associated with the image of the dragon/snake/worm, characteristic of different cultural traditions.

Key words: folk-rock lyrics, "Melnitsa", the image of a worm, the image of a dragon, English folklore, Scottish folklore, Slavic folklore

For citation: Melnichenko S.S. The Mythopoetic Image of a Worm in the Song "Alison Gross" by the Folk-rock Group "Melnitsa" / sci. adv. M.S. Kiseleva // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. P. 89–94. (In Russ.).

Несмотря на ещё ведущиеся споры, возможно ли рассматривать рок-тексты отдельно от музыки, сам феномен рок-текста как разновидности художественного поэтического произведения уже активно изучается современными литературоведами (И.В. Нефёдов, Е.В. Огрызко, Н.С. Разницына, А.А. Рыжков и др.) [6, 8-11]. Исследователи делают преимущественный акцент на рассмотрении отдельных образов и мотивной составляющей рок-текста. В нашей работе мы обращаемся к творчеству известной российской фолк-рок-группы «Мельница» [12], отдельные аспекты которого (мифологические мотивы в альбоме «Зов крови», «Дорога сна», мотивы оборотничества, пути, судьбы, образы солнца, луны и др.) уже привлекали внимание учёных [8–11]. Однако ещё нет работы, где бы рассматривались все вышедшие альбомы «Мельницы». Наше исследование сосредоточено на изучении мифопоэтического образа дракона/змея во всех песенных текстах группы 2003–2021 г. Нами были выявлены все образы дракона/змея, охарактеризованы их схожести и различия, определена частотность встречаемости и предложена классификация.

Мы обнаружили, что мифопоэтический образ дракона/змея – один из частотных и устойчивых в песнях «Мельницы». Под руководством лидера группы Натальи О'Шей, известной как Хелависа, вышло больше 16 альбомов, 7 из которых содержат одну и более песен с упоминаниями дракона/змея: «Дорога сна» (2003 г.) – 2 песни, «Зов крови» (2006 г.) – 3 песни, «Дикие травы» (2008 г.) – 1 песня, «Ангелофрения» (2012 г.) – 1 песня, «Химера» (2016 г.) – 1 песня, «Люцифераза» (2018 г.) – 2 песни и «Манускрипт» (2021 г.) – 1 песня. Всего нами выявлено 12 песен, относящихся к теме исследования, одна из которых – «Элисон Гросс» (2011 г.) не вошла ни в один из указанных альбомов.

Отобранные произведения представлены текстами, созданными как Натальей О'Шей (10 шт.), так и теми, которые были заимствованы и положены на написанную группой музыку (2 шт.). К последним относятся текст песни «Змей», взятый из одноимённой баллады Н.С. Гумилёва, и текст песни «Элисон Гросс», являющийся фрагментом одноимённой английской (в некоторых источниках шотландской) баллады, переведённым И.М. Ивановским [4].

Все выявленные нами образы драконов/змеев можно охарактеризовать по видовой (в зависимости от их внешних отличий) и функциональной (в зависимости от роли, которую они выполняют в тексте) принадлежности, разделив на четыре вида:

✓ змей/змея: «Невеста полоза» (альбом «Зов крови»), «Ведьма» (альбом «Дикие травы»), «Дороги» (альбом «Ангелофрения»), «Шей» (альбом «Люцифераза»), «Апельсиновая джига» (альбом «Манускрипт»);

✓ дракон: «На север» (альбом «Дорога сна»), «Зов крови», «Дракон» (альбом «Зов крови»); «Поверь» (альбом «Люцифераза»);

- ✓ летучий змей: «Змей» (альбом «Дорога сна»), «Обряд» (альбом «Химера»);
- ✓ червь: «Элисон Гросс».

В каждой обозначенной нами песне есть ряд чётких отсылок (особенности описания внешности, принадлежность к определённой культурной традиции), позволяющих отнести образ дракона/змея, обнаруженный в тексте, к одному из представленных выше видов. Особый интерес, на наш взгляд, представляет последний выделенный вид, встречающийся в песне «Элисон Гросс» – червь. Лишь отдалённо похожий внешне своим гибким телом на змею червь, на первый взгляд, изначально меньше всего ассоциируется в сознании носителя современной русской языковой картины мира с драконом. Однако подобное соотношение достаточно чётко прослеживается сразу в нескольких традиционных мифологических системах. Например, в контексте германской мифологии образ червя можно рассматривать как ещё одно воплощение змея [5, с. 469]. И если в германской, в частности скандинавской, мифологии с этим образом чаще всего связывают знаменитого Ёрмунганда – исполинского Мирового Змея, то в английских и шотландских мифологических представлениях червь не только соотносится с змеем, но и приобретает драконьи черты [5, с. 469]. Такое разнообразие ассоциаций и отсылок, собранных в одном образе, не могло не вызвать интереса у «Мельницы», чьё творчество нередко обращается к диалогу разных культур и их переосмыслению. Соответственно, мы считаем справедливым выделение образа червя как одного из видов дракона/змея в произведениях данной фолк-рок-группы и перспективным изучение содержащихся в нём мифологических составляющих, принципов изображения этого персонажа и соотносящихся с ним мотивов.

У славян, германцев (в частности, англо-саксонцев), шотландцев образ червя имеет как положительную, так и негативную интерпретацию. Интересующая нас как материал исследования песня «Элисон Гросс» связана с одноимённой английской (или шотландской) балладой, однако мы обратимся не только к английской и шотландской культуре, но и к славянской, так как песня «Мельницы» исполняется на русском языке и рассчитана на восприятие представителей данной традиции.

Для славян «червь» – хтоническое нечистое животное, относимое в народной культуре к разряду гадов», пишет А.В. Гура [2, с. 503]. Славяне видели в черве причину болезней, считая, что он проникает в организм человека, в результате чего тело покрывается нарывами и язвами, а «заражённый» червём скот начинает болеть. В черве также могла быть заточена душа грешника, по этой причине во время пахоты нельзя было убивать червя. Верили, что если червя, «найденного в дереве, бросить в огонь, душа издаст писк». Червями называли иногда водяных духов и духа, вызывающего детскую бессонницу («Ночница»). Но даже при таком большом негативном ряде ассоциаций червь у славян мог быть покровителем дома и приносить удачу. «В Вологодской губ. существует поверье о ратном черве, обитающем у счастливых людей в подполье и покидающем дом перед несчастьем. Таких Ч. сушат и держат в качестве талисмана» [2, с. 504]. Подобное восприятие позволяет говорить о бинарности образа в традиционной культуре славян, о его связи с мотивами болезни, греха, а также защиты и удачи.

Примечательно, что червём у славян часто называли змей, как, например, в польских заговорах. Во многих славянских диалектах слово «червь» происходит от «змеи» (хорв. gujica, gujavica, gujina, gujna, словац. užovka, луж. wuženc) [2, с. 503]. Тем не менее в фольклорных произведениях о связи змееподобного существа и человека (любовный мотив) обычно упоминается змей, а не червь (вспомним, например, былинку о рождении богатыря Вольги, сказку «Жена-змея» и пр.).

И англичане, и шотландцы называли червями драконов, похожих своим длинным телом на змей. Эти фольклорные существа были ядовиты и связывались со смертельной опасностью, за исключением тех, кто являлся на самом деле превращённым в червя (дракона) человеком. Так, на северо-востоке Англии существует популярная легенда о змееподобном драконе, прозванном Лэмбтонским червём (Lambton worm). Джон Лабтон, местный лорд, предпочёл церковной службе воскресную рыбалку, и в наказание на его родные края напал гигантский змей. Ведьма предсказала лорду победу над чудовищем, но также рассказала о проклятье, которое его постигнет, если Джон не убьёт первое существо, которое увидит после убийства змея. Условие так и не было выполнено, и род Лабтонов постигло смертельное проклятие.

В английском и шотландском фольклоре червём также называли линдвормов, чьё наименование в оригиналах писалось как worm (в разных балладах чаще встречаются формы laily worm, laidley worm и др.). Об этих персонажах в статье «Баллады о заклитиях в Шотландии, Англии и странах Северной Европы» сообщает Е.А. Папакуль: «Линдворм (английское lindworm, шведское lindorm) – вымышленное существо, представляющее собой некое подобие дракона или гигантского змея с двумя лапами, иногда с крыльями, но не умеющего летать. В легендах и народных балладах линдвормы чаще всего изображались как положительные персонажи, так как обычно были заколдованными принцами, которые благодаря любви возвращали свой человеческий облик» [7, с. 7].

Таким образом, в английском и шотландском фольклоре червь представлялся опасным и чаще всего ядовитым змееподобным драконом, за исключением тех случаев, когда им оказывался заколдованный человек. Образ персонажа связан с мотивами смерти, испытания и любви, с представлениями о бинарности червя, его хтонической природе и тесной связи с потусторонним миром.

Сюжеты, в которых линдворм (червь) является заколдованным человеком, довольно распространены и встречаются в целом ряде английских и шотландских баллад, где главной становится тема наложения или снятия заклития, как правило сопровождающаяся мотивом любви: «Линдворм и морское чудовище» (The Laily Worm and the Machrel of the Sea), «Линдворм из Спинделстон-Хью» (The Laidley Worm of Spindleston-Heugh) и «Линдворм» (Lindormen). Сюда же можно отнести балладу «Элисон Гросс» (Alison Gross) [7, с. 7].

В балладе «Элисон Гросс» рассказывается о молодом человеке, отказавшем влюблённой в него ведьме, как бы та ни пыталась соблазнить его дорогими подарками. Недовольная отказом юноши, она превращает его в worm (в англоязычном оригинале в линдворма или змея, то есть отсылка к червю есть, но опосредованная). И таким герой обречён быть вечно, но в день Самайна (Хэллоуин) прекрасная королева эльфов возвращает ему прежний облик.

В русскоязычных переводах баллады «Элисон Гросс», получивших широкое распространение, существо, в которое ведьма превращает юношу, обозначается как «червь» (переводы И.М. Ивановского [4], Г. Блонского [1]) и лишь за редким исключением – как «змей» (перевод А.В. Щурова [13]). Как отмечает Е.А. Папакуль, этимологию слова «Lindworm» первые переводчики, видимо, ошибочно связывают с липовым деревом (английское linden, шведское lind), из-за чего принято считать, что линдвормы чаще всего селятся именно на этих деревьях. И далее, на наш взгляд, в соотношении с пребыванием на дереве логичным для переводчиков становится определение персонажа как червя. В действительности оба варианта (и linden, и lind), по утверждению Е.А. Папакуля, это искажённое исландское поэтическое linnr («змея»). Соответственно, считает исследователь, можно сделать вывод, что в русских переводах

короткое «worm» от «Lindworm» уместнее переводить как «змея» [7, с. 7]. Однако в русских переводах вариант с «червём» пользуется всё-таки куда большей популярностью. Вероятнее всего, причина данного выбора заключается не только в устойчивом соотношении образа персонажа с деревом, но и в особом осмыслении самого слова «червь» носителем русской (славянской) традиции. Змея опасна и ядовита, пугает своим видом, но завораживает красотой. Червь же напротив представляется не столько хищным, сколько неприятным и отталкивающим. Оскорблённая ведьма наказывает красивого юношу превращением в нечто уродливое и мелкое, в такое существо, как червь.

Сюжет шуточной песни фолк-рок-группы «Мельница» «Элисон Гросс» во многом повторяет сюжет одноимённой баллады в переводе И.М. Ивановского. Однако положенное на музыку произведение пропускает два последних куплета с превращением героя обратно в человека и обрывается на моменте, когда заколдованный юноша с уверенностью заявляет, что «лучше карабкаться по деревьям, чем целоваться с Элисон Гросс». Чудесного превращения назад в фолк-рок-тексте не происходит, но именно через такой финал достигается комический эффект, ещё резче обозначена насмешка над ведьмой в словах героя. Сама музыка звучит в мажорной тональности, настроивая слушателей на веселье и смех. В исполнении Хэлависы (Н. О`Шей) этот эффект усиливается через переход голоса на более высокие тона. Голос героя по мере его метаморфоз становится тоньше, он уменьшается, но даже в столь трудном положении не утрачивает своих моральных принципов. Превращённый и отталкивающий, но не жалкий – главная черта как героя оригинальной фольклорной баллады, так и героя из песни.

Мотив любви ведьмы к юноше тесно связывается в фолк-рок-тексте с мотивом искушения, испытания для лирического героя, которое последний успешно проходит. Влюблённая ведьма пытается купить его любовь, но получает отказ. Подобная связь мотива любви с искушением/испытанием и идея любви, которую невозможно купить, встречаются у «Мельницы» и в других песнях, где присутствуют драконы/змеи (например: «Змей», «Невеста Полоза» и пр.), что также подтверждает справедливость рассмотрения червя из песни «Элисон Гросс» как реализации четвертого вида данных образов.

Выбор «Мельницы» в пользу баллады «Элисон Гросс» не случаен и по другой причине. Английский, шотландский фольклор уникален, но сюжет о заколдованном юноше, мотивы разделённой и неразделённой любви, искушения и испытания, взаимодействия представителей разных миров (человеческого и потустороннего), а также перехода между этими мирами интуитивно узнаваемы и сопоставимы для носителя современной русской языковой картины мира как со славянской фольклорной традицией (достаточно вспомнить, например, волшебные сказки «Пёрышко Финиста – ясного сокола», «Чудесная рубашка» и др.), так и с универсальными для многих культур мифологическими представлениями о бинарности окружающего мира, хтонической и неоднозначной природе драконов/змеев/червей, их связи с людьми.

Согласно нашим наблюдениям, стремление к синтезу образов и мотивов из произведений очень разных фольклорных традиций – особая черта песенных текстов и альбомов фолк-рок-группы «Мельница». Образ червя, в частности линдворма, как заколдованного человека в английском и шотландском фольклоре уникален, но благодаря тому, что текст песни не раскрывает слушателю подробности внешности превращённого юноши, сосредотачиваясь на единственном определении – «безобразный», формируется максимально широкий мифопоэтический контекст, позволяющий представителям разных культур воспринимать песню не только как что-то экзотичное, но и как интуитивно понятное, только представленное в новом аспекте. Это создаётся

благодаря наличию комплекса универсальных мотивов и мифологических представлений, одинаково характерных для порой очень непохожих фольклорных традиций.

Список литературы

1. *Блонский Г.Э.* Allison Gross/Элисон Гросс // Livejournal. URL: <https://sbitnevsv.livejournal.com/1029881.html> (дата обращения: 10.06.2023).
2. *Гура А.В.* Червь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 503-505.
3. *Евсеева Т.П.* Прошлое и настоящее Нортумберленда: Джон Мартин – архитектор будущего // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. № 2 С. 115–127. EDN: QCTQDN
4. *Ивановский И.М.* Элисон Гросс // Железный век. История человечества. URL: <https://ageiron.ru/sagi-i-balladyi/elison-gros> (дата обращения: 10.06.2023).
5. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Змея // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / под ред. С. А. Токарева. Т. 1. М.: Советская Энциклопедия, 1980. С. 468-470.
6. *Нефёдов И.В., Огрызко Е.В.* Текст и рок-текст как художественный феномен // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 2-1. С. 256–263. EDN: ТКОАКЛ
7. *Папакуль Е.А.* Баллады о закланиях в Шотландии, Англии и странах Северной Европы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 2. С. 7–10. EDN: ТХJVOL
8. *Разницына Н.С.* Мифологические мотивы в творчестве группы «Мельница» (на примере альбома «Зов крови») // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2016. Вып. 16. С. 230–238. EDN: WXIUVP
9. *Разницына Н.С.* Мотив оборотничества в творчестве группы «Мельница» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2020. Вып. 20. С. 232–240. EDN: ААОТМQ
10. *Разницына Н.С.* Мотив пути как лейтмотив альбома «Дорога сна» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2017. Вып. 17. С. 260–267. EDN: YNEEGN
11. *Рыжков А.А.* Мотив судьбы в рок-поэзии группы «Мельница» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2018. Вып. 18. С. 185–194. EDN: ХТХOСТ
12. *Тексты песен фолк-рок-группы «Мельница»* // Официальный сайт группы «Мельница». URL: <https://melnitsa.info/> (дата обращения: 10.06.2023).
13. *Щуров А.В.* Элисон Гросс // Песни северного ветра. Английские и шотландские баллады в переводах Алексея Щурова. М.: Ridero, 2015. URL: <https://readli.net/pesni-severnogo-vetra/> (дата обращения: 10.06.2023).

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; одобрена после рецензирования 02.11.2023; принята к публикации 04.12.2023.

The article was submitted 30.10.2023; approved after reviewing 02.11.2023; accepted for publication 04.12.2023.

Научная статья

УДК 821.133.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/95-102>

**МОТИВЫ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ
В КНИГЕ МАРГЕРИТ ЮРСЕНАР «ВОСТОЧНЫЕ НОВЕЛЛЫ»**

Валерия Евгеньевна Трущенко¹

Научный руководитель: **Галина Ивановна Модина²**

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Бакалавр, trushchenko.ve@students.dvfu.ru

² Доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, modina.gi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>

Аннотация. Статья посвящена анализу мотивов смерти и бессмертия в книге М. Юрсенар «Восточные новеллы». Рассматривается художественное пространство книги, анализируются мотивы смерти и бессмертия, выявляются их функции в организации цикла и системе образов. Прослеживается связь мотивов смерти и бессмертия с сюжетообразующими мотивами жизни и любви. Обнаруживается их полифункциональный характер: сюжетообразующая композиционная и циклообразующая функции.

Ключевые слова: Маргерит Юрсенар, «Восточные новеллы», мотив, смерть, жизнь, бессмертие

Для цитирования: Трущенко В.Е. Мотивы смерти и бессмертия в книге Маргерит Юрсенар «Восточные новеллы» / науч. рук. Г.И. Модина // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 95–102.

Original article

**MOTIFS OF DEATH AND IMMORTALITY
IN M. YOURCENAR'S BOOK "ORIENTAL TALES"**

Valeria E. Trushchenko¹

Scientific Advisor: **Galina I. Modina²**

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Undergraduate Student, trushchenko.ve@students.dvfu.ru

² Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Romano-German Philology, modina.gi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the motifs of death and immortality in M. Yourcenar's book "Oriental Tales". The article considers the artistic space of the novels, analyses

the motifs of death and immortality, reveals their functions in the organisation of the book and the system of images. The connection of the motifs of death and immortality with the plot-forming motifs of life and love is traced. Their polyfunctional character is revealed: plot-forming compositional and cycle-forming functions.

Key words: Marguerite Yourcenar, “Oriental Tales”, motif, death, life immortality

For citation: Trushchenko V.E. Motifs of Death and Immortality in M. Yourcenar’s Book “Oriental Tales” / sci. adv. G.I. Modina // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1, № 4. С. 95–102. (In Russ.)

Философское осмысление категорий жизни и смерти восходит к античности. Размышления о смертности объясняются желанием человека привести «в порядок» все этапы жизни, включая её конец. «Античные мыслители показали, что смерть как экзистенциал является средством самоидентификации. Человек экзистенциально идентифицируется через смерть – изменчивое зеркало бытия» [1, с. 13]. То есть обращение к этому явлению – способ самопознания и поиска смысла.

В книге Маргерит Юрсенар «Восточные новеллы» (Nouvelles orientales, 1938) тема смерти занимает особое место и разворачивается она и в одноименном мотиве, и в связи с контрастными мотивами жизни, бессмертия и любви. В сборник вошли новеллы, созданные в 1930-е годы, принадлежащие «греческому периоду» творчества Юрсенар, отмеченному интересом к культуре и традициям Востока. «В книге Юрсенар, – отмечает исследователь творчества писательницы Р. Букабус, – присутствует стремление к признанию Востока как сущности, отличной от Запада, стремление, относительно возможное благодаря её принципу соблюдать адекватность формы и содержания»¹⁶ (“Dans le recueil de Yourcenar, il est question de la reconnaissance de l’Orient en tant qu’entité différente de l’Occident, aspiration rendue relativement possible grâce au principe yourcenarien de l’adéquation de la forme et du contenu” [6, p. 61]). С присущей ей скрупулезностью М. Юрсенар создала художественное пространство, где мир Востока встречается с миром Запада.

Влиянием восточного мировоззрения и восточной философской традиции во многом обусловлены особенности художественного пространства книги, организованного мотивами смерти и бессмертия. Концепция смерти и жизни души в книге М. Юрсенар не всегда соответствует христианским представлениям. Её герои не знают Рая и не надеются на посмертное вознаграждение за страдания. Они не знают Ада и не страшатся наказания. Смерть воспринимается как естественная часть жизни, она не отрицается, но переосмысливается, и часто выступает как спасение и наказание, как рок и часть жизни.

Французские исследователи обращают внимание на присутствие в «Восточных новеллах» мифологического начала, прямо связанного с мотивом смерти. «Смерть в «Восточных новеллах», – замечает Анна Катрин Мелдер, – иногда проявляется явно, иногда более сдержанно, а её связь с мифом, далеко не всегда заранее установленная, эволюционирует на протяжении всего сборника» (“La mort dans les Nouvelles orientales se profile tantôt de façon manifeste, tantôt plus discrètement, et que son rapport, avec le mythe, loin d’être pré-établi, évolue tout au long du recueil” [10, p. 32]). Основой сюжета большинства новелл стали легенды, и

¹⁶ Работы французских исследователей цитируются в переводе В. Трущенко.

смерть представляется в сказочной форме легендарных образов, так в новеллах формируется символический план.

Вариации мотива смерти позволяют видеть в композиции сборника две части. В первой – мифологическое начало тесно связано с мотивом смерти: смерть либо оказывается продолжением жизни в ином пространстве, либо становится частью судьбы и проявлением божественной воли. Вторая часть ознаменована реальными сценами убийства, увядания, старения. Так, образ смерти «очеловечивается», а повествование «имеет тенденцию эволюционировать от мифа о смерти к смерти мифа» (“Le recueil, lui, tend à évoluer du mythe de la mort à la mort du mythe” [10, p. 32]).

Танатологические мотивы связаны с сюжетом «восточных новелл» и образами героев: каждый из них имеет свое восприятие жизни и смерти. Смерть в произведении Юрсенар наравне с любовью становится основной движущей силой, определяющей ход событий. По определению Р.Л. Красильникова, смерть – это действие [3]. Однако М. Юрсенар не всегда вводит данный мотив через описания процесса умирания. «Восточные новеллы» объединяет общая тенденция к размышлению о «вечных» вопросах человечества. На протяжении цикла читатель сталкивается с символической («Как был спасен Вань Фу»), героической («Молоко смерти») и трагической («Последняя любовь принца Гэндзи») смертью. Однако смерть не всегда становится главным событием и в иных случаях помогает объяснить и проиллюстрировать иные, не менее важные явления.

Отметим значение первой новеллы – «Как был спасен Вань Фу» и новеллы, завершающей сборник – «Смерть Корнелиуса Берга». Главной темой в них становится тема искусства и творца. Именно искусство, полагает Маргерит Юрсенар, способно объяснить основные постулаты человечества: любовь, жизнь, смерть. В новеллах «Как был спасен Вань Фу» и «Смерть Корнелиуса Берга» противопоставлены восточное и западное мировоззрения. Действие первой новеллы происходит в средневековом Китае, действие второй – в Амстердаме XVII в. Оба героя – художники. Новеллы обращены к проблеме бессмертия художника, жизни творца в его творениях, стремления к идеалу в искусстве. В основе сюжета первой новеллы древнекитайская даосская легенда. Её герой, Вань Фу, гениальный художник, способный воплотить в картине всю красоту живой природы, обнаружить прекрасное в безобразном. Император, проведший детство и юность во дворце, в зале без окон, где стены были покрыты картинами Вань Фу, представлял свое государство столь же прекрасным. Но, когда его уединение закончилось, он испытал глубокое разочарование – мир не был так красив, как полотна художника. И старый художник представляется императору истинным владыкой мира, отнявшим власть у него. Художник обречен на смерть, ученик, пытавшийся защитить его, убит. Однако художника спасает его собственная картина, в ней жив его ученик, и оба они исчезают в бесконечной синеве нарисованного моря. Их никто не может настичь, так как в этом прекрасном пространстве нет места тем, кто не видит красоты реального мира, а прекрасное в искусстве считает злом. Герой второй новеллы – Корнелиус Берг, портретист, современник Рембрандта. Он, как и Вань Фу, много странствовал и на склоне лет, вернувшись в Амстердам, постепенно отказался от творчества, понимая, что невозможно достичь идеала. «Художником вселенной» он называет Бога. Но с грустью думая о жестоких сторонах действительности, сожалеет, что Творец не ограничился созданием пейзажей.

В этих новеллах автор выражает два противоположных восприятия смерти. Вань Фу, представляя восточную традицию, понимает смерть как одну из составляющих жизни и переход

к иному существованию – бессмертию. Корнелиус Берг склонен к условно западному подходу – онтологическому, определяющему смерть как конец существования и «небытие». Во взглядах Вань Фу заметно некоторое сходство с учением древнегреческого философа Эпикура о смерти и бессмертии человека. «Мудрец – человек, достигший покоя и удаления от толпы (предполагающих интеллектуальное одиночество – дружбу, т. е. одиночество, разделенное с друзьями по духу), получает искомую полную безопасность от людей и, насладившись полной близостью с единомышленниками, не оплакивает того, кто умирает раньше других» [1, с. 10]. Действительно, Вань Фу живет вдали от людей, его сопровождает только ученик Линь, вставший на путь своего учителя, и даже, когда молодая жена Линя совершает самоубийство, художник воспринимает это эстетически. Он пишет последний портрет девушки: «Ему нравился зеленоватый оттенок, который появляется на лицах мертвецов» [5, с. 514] (“Il aimait cette teinte verte dont se recouvre la figure des morts” [11, p. 23]). Даже в смерти он находил красоту, и, возможно, отсутствие страха перед своей конечностью дарило ему возможность быть бессмертным.

Смерть в этой новелле – путь к обретению бессмертия, так как «именно в стране мертвых можно найти источники жизни» (“C’est au pays des morts que se trouvent les sources de la vie” [9, с. 15]). И Вань Фу, и Линь обретают божественное состояние, без усилий проникнув в картину. «Они достигают апофеоза благодаря произведению искусства, которое открывает им доступ к вечности» (“Ils sont en situation d’apothéose grâce à l’œuvre d’art qui leur donne accès à l’éternité” [8]). Бессмертие возможно благодаря гармонии души художника и его ученика, преданных прекрасному в жизни и в искусстве. «Смысл жизни человека древневосточной культуры, – отмечает С.С. Карлова, – как правило, соотносится с выполнением определённой социальной роли и самосовершенствованием во имя гармонии с бытием» [2, с. 27]. И если Вань Фу продолжил жить в своей картине, то есть в своих творениях приобрел бессмертие благодаря своему таланту и вере в бесконечность жизни, то Корнелиус Берг, утратив талант живописца, готовится умереть в безразличии и осознает, что его существование как художника останется незамеченным и неоценённым, ведь в его теоцентрической картине мира лишь Бог – непревзойденный художник вселенной.

В художественном пространстве новеллы «Как был спасен Вань Фу» смерть – непременная часть жизни. Так, вскоре после свадьбы Линя умирают его родители, позже погибает его жена. Однако перед этим китайский художник «изобразил её в костюме феи среди облаков, освещенных лучами заходящего солнца, и юная женщина заплакала, потому что это предвещало смерть» [5, с. 513] (“La peignit en costume de fée parmi les nuages du couchant, et la jeune femme pleura, car c’était un présage de mort” [11, p. 22]). Таким образом, Вань Фу, как настоящий творец, даровал и отнимал жизнь. С того самого момента, как он написал портрет девушки, а Линь увлекся живописью, её лицо «увядало». Одиночество пробудило в ней стремление к смерти. «Трагическое вступает в игру, когда искусство кладет конец жизни. – цитирует Ж. Бодрийера французский исследователь А.З. Эба. – Внутренние страдания жены Линга были напрасны: слепая надежда на видимость не уступила место взгляду сострадания, а скорее восхищения трагической сценой» (“Le tragique intervient quand l’art fait trépasser la vie. La souffrance interne de la femme de Ling était vaine : l’espoir aveugle de visibilité n’a pas donné place à un regard de compassion ; plutôt un regard admiratif de la scène tragique” [8]).

В новелле о китайском художнике мотиву смерти сопутствует мотив бессмертия. В ином, менее явном, звучании возникает он и в новелле о голландском художнике, сравнивающим

себя с бессмертным Рембрандтом. И далее в сборнике возникают подобные диптихи с вариациями одних и тех же мотивов. Примером могут послужить новеллы о сербском герое Марко Королевиче – «Улыбка Марко» и «Кончина Марко Королевича». В них тесно связаны мотивы смерти и бессмертия. Маргерит Юрсенар создает образ непобедимого и бывшего на грани смерти множество раз героя. Повествование в новелле «Улыбка Марко» начинается с легенды о его героической смерти: «Если не ошибаюсь, Марко погиб в битве с турками в Боснии или где-то на хорватской земле» [5, с. 522] (“Si je ne me trompe, Marko mourut dans une bataille contre les Ottomans, en Bosnie ou en pays croate” [11, p. 44]). Так, создавая образ могучего воина, Маргерит Юрсенар нарочито упоминает о том, что он уже мертв. Но далее, в рассказе о нем, Марко кажется неуловимым для самой смерти и даже бессмертным: «Одной бури мало, чтобы утопить Марко <...> и мало одной петли, чтобы его задушить» [5, с. 525] (“Il faut plus d’une tempête pour noyer Marko <...> et plus d’un noeud pour l’étrangler” [11, p. 47]).

В первой новелле мотив смерти тесно сопряжен с мотивом любви. Смертельной пыткой для Марко становится красота одной из танцовщиц, но она же становится его спасением, и так мотив любви соединяется с мотивом жизни. Герою удается бежать из плена. И этот побег чудесен по своей природе. Автор создает ситуацию вынужденной симуляции смерти. Для Марко притворство – единственный выход избежать настоящей смерти. Вдова паши, так страстно любившая Марко, превращает его в мученика, но именно любовь движет основным ходом событий этой новеллы, и любовь спасает героя. «Новые отношения Эроса и Танатоса в этой новелле, однако, неоднозначны – утверждает А.К. Мелдер. – Если внезапная страсть опасно компрометирует Марко, заставляя его отречься от рискованного симулякра и подвергая опасности, то желание соблазненного красотой обнаженного юного героя спасает его от смерти» (“Ainsi, si C’est une passion soudaine qui compromet dangereusement Marko au point de dénoncer son simulacre hasardeux et de mettre sa vie en danger, C’est d’autre part le désir de la frère danseuse, séduite par la beauté du jeune héros nu, qui le sauve de la mort” [10, p. 37]). При этом автор наряду с чудесным спасением Марко помещает рассказ о жестоком наказании: вдова сама расплачивается смертью за свою страсть и предательство.

О том, что Марко не бессмертен, читатель узнает из первой новеллы. Однако М. Юрсенар, опровергая первые строки «Улыбки Марко», рассказывает другую историю о смерти сербского героя – «Кончина Марко Королевича». Общая идея новеллы состоит в незначительности действий в нашей жизни на пороге смерти: «В любом случае это слишком рано или слишком поздно и ничего не даст» [5, с. 575] (“C’est toujours trop tôt ou trop tard, et ça ne sert à rien” [11, p. 135]). В этой новелле с развитием мотива смерти образ непобедимого героя Марко трансформируется в образ смертного человека, былая слава которого осталась в легендах. Марко сталкивается лицом к лицу со смертью, явившейся ему в образе старого и малого роста человека. Старец не касается Марко, но могучий герой, пытаясь прогнать незнакомца, падает на землю и больше не может подняться. В разных культурах, в том числе и восточных, старец является символическим воплощением бессмертия и вечности [7, p. 1011]. Исследователи, в частности Р. Бакабус, видят в образе неуязвимого старика образ Бога, а в диалоге, состоявшемся между стариком и Марко, – рассуждения человека перед смертью. Именно Бог дарует жизнь, и он волен её забрать, именно он позволяет, то есть дарует свободную волю, «людям делать то, что они хотят» [5, с. 574] (“Laisse les gens faire ce qu’ils veulent” [11, p. 134]). Этот разговор «универсален» по своему содержанию, – замечает Р. Бакабус, – и оттого приобретает символичность. В столкновении со странным незнакомцем Марко понимает свою смертность и

бессилие и наконец принимает свою судьбу: «Но если уж такое случилось, значит, судьбе это угодно» [5, с. 574]. Примечательно, что Марко умирает не как герой, в бою, а скорее как обычный человек, встретивший свою смерть неожиданно и сдавшийся ей.

Мотивы смерти и бессмертия в книге Юрсенар часто неотделимы друг от друга. В новелле «Обезглавленная Кали», изображая богиню, ставшую смертной», Маргерит Юрсенар демонстрирует неразрывное единство жизни, смерти и бессмертия. Действие происходит в Калькутте, что в переводе означает «место Кали». То есть художественное пространство новеллы божественно, имеет историческое и религиозное значение, связанное с почитанием бессмертного начала (богов).

Кали – богиня, символизирующая вечную жизнь, учит человека тому, что бессмертие имеет свою цену. Согласно индуизму Кали символизирует дикое и грубое состояние Богини, когда Бог к ней равнодушен.

Кали – в индуистской мифологии «олицетворение грозного, губительного аспекта» божественной энергии, истребительница демонов. «Это природа бессознательного, которая может проглотить культуру, если дисциплина уступит место желаниям и общественный строй рухнет» [4]. Но М. Юрсенар сравнивает её с чистым лотосом, означающим в индуизме ведущие творящие космические силы: чистоту и духовное совершенство, не вернувшиеся «царить в небо Индры» [5, с. 570] (“Trônait au ciel d’Indra comme à l’intérieur d’un saphir” [11, p. 123]). И в новелле образ Кали позволяет узнать, что ценой бессмертия стала жертвенная природа самой богини. В мифологии многоликая, в новелле в «теле блудницы», Кали руководит жизнью и воплощает в себе силу бесконечного, любовь и ужас, восхищение и отторжение. Её глаза – «бездонны, как смерть» [5, с. 568] (“Profonds comme la mort” [11, p. 122]), а сама она, по сути, является бессмертной. Таким образом, воплощая в себе два начала, божественное и мирское, она познала жизнь. Смерть немыслима без самой жизни, а бессмертие – это состояние души, и автор говорит о том, что в какой-то момент «жизнь и смерть станут одинаково бессмысленны» [5, с. 571] (“La vie et la mort seront également inutiles” [11, p. 126]), и что ценить исчезнувшее – поздно. Мотив смерти и бессмертия души в этой новелле получает новую вариацию, выходит на новый уровень. Её герои не смертные люди, но боги, сами способные на зависть, но при этом удивляющиеся изобретательности людей «в сотворении Зла» [5, с. 569] (“S’étonnaient de trouver <...> cette imagination infinie du Mal” [11, p. 124]). В мифологии Кали наводит страх, она коварна и зла, но вместе с тем она воплощает собой суть жизни. Люди несовершенны, но через «несовершенство <...> познает себя совершенство» [5, с. 571] (“Imparfait grâce à qui la perfection prend conscience d’elle même” [11, p. 127]). Кали поплатилась своей сущностью за бессмертие, но ярость, сжигающая её, является настоящей ценой: её неистовство бессмертно. «Символическая смерть падшей богини наглядно демонстрирует двойственность человека и постоянный поиск себя, одушевляющий все несовершенное человечество» (“La mort symbolique de la déesse déçue fait comprendre la dualité humaine et la quête constante de soi qui animent toute l’humanité imparfaite” [8]). Так в развитии мотивов смерти и бессмертия души обнаруживается ценность духовной чистоты, необходимой для достижения бесконечного.

В новеллах сборника рядом с мотивом символической смерти возникает мотив смерти героической, трагической, связанной с мотивами бессмертия и любви.

Так, в новелле «Молоко Смерти» автор, обращаясь к теме материнской любви, отождествляет её с присущей ей героизмом и жертвенностью. В повествовании о мученичестве и жертвенности обнаруживается неразрывная связь жизни и её завершения. Смерть молодой

матери – не случайность: она «несла на плечах – свою судьбу, словно святую, никому невидимую реликвию, на которой, возможно, самим Богом было начертано, какая смерть и какое место на небесах ей предназначены» [5, с. 533] (“Et son destin autour du cou comme une médaille bénite, invisible à tous, sur laquelle Dieu lui-même aurait inscrit à quel genre de more Elle était destinée, et à quelle place dans son ciel” [11, p. 52]). Молодая мать, будучи в одном шаге от смерти, продолжает думать о ребенке и, замураванная в стену, кормит сына материнским молоком. «Испытание, отнявшее её жизнь, стало катализатором, превратившим эту жизнь в образец» (“L’ér-reuve qui scelle sa vie est la catalyse qui la positionne comme modèle de vie” [8]). Мать как источник жизни в этой новелле становится антитезой смерти. Она гибнет, но ребенок живет, а потом он становится её продолжением и началом в этом мире. Так, Маргерит Юрсенар вводит в историю о великом значении материнской любви символический героический подтекст и мысль о бессмертии родителей, чья жизнь продолжается в детях.

Итак, мотивы смерти и бессмертия в «Восточных новеллах» М. Юрсенар имеют полифункциональный характер: они выполняют сюжетобразующую и композиционную функции, придают единство собранию новелл, превращая его в цикл, создают символический подтекст, формируют художественное пространство, где смерть, бессмертие и любовь – разные грани жизни. «Художник, – отмечает А. Эба, – борется со смертностью своими произведениями и учит тому, что страдания напоминают нам о привязанности к жизни, старость открывает красоту прошлого, а стойкость перед лицом смерти – это выбор» (“En sus, l’artiste combat la mortalité avec son œuvre d’art en instruisant que la souffrance rappelle l’attachement à la vie, la vieillesse inaugure la beauté du passé et la résilience face à la mort est une décision” [8]).

Список литературы

1. Гагарин А.С. Экзистенциал смерти в античной философии: киники, стоики, Плотин // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 8–13.
2. Карлова С.С. «Жизнь» и «Смерть» как фундаментальные категории в культуре // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2020. № 2–3 (10-11). С. 25–29.
3. Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию. М.: Языки Славянской Культуры, 2015. 302 с.
4. Паттанаик Д. Индийские мифы от Кришны и Шивы до Вед и Махабхараты. М: МИФ, 2022. 223 с.
5. Юрсенар М. Избранные сочинения. Восточные новеллы / пер. с французского В. Жуковой. СПб., 2013. С. 511–578.
6. Boukabous R. L’écriture de l’Orient dans les Nouvelles Orientales de Marguerite Yourcenar // Bulletin de la SIEY. 2016. № 37. P. 45–61.
7. Chevalier J., Gheerbrant A. Dictionnaire des symboles mythes, rêves, coutumes, gestes, formes, figures, couleurs, nombres. Robert Laffont, Jupiter, 1995. 1063 p.
8. Eba A.R. La mort dans les Nouvelles Orientales de Marguerite Yourcenar. URL: <https://carnet-critique.com/index.php/category/axel-richard-eba/> (дата обращения: 30.11.2023).
9. Granet M. La vie et la mort. Croyances et doctrines de l’antiquité chinoise. Paris, Ink Book, 2013. 80 p.
10. Meulder A.C. De Du mythe de la mort à la mort du mythe. Analyse de deux nouvelles

orientales de Marguerite Yourcenar // Bulletin de la SIEY. № 14. P. 31–43.

11. *Yourcenar M. Nouvelles orientales. Gallimard, 1963. 150 p.*

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 07.12.2023.

The article was submitted 04.12.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 07.12.2023.

Научная статья

УДК 821.111

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/103-110>

ТАНАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА В РОМАНЕ ДОННЫ ТАРТТ «ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ»

Юлия Сергеевна Самбур¹

Научный руководитель Галина Ивановна Модина²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Бакалавр, itsjulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1141-6925>

² Доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, modina.gi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>

Аннотация. Статья посвящена анализу танатологической темы в романе Донны Тартт «Тайная история» – литературном дебюте писательницы. Роман создан в жанре «университетского романа» (*campus novel*). Феномен *campus novel* связан с англо-американской культурой, в которой университет и высшее образование являются основными элементами современного социума, так как именно университет – это место сосредоточения культурных и нравственных ценностей. Анализируется значение танатологической темы при формировании психологических портретов персонажей романа, изучается её влияние на развитие основных тем романа. Рассматривается феномен танатологической рефлексии. Обнаруживается, что характеристика персонажей даётся в их отношении к смерти. Выявляется лейтмотивная роль одного из видов танатологической рефлексии – размышления после смерти.

Ключевые слова: Донна Тартт, «Тайная история», Танатос, танатологическая тема

Для цитирования: Самбур Ю.С. Танатологическая тема в романе Донны Тартт «Тайная История» / науч. рук. Г.И. Модина // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 103–110.

Original article

THANATOLOGICAL THEME IN DONNA TARTT'S NOVEL "THE SECRET HISTORY"

Yulia S. Sambur¹

Scientific Advisor: Galina I. Modina²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Undergraduate Student, itsjulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1141-6925>

² Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Romano-German Philology, modina.gi@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1179-9666>

Abstract. The article is devoted to the analysis of thanatological theme in Donna Tartt's novel "The Secret History" – the writer's literary debut. The novel is created in the genre of campus novel.

The phenomenon of campus novel is connected with the Anglo-American culture, in which the university and higher education are the main elements of modern society, as the university is the place of concentration of cultural and moral values. This article analyses the use of thanatological theme in the creation of psychological portraits of the novel's characters, and examines its influence on the development of the novel's main themes. The phenomenon of thanatological reflection is considered. It is found that the characters are characterised by describing their attitude to death. The leitmotiv role of the after-death reflection is revealed.

Key words: Tartt, “The Secret History”, Thanatos, thanatological theme

For citation: Sambur Y.S. Thanatological Theme in Donna Tartt’s Novel “The Secret History” / sci. adv. G.I. Modina // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. С. 103–110.

Донна Тартт – автор трёх романов, лауреат Пулитцеровской премии, которую получила за свой третий роман – «Щегол». Дебютный роман Тартт «Тайная история» создан в жанре «университетского романа» (campus novel). К нему принято относить романы, основное действие которых происходит в пространстве университета или колледжа, и чьими действующими лицами являются студенты и преподаватели. В зарубежном литературоведении романы Донны Тартт стали объектом исследований Yuri Corrigan [13], Rob Jacklosky [14] и другие, чьи статьи посвящены изучению интертекстуальности в романах Тартт и влиянию творчества Ч. Диккенса и Ф.М. Достоевского на работы американской писательницы. Научное поле отечественного изучения прозы Донны Тартт включает в себя анализ композиционной организации текстов Тартт, системы образов, античного кода, функции экфрасиса и жанрового своеобразия творчества Тартт. К этим аспектам обращены работы О.Ю. Анцыферовой [1], Е.М. Бутениной [3], Е.Н. Ищенко и М.К. Поповой [5], Т.П. Карпухиной и Е.П. Сибиной [6] и др.

Как и любой другой литературный жанр, университетский роман имеет свои отличительные особенности. В работе «Университетский роман: жизнь и законы жанра» О.Ю. Анцыферова выделяет следующие жанровые черты:

- 1) главный герой-интеллектуал, не вписывающийся в университетскую среду;
- 2) противостояние героя университетскому сообществу;
- 3) игра со стереотипами и их переосмысление;
- 4) пародийное начало;
- 5) хронотопическая константа – скульптурные изваяния между корпусами;
- 6) композиционный мотив – вечеринка в доме преподавателя [2, с. 264].

Своеобразие сюжетной линии романа заключается в использовании писательницей аналитической композиции – с первых страниц романа читатель узнает о произошедшем убийстве: «В горах начал таять снег, а Банни не было в живых уже несколько недель, когда мы осознали всю тяжесть своего положения» [12, с. 9]. Рассказчик, Ричард Пейпен, ставший участником убийства своего одноклассника, на протяжении всего повествования пытается объяснить причины, по которым преступление должно быть совершено, и переживает духовный кризис: «Я не понимаю, зачем мы сделали это, не уверен, что при аналогичных обстоятельствах мы не сделали бы этого снова, и то, что я на свой лад сожалею о содеянном, уже ничего не меняет» [12, с. 303]. Тема смерти – одна из основных в «Тайной истории», и в статье поставлена цель – выявить ее своеобразие и значение в поэтике романа.

Вопросы, касающиеся смерти, с древних времён представляют всеобщий интерес, так как единственная неизменная истина всего человеческого существования заключается в осознании неизбежности человеческой гибели. Со времен античной цивилизации люди создавали различные формы преодоления страха смерти. Сократ и его последователи утверждали, что «Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним – умиранием и смертью» [9, с. 100]. Танатология как естественная наука оформилась во второй половине XIX – первой половине XX в. В медицинской традиции термин «танатология» обозначает учение о причинах смерти, её клинических проявлениях и динамику умирания [11]. Во второй половине XX в. танатология переходит в разряд междисциплинарной науки и с началом использования данного термина в гуманитарной сфере его значение неизбежно меняется. Так, К.Г. Исупов в словарной статье Энциклопедии «Культурология» даёт следующее определение данному термину: «Танатология – философский опыт описания феномена смерти» [4, с. 210].

Один из способов типологизации танатологических мотивов, предложенных Р.Л. Красильниковым в работе «Танатологические мотивы в художественной литературе», в своей основе имеет природу смерти. Смерть может быть ненасильственной и насильственной, «иными словами – «естественная» смерть, случайная смерть, убийство или самоубийство» [7, с. 65]. К мотиву смерти также имеет отношение танатологическая рефлексия, делящаяся на «пролепсис» (размышление о своей кончине) и размышления после смерти (о чужой кончине) [7, с. 67]. Танатологические образы, в свою очередь, делятся на актанты и сирконстанты, где актанты – герои, персонажи и действующие лица, а сирконстанты – пространственно-временные признаки события (хронотоп) [7, с. 125, с. 138]. Современная литературная традиция пересматривает отношение человека к смерти. Всё чаще авторы обращаются к проблематике Танатоса, основываясь на личном вдохновении и культурном опыте человечества, исследуя на страницах своих произведений различные системы отношений к смерти и умиранию, потустороннему миру.

В романе Донны Тартт танатологическая тема связана с развитием основной сюжетной линии произведения, возникает в создании психологических портретов персонажей, проявляясь в виде отношения героев к смерти и их рефлексии на её тему. Тема смерти также присутствует при описании топосов – сирконстант романа – и воплощается в применении автором танатологических эпитетов.

Сама смерть и её образ в «Тайной истории» являются важным сюжетным элементом (на страницах романа описаны два убийства и одно самоубийство), влияющим на развитие основных тем текста. Первое убийство происходит во время вакханалии – ритуала, посвященного Дионису. Идея проведения мистерии приходит к студентам после рассказа их профессора Джулиана Морроу о дионисийском неистовстве (*bakcheia*). Джулиан говорит, что «Участников таинств, образно говоря, отбрасывало в бессознательное предшествовавшее появлению разума состояние, где личность замещалась чем-то иным», а под «иным» профессор понимает «нечто нечеловеческое» [12, с. 51]. Нарратор сразу вспоминает о «Вакханках» Еврипида и о «первобытной жестокости этой пьесы» [12, с. 51]. Вакханалии – «торжество варварства над разумом», триумф хаоса» [12, с. 51].

Дионис насылал на участников вакханалий «лёгкое безумие», из-за чего у тех происходило помутнение рассудка и они не воспринимали реальность таковой, какой она была. Так, Еврипид в «Вакханках» описывает убийство царя Пенфея его матерью Агавой. Не узнав своего сына, наблюдавшего за вакханками, она его растерзала. При этом в состоянии помутнённого рассудка Агава считала, что убила львёнка.

Сценарий «Вакханок» повторяют студенты греческого класса. Во время проведения вакханалии участники мистерии видели то, чего на самом деле в загородном лесу не было: Камилле «некоторое время казалось, будто она стала ланью», а остальные помнили, что как раз «гнали по лесу лань» [12, с. 189]. В состоянии экстаза и помутнённого сознания Генри, пытаясь себя защитить, убил человека голыми руками: «Постепенно все начало возвращаться на места. <...> Я наклонился и увидел, что это человек. Мертвый» [12, с. 190]. При этом ему, скорее всего, казалось, что его преследовало животное. На это указывают такие детали, как «странный, угрожающий звук» за его спиной, описание противника как «что-то», по всей видимости обладающее незаурядной силой: «Это что-то чуть не выбило из меня дух», – вспоминает Генри [12, с. 190].

Генри повторяет историю Агавы. Различия заключаются лишь в том, что Агава была наказана Дионисом – вместе с сёстрами отправлена в изгнание, а преступление, совершенное Генри, осталось безнаказанным. Тело мертвого фермера оставили в лесу, что представилось «умнейшим из возможных поступков» [12, с. 191].

Второй жертвой убийства стал Банни. Мотив убийства повествователь пытается объяснить на протяжении всей книги, но не может привести ни одного четко сформулированного довода. При этом эволюционирует и отношение Ричарда к преступлению: если ранее его «ужаснула бы любая мысль о преступлении», то после он признается: «В то воскресенье, когда я стоял и смотрел на самое что ни на есть настоящее убийство, мне казалось, на свете нет ничего легче» [12, с. 303].

Примечательно, что описания убийства Банни в романе нет: повествование обрывается в момент приближения Генри к Банни, будто готовящемуся столкнуться последнего с обрыва, и продолжается лишь в следующей главе в тот момент, когда студенты покидают место преступления. Ричард сожалеет о том, «что главная на самом-то деле часть моего рассказа предстает перед вами несостоятельным, куцым наброском» [12, с. 303], одновременно утверждая, что «даже самые наглые и хвастливые убийцы теряются, когда им приходится рассказывать о своих преступлениях» [12, с. 303–304]. Нарратор считает, что в момент преступления сознание притушается, поэтому в памяти не остается точной картины событий.

Самоубийство Генри – точка в созданном им танатологическом цикле: «Поднеся берретту к виску, он нажал на курок. <...> Его голова дернулась влево, но он все стоял, в полный рост, словно памятник...» [12, с. 573]. Но тема Танатоса в романе не ограничивается тремя эпизодами гибели. Автор анализирует отношение студентов к совершённым ими убийствам и к смерти, что позволяет создать психологические портреты героев.

Участники вакханалии спокойно отнеслись к совершенному преступлению: их пугал не сам факт убийства, а возможность понести наказание. Их относительное равнодушие и отсутствие чувства вины за содеянное объясняется другим ритуальным действием – принесением очистительной жертвы: спустя пару дней после убийства фермера все «вакханты» (*bakchoi*) выпустили на себя кровь поросенка, а потом вымылись – кровь смывается только кровью.

Спокойно к преступлению относился и повествователь, посвящённый в обстоятельства преступления, но не принимавший в нем участия. В минувшие месяцы о совершенном одноклассниками преступлении он думал редко, и то «лишь случись кому-нибудь о нем упомянуть» [12, с. 235]. Сам же «труп фермера воспринимался как бутафория» [12, с. 235].

Эмоционально на новость об убийстве отреагировал только Банни: о происшествии он узнал из местных газет, но первое время не подозревал, что преступление совершили именно

его друзья. Только во время отдыха в Риме, по прошествии достаточно большого отрезка времени, он узнал правду о преступлении: пока Генри страдал от мигреней, Банни перевел с латинского последние записи в дневнике одноклассника, где говорилось о том, что во время вакханалии студенты совершили убийство. Френсис заявил, что на самом деле Банни не волновал сам факт преступления и причастности к нему одноклассников, его волновало то, что вакханалию провели без него и то, что Генри достаточно нелестно отзывался о Банни в этих записях (*cuniculus molestus* – зловредный кролик; одно из значений прозвища *Bunny* – кролик).

Таким образом, столкнувшись со смертью впервые, все студенты не проявляют никаких эмоций: «вакханты» озабочены, как бы Банни не проболтался о том, кто совершил убийство, Ричард принимает факт преступления как данность, а Банни устраивает скандалы, потому что «Генри «предал» его» [12, с. 238].

На протяжении всего повествования Ричард описывает Банни неприятным человеком, причем чем ближе к моменту смерти Банни, тем хуже он отзывается о своем однокласснике. Основным мотивом преступления стало нежелание спасти себя от ответственности перед законом. Стимулом к еще одному убийству стала неприязнь к Банни.

Ричард осознает, что в момент убийства одноклассника он не думал о том, что помогает друзьям сохранить их секрет, «не о страхе, не о чувстве вины» [12, с. 252]. Ричард думал о колкостях, издевках и унижениях со стороны Банни, что помогло ему спокойно наблюдать за тем, как тот рухнул с обрыва.

Генри – «злой протагонист» и идейный вдохновитель убийства Банни – глубоко увлечён идеей смерти, что становится очевидным после категоричного заявления «Смерть – мать красоты» [12, с. 50]. Влечение к Танатосу и отвращение к Эросу. «Долгое время, – вспоминает он, – моя жизнь была бесцветной и скучной. Мертвой. Даже простейшие вещи, которыми наслаждаются все, и те не доставляли мне удовольствия. Я чувствовал, что все мои действия пропитаны тлением» [12, с. 531] предопределили жизненный путь героя и его конец [8, с. 355]. Убийство одноклассника он рассматривает как «перераспределение материи», в отличие от Чарльза Макколея, который не может оправдать «намеренное, хладнокровное убийство» [12, с. 330].

Одним из самых важных для создания полноценного психологического портрета персонажей является сцена похорон Банни Коркорана. Описывая действия главных и второстепенных героев, Тартт рисует довольно интересную картину: Генри, вдохновитель и руководитель убийства Банни, был абсолютно спокоен и даже прочитал хрестоматийное стихотворение, которое Банни знал наизусть – «Печалью полно мое сердце». Джулиан, не раз высказывавший своё презрение по отношению к Банни, присутствовал на похоронах и «развлекал беседой» присутствующих [12, с. 459]. Даже миссис Коркоран играет удобную ей роль – безутешная мать, потерявшая своего сына, но при этом не забывающая поправлять причёску и макияж и внимательно руководящая процессом похорон.

Вся похоронная церемония была шоу, устроенное родителями Банни, обожающими «пускать пыль в глаза» [12, с. 147]. Педантичность, с которой семья Коркоранов подошла к планированию «идеальных похорон», иронично граничит с реальностью – над могилой Банни натянут вульгарный брезент, «вроде тех, под которыми устраивают вечеринки в саду» [12, с. 456], а на траве вокруг был разбросан мусор: клочки бумаги, обертка и даже обертка «Твикса».

Значимым моментом во время церемонии погребения является «представление» Генри. Бросив горсть земли в могилу, он «провел ладонью по груди, и по его одежде протянулась полоса размазанной глины» [12, с. 458]. Данное действие может быть символическим указанием

на порочность Генри, а также способом показать, что ему нет дела до убитого им одноклассника – возможно, он даже гордится своей причастностью к его смерти.

Ироничное представление похорон Банни позволяет Тартт показать лицемерие всех присутствующих – от родителей Коркорана до его друзей.

Не раз на страницах романа поднимается тема суицида. Попытку совершить самоубийство предпринимает Френсис Абернати через несколько лет после развязки основной сюжетной линии. Он отправляет рассказчику «предсмертное» письмо, где сознается, что его жизнь «исподволь подгнивала уже много лет» [12, с. 580], и просит не переживать из-за него, ведь он того не стоит. Самоубийство Генри на первый взгляд может показаться спонтанным, но при детальном изучении сцены и психологических особенностей персонажа становится понятно, что он, вполне вероятно, знал, как закончится его жизнь. Если мотивация попытки самоубийства Френсиса довольно прозрачна – безнаказанность за совершенное преступление трансформируется в духовные страдания, то самоубийство Генри кажется немотивированным.

В данном контексте важно обратить внимание на его увлечение античной философией. «Злой протагонист» Генри словно «опоздал родиться». Он настолько увлечен античной философией и античной культурой, что в повседневной жизни не выносит света электрических ламп и предпочитает им керосиновые. Его не интересуют современные события, он не знает, что люди высадились на Луну. Даже при изучении возможных методов отравления Банни он обращается к древнеперсидским текстам по ядам. Увлечение античностью сказывается на его стремлении к смерти. Самоубийство в Древней Греции считалось подходящим выходом из некоторых ситуаций. Так, Платон в «Законах» указывает следующие случаи, в которых самоубийство можно оправдать: по приговору государства, из-за случайности, повлекшей «неотвратимые страдания», и из-за «тягостного стыда» [10, с. 330]. Потеря ценности жизни с точки зрения индивидуума также расценивалось разумной причиной для совершения суицида.

Генри, находящийся под влиянием античной культуры и античного мировоззрения, мог расценивать самоубийство как смерть, достойную главного героя греческой трагедии. Трагические герои имеют единственную возможность достичь бессмертия – совершить подвиг и остаться в памяти людей. Генри упоминал о своем восхищении Гомером и мог ассоциировать себя с эпическим героем. В стремлении к самоуничтожению Генри не одинок. Его «друзья» подвергают себя смертельному риску на протяжении всего повествования. Смерть посещает героев не только в своём истинном облике. Её духовное проявление становится возмездием за совершенные студентами греческого класса преступления. Все участники вакханалий становятся одиночками, а их жизненное пространство – ограниченным и тесным. Чарльз спивается и перестает поддерживать контакт даже с сестрой и бабушкой, Френсис вынужден заключить брак, в котором будет несчастен, Камилла отдалась от всех и осталась без друзей, а Ричард не может забыть всё с ним произошедшее и жить дальше.

Принятое студентами решение скрыть убийство закладывает основу для целого ряда сомнительных с точки зрения морали поступков. Герои, считая себя интеллектуально и морально выше принятых в обществе норм тяготеют к идее трансгресса – отрицания границ между возможным и невозможным. Причисляя себя к интеллектуальной элите, студенты оправдывают свои все более безнравственные и, наконец, преступные действия.

Описывая ужасающие поступки высокообразованных и, казалось бы, цивилизованных людей, Тартт поднимает проблему моральной ответственности личности за предпринятые ею безнравственные действия. Автор не оправдывает персонажей и не изображает их «лучше»

современного им общества в моральном плане. Напротив, Донна Тартт заставляет своих героев понести наказание за совершенные ими преступления, пусть и не с точки зрения закона. Бывшие «вакханты» обречены бороться с чувством вины и паранойей, постигая необратимость последствий совершенного преступления.

Танатологические образы используются и при создании топосов романа. Этому аспекту «Тайной истории» посвящена статья И.Н. Ломакиной и Е.В. Полховской. Так, авторы отмечают мрачность и безжизненность Хэмпдена, противопоставленного американским миссионерским городкам, и общежитие, похожее на готический замок [8, с. 354]. И далее в описании пространства героев возникают сравнения: «мрачно, как в склепе» [12, с. 128], «похожий на гробницу мраморный камин» [12, с. 91]. Описание загородного дома тётушки Френсиса напоминает неприступный готический замок, особенно в ночи: «из-за облаков показалась луна и я увидел дом. Он был просто огромный. Его чернильный силуэт с островерхими башенками и “вдовьей дорожкой” резко выделялся на фоне неба» [12, с. 90]. Сам топос загородного дома тесно связан с сюжетной значимостью Танатоса – именно здесь студенты готовились к проведению вакханалии. Мотив смерти используется при описании кампуса в день убийства Банни: «гнетущий и неподвижный» день, застывшая, «словно ожидая чего-то» [12, с. 292], природа, а «Прерванный полёт воздушного змея ассоциируется с оборванной жизнью Банни» [8, с. 354].

В тексте романа важную роль играет танатологическая рефлексия, при этом в романе присутствует как «пролепсис», так и размышления после смерти.

«Пролепсис» в романе проявляется в идее совершения самоубийства Ричардом. Об этом он задумывается после того, как Чарльз оказался в больнице. Нарратору в голову «одна за другой лезли непрошенные мысли», самой яркой из которых была его роль в осуществлении плана по убийству Банни: именно Ричарду доверился Банни и именно Ричард «сдал его тепленьким прямо ему [Генри] в руки и даже ни секунды не колебался» [12, с. 526]. Так как Ричард стал соучастником убийства, его могли преследовать по закону. Сам повествователь отмечает, что «уголовное преследование за убийство не имеет срока давности» [12, с. 527], а единственным способом избежать наказания за преступление ему казался только суицид. Доставая пятнадцать капсул снотворного, Ричард иронично задается вопросом: «Интересно, обрадовал бы миссис Коркоран такой поворот судьбы: украденные у нее лекарства убили убийцу ее сына?» [12, с. 527].

Танатологическая рефлексия о чужой кончине – лейтмотивная. На протяжении всего повествования Нарратор задумывается о причинах совершенного им преступления, рассуждает о разнице собственных ощущений после убийства фермера и убийства одноклассника и пытается осознать произошедшее: «Прошел не один час, прежде чем до меня начало доходить, что мы натворили, и не один день (месяц? год?), прежде чем я осознал, что произошло на самом деле» [12, с. 303].

О смерти Генри рассуждают Ричард и Френсис. В то, что Генри мертв, Френсису всё ещё сложно поверить, хотя он понимает, что тот «не мог прикинуться мертвым, а потом инсценировать свои похороны» [12, с. 585]. Обоим кажется, что он к ним вот-вот присоединится, и оба видели его «призрак», находясь в предсмертном состоянии: Ричард – в больнице после суицида Генри, Френсис – после попытки самоубийства, когда «лежал в этой чертовой ванне» [12, с. 584].

Таким образом, танатологическая тема в романе «Тайная история» играет важную роль в создании психологических портретов персонажей и сопряжена с другими мотивами романа – гордыня, преступление, духовная смерть. Характеристика персонажей дана в их отношении

к смерти и совершенному преступлению, в ироническом описании сцены похорон Банни, где и родители, и «друзья» лицемерны и равнодушны. Описание личностного и коллективного духовного кризиса демонстрирует разрушительную силу осознания собственной виновности. Танатологическая рефлексия в романе представлена «пролепсисом» и размышлением после смерти, где последнее выполняет лейтмотивную функцию.

Список литературы

1. *Анцыферова О.Ю.* Античный код в университетском романе Донны Тартт «Тайная история» // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. 2015. № 2 (21). С. 22–27.
2. *Анцыферова О.Ю.* Университетский роман: жизнь и законы жанра // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 264–295.
3. *Бутенина Е.М.* Исповедальность Достоевского и современный американский роман о подростке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2 (34). С. 94–100.
4. *Исупов К.Г.* Танатология // Культурология. XX век: Энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. С.Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. 370 с.
5. *Иценко Е.Н., Попова М.К.* Экфрасис как структурообразующий элемент художественного мира и маркер современного отношения общества к искусству в романе Д. Тартт «Щегол» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2016. № 2. С. 66–73.
6. *Карпухина Т.П., Симонова Е.П.* Эстетические и лингвистические особенности композиции романа Донны Тартт «Щегол» (The Goldfinch) // МНИЖ. 2021. №1 (103). С. 164–167.
7. *Красильников Р.Л.* Танатологические мотивы в художественной литературе. Введение в литературоведческую танатологию. М.: Языки славянских культур, 2015. 302 с.
8. *Ломакина И.Н., Полховская Е.В.* Танатопэтика Донны Тартт (на материале романа «Тайная история») // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 2. С. 352–357.
9. *Платон.* Диалоги. Апология Сократа: перевод с древнегреческого. М.: АСТ, 2020. 352 с.
10. *Платон.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 4: пер. с древнегреческого / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 830 с.
11. *Серов В.В.* Танатология // Большая советская энциклопедия в 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969–1986. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/108/831.htm> (дата обращения: 12.10.2023).
12. *Tartt Д.* Тайная история / пер. с англ. Д. Бородкин, Н. Ленцман. М.: Corpus, 2015. 593 с.
13. *Corrigan, Y.* Donna Tartt's Dostoevsky: Trauma and the Displaced Self // Comparative Literature. 2018. V. 70, №. 4. P. 392–407.
14. *Jacklosky R.* “The Thing and Not the Thing”: The Contemporary Dickensian Novel and Donna Tartt's The Goldfinch (2013) // Dickens After Dickens / ed. by E. Bell. White Rose University Press, 2020. P. 117–140.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 06.12.2023.

The article was submitted 04.12.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 06.12.2023.

Научная статья

УДК 81–25

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/111-115>

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ксения Захаровна Заплутаева¹,

Ульяна Максимовна Симоненко²,

Анна Ремовна Вершинина³

^{1,2,3} Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия

¹Бакалавр, 2022100943@pnu.edu.ru

²Бакалавр, 2022100293@pnu.edu.ru

³Старший преподаватель, 006001@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3941-029X>

Аннотация. Юмор – явление тонкое, многогранное и неоднозначное, отражающее культурную специфику и менталитет страны, в которой он существует. Всем известно выражение «британский юмор», однако немногие могут понять и оценить его. Данная статья направлена на исследование лингвистических особенностей юмористического дискурса в британском варианте английского языка, поскольку понимание этих особенностей позволит ближе познакомиться с самой культурой Великобритании, ее ценностями, традициями и особенностями, что, в свою очередь, способствует избежанию возможных конфликтов и недопонимания. Для проведения анализа авторы используют аутентичный языковой материал: шутки британских комиков, а также шутки, размещенные в британских Интернет-ресурсах в открытом доступе. В работе используются описательный и структурный методы, а также метод логического сопоставления.

Ключевые слова: юмор, английский юмор, Великобритания, лингвистические особенности, юмористический дискурс, английский язык

Для цитирования: Заплутаева К.З., Симоненко У.М., Вершинина А.Р. Лингвистические особенности юмористического дискурса в английском языке // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 111–115.

Original article

LINGUISTIC PECULIARITIES OF HUMOROUS DISCOURSE IN ENGLISH

Ksenia Z. Zaplutaeva¹,
Ulyana M. Simonenko²,
Anna R. Vershinina³

^{1,2,3} Pacific National University, Khabarovsk, Russia

¹Bachelor, 2022100943@pnu.edu.ru

²Bachelor, 2022100293@pnu.edu.ru

³Senior Lecturer, 006001@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3941-029X>

Abstract. Humor is a subtle, multifaceted and ambiguous phenomenon, reflecting the cultural specifics and mentality of the country in which it exists. Everyone knows the expression “British humor”, but not many people can understand and appreciate it. This article is aimed at exploring the linguistic features of humorous discourse in British English, since understanding these features allows to learn the culture of Great Britain itself, its values, traditions and features, which in turn helps to avoid possible conflicts and misunderstandings.

The authors use authentic language material: jokes by British comedians, as well as jokes posted on British Internet resources in the public domain. The methods used in the work include descriptive and structural methods, as well as the method of logical comparison.

Key words: humor, English humor, Great Britain, linguistic peculiarities, comic discourse, English language

For citation: Zaplutaeva K.Z., Simonenko U.M., Vershinina A.R. Linguistic Peculiarities of Humorous Discourse in English // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. P. 111–115. (In Russ.).

Ценность юмористического дискурса как универсального явления сложно переоценить. Шутки и юмор существуют в любом языке с древнейших времен и находят применение в различных социальных отношениях. Несмотря на нередкое в прошлом осуждение людьми использования юмора в ситуациях, для которых характерны серьезные, деловые отношения между их участниками, сегодня юмор – явление практически повсеместное. Объяснение этому мы видим в обширной и разноплановой пользе юмора: от интерпретирования речевой ситуации в менее серьезном ключе, что по каким-либо причинам необходимо в процессе диалога, до привлечения внимания к определённой проблеме или же теме, которая может быть важна в данном дискурсе. Человек гораздо проще и охотнее воспринимает информацию, вызывающую у него эмоциональный отклик, а самый простой и безобидный способ добиться такого результата – подавать информацию с помощью юмора, таким образом вызвав у слушателя смех или хотя бы какой-то намек на позитивную эмоцию. Юмор помогает и в бытовых ситуациях межличностного общения, так как посредством юмора и шуток люди больше узнают друг о друге, сближаются, испытывая позитивные эмоции вместе. **Цель настоящего исследования** – выделить характерные отличия английского юмора в лингвистическом аспекте. До-

стижению поставленной цели способствует *решение ряда задач*: выяснить, что такое юмористический дискурс и его значение, определить основные особенности британского английского юмора, проанализировать конкретные примеры шуток на предмет лингвистических особенностей.

Юмор выполняет множество функций: информативную, эмоциональную, регулирующую, мотивационную, развлекательную. Юмористический дискурс – понятие достаточно обширное, мы изучаем его как лингвистическое явление. Для того чтобы шутка получилась удачной, человек должен владеть языком, на котором она прозвучит. Носители разных языков могут считать комичным совершенно разные вещи, что обосновано культурно-историческими особенностями и структурой самого языка.

Юмористическому дискурсу в британском английском присущи свои характерные черты. Великобритания, обладая многовековой историей и традициями, имеет также и особую, национальную тональность юмора. Как замечают некоторые исследователи, юмор англичан отличается некой «аристократичностью», проявляющейся в той невозмутимости и серьёзности, с которой они могут шутить на самые различные темы. Есть также в британском юморе особенности, основанные именно на специфическом употреблении слов и построении предложений. Мы постараемся рассмотреть и выявить их на конкретных примерах шуток [1, с. 155].

Говоря о ярких отличительных чертах можно назвать любовь британцев к игре слов в самой разнообразной форме. Данный юмористический жанр, основывается на звучании слова и его применении в специфических конструкциях таким образом, что значение слова искажается или придаёт предложению необычную окраску, считающуюся комичной. Самым показательным вариантом игры слов являются каламбуры. Они могут быть построены на таких лингвистических особенностях, как омонимы или же многозначные слова. Примером шутки, построенной с помощью омонимов, может послужить следующий пример: “*Why do Brits end up losing weight easily? Every time they make a purchase, they lose a couple of pounds*” [4]. («Почему британцы легко худеют? Потому что каждый раз, когда они за что-то платят, они теряют немного фунтов»). Элемент комического здесь заключён именно в омонимичности – английское слово “*pounds*” может обозначать как фунты стерлингов, то есть деньги, так и фунты как единицу меры веса. В качестве ещё одного примера каламбура, но с использованием многозначности слова можно привести следующую шутку: “*The past, the present, and the future walked into a bar. It was tense*” [5]. («Прошлое, настоящее и будущее зашли в один бар. Это было напряжённо»). На первый взгляд может показаться, что эта фраза не имеет никакого смысла, однако здесь нужно обратиться к значениям слова “*tense*” – оно может переводиться не только как «напряжённо», но и как «время», и именно на этой многозначности слова строится данный каламбур.

Другая группа юмористических приёмов, часто используемая в английском, в том числе и среди носителей языка британского происхождения, создаёт комический эффект путём расхождения ожидаемого смысла предложения и того, который в итоге преподносит автор. Сюда можно отнести такой приём, как иронизирование. Англичане по натуре своей могут высмеивать практически всё, в том числе вещи, над которыми обычно не смеются. Примером иронии может послужить следующая шутка: “*Me and my wife had an argument about how I labeled the DVD with the recording of our wedding. I mean, what is wrong with “My first wedding”?*” (Dave Thompson). («Я поругался со своей женой из-за того, как я подписал DVD с записью нашей свадьбы. В смысле, что не так с «Моей первой свадьбой?»). Юмор здесь

заключается в том, что подпись “My first wedding” («Моя первая свадьба») наталкивает на мысль, что её автор, вероятно, считает, что эта свадьба не станет его последней и однажды он разведётся со своей женой и женится вновь, таким образом в данной шутке высмеивается институт брака.

Ещё один приём, относящийся к этой группе, строится на некой «нелепости» ситуации, о которой повествуется в шутке. Пример может выглядеть следующим образом: “*British scientists have demonstrated that cigarettes can harm your children. Fair enough. Use an ashtray!*” (Jimmy Carr). («Британские ученые доказали, что сигареты могут навредить вашим детям. Справедливо, да. Используйте пепельницу!»). Данная чёрная шутка построена на весьма странном восприятии заявления о вреде сигарет детям, что создаёт нелепую ситуацию.

В следующую группу лингвистических особенностей, присущих юмористическому дискурсу, можно выделить шутки, построенные на использовании фраз, придающих предложению специфическую окраску, или на построении предложения необычным образом. К таким юмористическим приемам относится, например, гиперболизация. Её суть заключается в намеренном нарушении логических пропорций в предложении, то есть в выставлении чего-то не слишком важного на первый план, тем самым преуменьшая важнейшую часть. Например: “*I was in my car driving back from work. A police officer pulled me over and knocked on my window. I said, “One minute I’m on the phone.”*” (Alan Carr) [2]. («Я ехал на своей машине с работы. Офицер полиции остановил меня и постучал в окно. Я сказал, “Одну минуту, я разговариваю по телефону”»). Здесь комический эффект достигается за счёт того, что простой телефонный звонок ставится в более высокий приоритет, чем проблемы с полицией.

Еще одну группу составляют шутки, комический эффект в которых возникает в результате буквального восприятия фразы, на деле обладающей двойным значением. Например: “*You’re supposed to say “Break a leg” to actors. Break a leg? It’s not even relevant. That’s like saying to a 100-metre hurdler, “I hope you forget your lines!”*”. (Izzy Mant) [3]. («Предполагается, что вы должны говорить актерам: “Сломай ногу”. Сломай ногу? Это даже не имеет отношения к делу. Это всё равно, что сказать бегуну на 100 метров с препятствиями: “Я надеюсь, ты забудешь свои реплики!”»). Фраза “*Break a leg*” используется в качестве пожелания удачи в английском языке, а в представленной шутке данное выражение воспринимается буквально и потому высмеивается за свою, будто бы, жестокость.

По результатам нашего исследования можно выделить несколько ярких особенностей, присущих юмористическому дискурсу в британском английском языке.

1. Широкое использование игры слов в британских шутках, часто требующей наличия языковых и культурологических знаний или остроумия для понимания смысла.
2. Использование игры с нарушениями смысловых пропорций в предложении для достижения комичности.
3. Тонкость и аристократичность британского юмористического дискурса, а также отсутствие границ для него.

В заключение отметим, что значимость юмористического дискурса сложно переоценить. Британский юмор помимо лингвистических особенностей имеет лингвокультурные различия и национальный колорит. Всю комичность и красоту той или иной шутки достаточно тяжело понять человеку другой культуры, однако понимание юмора может помочь в разрешении или предупреждении различных конфликтных и сложных ситуаций, в понимании мировоззрения британцев и их отношения к миру.

Список литературы

1. *Ильина О.К.* Особенности английской шутки // Россия и Запад: Диалог культур: сборник статей XIII международной конференции 26–28 ноября 2009 г. Вып.15. Ч. 1. М., 2010. С. 154–162.
2. Funniest Jokes And Best One-Liners From The Greatest Comedians. URL: <https://www.blackpoolgrand.co.uk/funniest-jokes-one-liners> (дата обращения: 15.11.2023).
3. The best short jokes, as picked by Britain's comedians. URL: <https://www.gq-magazine.co.uk/article/quick-fire-jokes-1> (дата обращения: 15.11.2023).
4. 170+ Best British Jokes, Puns, And One-Liners. URL: <https://kidadl.com/funnies/jokes/best-british-jokes-puns-and-one-liners> (дата обращения: 14.11.2023).
5. 77+ Funny British Jokes & Puns. URL: <https://oneperfectdayblog.net/british-jokest/> (дата обращения: 15.11.2023).

Статья поступила в редакцию 29.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 29.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 05.12.2023.